

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВРЕМЕНИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

Специальный выпуск
в честь
Татьяны Ивановны
КРАСНОБОРОДЬКО

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Специальный выпуск
в честь
Татьяны Ивановны
КРАСНОБОРОДЬКО

Санкт-Петербург
2023

УДК 821.161.0
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1
В 81

Издание основано в 1962 году

Редакционная коллегия:

А. Ю. Балакин, М. Н. Виролайнен, Е. Е. Дмитриева

Редакторы выпуска:

А. Ю. Балакин, В. В. Турчаненко

Рецензенты:

Доктор филологических наук

А. А. Карпов

(Санкт-Петербургский государственный университет)

Кандидат филологических наук

С. И. Панов

(Институт мировой литературы им. М. Горького РАН)

ISBN 978-5-94668-379-1

© Авторы статей, 2023

© Т. Двнятина, фото, 2019

© Пушкинская комиссия РАН, 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий специальный выпуск «Временника Пушкинской комиссии» посвящен многолетнему ученому хранителю рукописей Пушкина, ведущему научному сотруднику Пушкинского Дома Татьяне Ивановне Краснобородько. Этот сборник — подношение благодарных друзей; представленные в нем материалы в значительной мере отражают широкий круг научных интересов Татьяны Ивановны.

В раздел «Материалы и сообщения» включены три публикации. Т. М. Двинятина фиксирует упоминания Пушкина в дневниках и записных книжках И. А. Бунина, подробнейшим образом комментируя рассуждения писателя. В статье И. А. Лобаковой рассказывается о предварительных названиях книги «Воспоминания» академика Д. С. Лихачева, который был председателем Пушкинской комиссии в 1983—1999 годах. В публикации Н. А. Прозоровой представлена переписка пушкиниста академика Ф. Е. Корша и чиновника Академии наук Вл. А. Рьшкова.

В разделе «Обзоры» помещена библиография публикаций Т. И. Краснобородько, составленная Л. Д. Зародовой при участии Л. А. Тимофеевой.

Раздел «Статьи и заметки» состоит из работ пушкинистов — коллег Татьяны Ивановны. М. Г. Альтшуллер рассказывает о гусарах в «Повестях Белкина». М. Н. Виротайнен представляет комментарий к пушкинским балладам в контексте стихотворения П. А. Катенина «Старая быль» и его послания к Пушкину. С. В. Денисенко предлагает свою версию толкования рисунка обложки Пушкина к рукописям «маленьких трагедий». Литературной символике и культурной репутации топонима «Кузнецкий мост» посвящена заметка Н. Л. Дмитриевой. А. А. Долинин в своей статье

суммирует сведения о биографии и репутации Эммануила де Сен-При, дважды упомянутого Пушкиным как карикатуриста. В заметке о «низверженной запятой» Т. А. Китанина восстанавливает репутацию генерал-лейтенанта С. Д. Мерлини, которая пострадала в результате произвольных текстологических решений публикаторов одного из планов пушкинского «<Романа на Кавказских водах>». В статье Е. О. Ларионовой «О так называемых “Набросках предисловия” Пушкина к “Борису Годунову”» анализируются высказывания поэта о трагедии и о драматических принципах, которыми он руководствовался при ее создании. С. А. Фомичев исследует формы стилизации народных песен в лирике Пушкина.

Раздел «Из истории пушкиноведения» в настоящем выпуске открывается публикацией Е. Р. Обатниной, в первой части которой рассматриваются литературные и семейные отношения поэта и пушкиниста Модеста Людвиговича Гофмана и его сына Ростислава с писателем А. Ремизовым. Во второй части публикуется письмо внука М. А. Гофмана — Владимира Ростиславовича к Татьяне Ивановне, связанное с передачей им автографа пушкинского стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» в Пушкинский Дом. Обширная статья Т. С. Царьковой посвящена несостоявшемуся историко-литературному альманаху Пушкинского Дома «26 мая»: скрупулезно рассмотрены его история и содержание, а также представлены все факты более поздних публикаций материалов, предназначенных для этого альманаха.

В разделе «Хроника» друзья и коллеги по Пушкинскому Дому рассказывают о своей работе с Татьяной Ивановной и поздравляют ее.

Цитаты из Пушкина, если цитируемое издание не указано особо, приводятся либо по Полному собранию сочинений (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949. Т. 1–16; 1959. Т. [17]: Справочный том) со ссылками в скобках с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской), либо по новому академическому Полному собранию сочинений (СПб.: Наука, 1999–2019. Т. 1–3, 7; издание продолжается) с сокращением в скобках (АПСС) и указанием тома, книги и страницы. Ссылки на автографы Пушкина, хранящиеся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, даются сокращенно: ПД (т.е. Рукописный отдел Пушкинского Дома, ф. 244, оп. 1), далее указывается номер единицы хранения и — в случае необходимости — соответствующий лист рукописи.

В. В. Головин

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Т. М. ДВИНЯТИНА

ПУШКИН НА СТРАНИЦАХ ДНЕВНИКОВ И ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК БУНИНА

— А вы часто перечитываете «Повести Белкина»?

— В нормальной обстановке едва ли не раз в месяц.

*И. Бунин, отвечая А. Бахраху.
Начало 1940-х¹*

И дневники, и записные книжки И. А. Бунина сохранились отрывочно, многие из них были уничтожены самим писателем, не желавшим оставлять их досужим взглядам посторонних. Наиболее полно до нас дошли дневники Бунина за 1916–1919, 1921–1922 и 1940–1945 годы, записи иных лет охватывают лишь отдельные дни и месяцы его долгой жизни.² Записные книжки, которые Бунин, по всей вероятности, вел в разные годы своей писательской работы, известны только поздние: первая из десяти уцелевших записных книжек начата не раньше конца 1930-х годов.³ Поэтому все приведенные ниже записи и фрагменты — это заведомо лишь малая часть определенно бывших и во многом утраченных записей Бунина о Пушкине, так что в особо значимых случаях нам придется

¹ Бахрах А. В. Бунин в халате: По памяти, по записям / Сост., вступ. ст., коммент. Ст. Никоненко. М., 2006. С. 102.

² Бунин И. А. Дневники. 1885–1953 гг. / Предисл., подгот. текста и примеч. Т. М. Двинятиной, О. А. Коростелева, С. Н. Морозова // И. А. Бунин: Новые материалы и исследования: В 4 кн. М., 2022. Кн. 2 / Ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. С. 5–441 (Литературное наследство. Т. 110).

³ Бунин И. А. Записные книжки / Предисл., подгот. текста и примеч. Е. Р. Пономарева // Там же. С. 442–590.

дополнять их выписками из других его сочинений.⁴ С такого случая и начнем.

В 1926 году Бунин отвечал на вопросы газеты «Возрождение» о своем отношении к Пушкину:

В одном моем рассказе⁵ семинарист спрашивает мужика:

— Ну, а скажи, пожалуйста, как относятся твои односельчане к тебе?

И мужик отвечает:

— Никак они не смеют относиться ко мне.

Вот вроде этого и я мог бы ответить:

— Никак я не смею относиться к нему... <...>

И все-таки долго сидел, вспоминал, думал. И о Пушкине, и о былой, пушкинской России, и о себе, о своем прошлом...⁶

Через два года ответ на вопросы газетной анкеты был перенесен в пушкинскую главу «Жизни Арсеньева» (кн. 3, гл. VIII), построенную Буниным на собственных впечатлениях ранних лет, как и многие другие части этой «вымышленной автобиографии».⁷ Приведем фрагмент, задающий тон всей главе (в газетной заметке текст значительно больше):

Когда он вошел в меня? Я слышал о нем с младенчества, и имя его всегда упоминалось у нас с какой-то почти родственной фамильярностью, как имя человека вполне «нашего» по тому обществу, особому кругу, к которому мы принадлежали вместе с ним. Да он и писал все только «наше», для нас и с нашими чувствами. Буря, что в его стихах мглой крыла небо, «вихри снежные крутя», была та самая, что бушевала в зимние вечера вокруг Каменского хутора. Мать иногда читала мне (певуче и мечтательно, на старомодный лад, с милой, томной улыбкой): «Вчера за чашей пуншевою с гусаром я сидел», — и я спрашивал: «С каким гусаром, мама? С покойным

⁴ При этом, за исключением приводимых далее ответов на вопросы газеты «Возрождение», носящих характер личного авторского признания, мы не будем привлекать пушкинские контексты в критике и публицистике Бунина, как, например, оценку Пушкиным поэзии Баратынского, которую Бунин излагает в статье «Е. А. Баратынский» (1900), и др.

⁵ Далее приводится неполная и несколько измененная цитата из рассказа Бунина «Будни» (1913).

⁶ Бунин И. А. Думая о Пушкине // Возрождение (Париж). 1926. № 373. 10 июня (цит. по: Бунин И. А. Публицистика 1918—1953 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; Вступ. ст. О. Н. Михайлова; Коммент. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. М., 1998. С. 204).

⁷ Ходасевич В. Ф. О «Жизни Арсеньева» // Возрождение. 1933. № 2942. 22 июня.

дяденькой?»⁸ Она читала: «Цветок засохший, безуханный, забытый в книге, вижу я», — и я видел этот цветок в ее собственном девичьем альбоме... Что же до моей юности, то вся она прошла с Пушкиным.⁹

Ощущение своей органической соприродности пушкинскому миру, живая связь с ним — константа всей жизни Бунина. В его личной мифологии, в том сюжете, который Бунин сам строил из отдельных фрагментов своей биографии, огромную роль играло родство с В. А. Жуковским, литературным «крестным» Пушкина, незаконным сыном Афанасия Ивановича Бунина (1716—1791) и пленной турчанки Сальхи (1754—1811).¹⁰ Согласно «Родословной рода Буниных», составленной Ю. С. Ртищевым,¹¹ это родство было глубоким и дальним: отец Афанасия Бунина Иван Лукич Бунин (ум. 1738) приходился родным братом прапрадеду Бунина Дмитрию Лукичу, В. А. Жуковский — троюродным братом прадеду Бунина Дмитрию Семеновичу.¹² К древнему дворянскому роду Буниных принадлежали и крестная мать (и сводная сестра) Жуковского Варвара Афанасьевна Юшкова (урожд. Бунина; 1768—1797), и Мария Андреевна Протасова (1793—1823), возлюбленная Жуковского, и «русская Саф», Анна Петровна Бунина (1774—1829), старшая современница Пушкина. Из связанного с Буниными рода Чубаровых происходила и мать Бунина, Людмила Александровна,¹³ и Бунин «смешивал ее, молодую, — то есть воображаемую молодую, — с Людмилой из Пушкина».¹⁴

Весной 1874 года, когда Бунину было три года, семья поселилась на хуторе Бутырки Елецкого уезда Орловской губернии (в «Жизни Арсеньева» — Каменка). «Тут, в глубочайшей полевой тишине, летом среди хлебов, подступавших к самым нашим порогам, а зимой среди сугробов, и прошло все мое детство, полное поэзии печальной и своеобразной», — напишет Бунин в «Автобиографической заметке»

⁸ Имеется в виду брат матери Бунина Иван Александрович Чубаров (1833—1861).

⁹ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 6. С. 126; цитируются стихотворения Пушкина «Зимний вечер», «Слеза» и «Цветок».

¹⁰ В крещении — Елизавета Деметьевна Турчанинова. В одном из вариантов автобиографии Бунин путает ее с Сальмой, матерью В. В. Капниста (см.: Там же. Т. 9. С. 267).

¹¹ Юрий Сергеевич Ртищев (1879—1975) — генеалог, генеральный секретарь (с 1949 г.) Союза русских дворян во Франции.

¹² См.: Ртищев Ю. С. Родословная рода Буниных (Париж, 1946) // Русский архив в Лидсе (РАЛ). MS 1066/638.

¹³ Девичья фамилия ее матери — Бунина.

¹⁴ Бунин И. А. Думая о Пушкине. С. 208.

Василий Андронасевич
Жуковский
Бунинъ

К столетию со дня смерти В. А. Жуковского.

Георг Вильгельм Тимм. Портрет В. А. Жуковского (1852).
Вырезка из печатного издания с исправленной подписью И. А. Бунина.
Не ранее 1950 г. РАЛ. MS 1066/633¹⁶

1915 года.¹⁵ Его самые первые и яркие впечатления представляли живыми картинами пушкинских строк: морозное солнечное утро («Зимнее утро») — охота («Зима. Что делать нам в деревне?..») — вечерняя Венера («К Делии») — вечерний соловей («Певец») — ночные видения («К Морфею») — осенний лес и конные прогулки

¹⁵ Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. С. 254.

¹⁶ Иллюстрации, представляющие материалы РАЛ (Русский архив в Лидсе), подготовлены благодаря любезной помощи заведующего РАЛ Ричарда Д. Дэвиса и публикуются с разрешения архива. © The Ivan and Vera Bunin Estate (University of Leeds, Great Britain).

по полям («19 октября», 1825) — мечтания о пока еще выдуманной далекой любви («Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...»)... Об этом ощущении Пушкина в своей жизни с самых ранних лет Бунин говорит и в «Жизни Арсеньева», и (подробнее) в ответах на вопросы газеты «Возрождение»: «Имя его я <...> узнал <...> не от учителя, не в школе: в той среде, из которой я вышел, тогда говорили о нем, повторяли его стихи постоянно».¹⁷

Детство Бунина — это детство Петруши Гринева, который «рос недорослем, гоня голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками» (VIII, 280), — только 12-летний Бунин, приехав из Ельца на летние каникулы и «начитавшись за зиму Майн Рида и Купера», играл с товарищем не в чехарду, а в индейцев, и вместо голубей ловил перепелов и коростелей.¹⁸ Сам его отъезд в елецкую гимназию из родного дома схож с отъездом Петруши в Оренбург, хотя и без Савельича — бунинский губернатор Николай Осипович Ромашков, выучивший его читать по «Одиссее» Гомера, остался к тому времени в прошлом.

Отличие от пушкинского героя — в раннем понимании поэтичности как всепроникающей и всё связующей ткани жизни. Это чувство определило в Бунине главное — самосознание себя поэтом и «повышенный душевный строй, как прирожденный, так и благоприобретенный за чтением поэтов, непрестанно говоривших о высоком назначении поэта, о том, что “поэзия есть бог в святых мечтах земли”, что “искусство есть ступень к лучшему миру”».¹⁹ В «Жизни Арсеньева» Бунин переводит лицейские строфы восьмой главы «Евгения Онегина» на свою юность: «Ни лицейских садов, ни царскосельских озер и лебедей, ничего этого мне, потомуку

¹⁷ Бунин И. А. Думая о Пушкине. С. 208.

¹⁸ См.: Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / Вступ. ст., примеч. А. К. Бабореко. М., 2007. С. 50, а также в воспоминаниях старшего брата Бунина Е. А. Бунина: «У Вани был свой Пятница, когда он представлял из себя Робинзона. <...> ...они с товарищем по целым дням плавали в индейских костюмах на пирогах с шестью, крича: “Кикерикки, кикерикки, я аллигатор с соседней реки!” — и сражались стрелами»; там же — об охоте на птиц как любимом занятии братьев Буниных (Бунин Е. А. Раскопки далекой темной старины / Предисл. и публ. А. К. Кувановой // Иван Бунин: [Сб. материалов]: В 2 кн. М., 1973. Кн. 2. С. 230, 228–229 (Литературное наследство. Т. 84)).

¹⁹ Бунин И. А. Собр. соч. Т. 6. С. 117. В другой главе «Жизни Арсеньева» Бунин скажет: «Повышенная впечатлительность, унаследованная мной не только от отца, от матери, но и от дедов, прадедов, тех весьма и весьма своеобразных людей, из которых когда-то состояло русское просвещенное общество, была у меня от рождения. Баскаков (его прототипом был Н. О. Ромашков. — Т. Д.) чрезвычайно помог ее развитию» (Там же. С. 30–31).

“промотавшихся отцов”, в удел уже не досталось. Но великая и божественная новизна, свежесть и радость “всех впечатлений бытия”, но долины, всегда и всюду таинственные для юного сердца, но сияющие в тишине воды и первые, жалкие, неумелые, но незабвенные встречи с музой — все это у меня было». ²⁰

Когда Бунин, оставив на четвертом году учения гимназию и поселившись в Озёрках (последнем имении обнищавшей семьи, в «Жизни Арсеньева» — Батурино), занялся самообразованием, он, по собственным словам, читал «что попало: и старые и новые журналы, и Лермонтова, и Жуковского, и Шиллера, и Веневитинова, и Тургенева, и Маколея, и Шекспира, и Белинского...» и в первых поэтических опытах «подражал <...> больше всего Лермонтову <...>. Потом пришла настоящая любовь к Пушкину, но наряду с этим увлечение, хотя и недолгое, Надсоном...» ²¹ Под влиянием «Евгения Онегина» в феврале — марте 1887 г. сочинял поэму «Петр Рогачев». ²² На обложке самодельной тетради стихов того времени («Ив. А. Бунин. Сочинения стихотворные. Книга 5-ая. Стихотворения» от 15 января по 15 февраля и 15 марта. 1887 год. дер. Озёрки, 4 февр.) спустя много лет написал: «Это обложка одной из тех тетрадей, что я сшивал собственноручно для своих “сочинений”. В почерке — подражал Пушкину». ²³

В 1890 году 20-летний Бунин пишет поэтическое «Подражание Пушкину», начинающееся словами: «От праздности и лжи, от суетных забав / Я одинок бежал в поля мои родные...» — и построенное как парафраз пушкинских цитат. ²⁴ «Обратное» бегство — к морю — тоже несет в себе пушкинские коннотации. Так, оказавшись в начале лета 1896 года в Крыму, Бунин минимальными штрихами отмечает в дневнике: «Байдары, Южный берег. Ночевка

²⁰ Там же. С. 93.

²¹ Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. С. 259.

²² Поэма задумывалась в трех песнях, из которых была написана только первая. Авторская дата: «Начата 27 февраля, кончена 5 марта 1887 года. Сельцо Озёрки, Ел<ецкого> уезда». См.: Гольдин С. Л. О литературной деятельности И. А. Бунина конца восьмидесятых — начала девяностых годов // Учен. зап. Орехово-Зуевского пед. института. М., 1958. Т. 11. Кафедра литературы. Вып. 3. С. 41–48.

²³ См.: Иван Бунин: [Сб. материалов]: В 2 кн. Кн. 2. С. 133 (Литературное наследство. Т. 84). О подражании Пушкину «даже в почерке» Бунин скажет еще не раз, см.: Бунин И. А. 1) Собр. соч. Т. 9. С. 259; 2) Думая о Пушкине. С. 204.

²⁴ См.: Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Т. М. Двигятиной. СПб., 2014. Т. 1. С. 128–129, 451–452 (коммент.) («Новая Библиотека поэта»).

в Кикенеизе. Ялта, Аю-Даг»,²⁵ в поздних записях подробно расскажет о приезде в Гурзуф, восхождении на Аю-Даг и как особое воспоминание добавит: «Вторая ночь в Гурзуфе — Пушкин, Раевский...»,²⁶ в записную книжку 1944 года отдельной строкой впишет: «Пушкин был в Хан-Сарае (ханский дворец) в Бахчисарае в августе 1820 г.»²⁷ На воображаемом слиянии своих южных впечатлений с пушкинскими Бунин заканчивает заметки о Пушкине, свой самый полный текст, ему посвященный: «...первые поездки на Кавказ, в Крым, где он — или я? — “среди зеленых волн, лобзующих Тавриду”, видел Нереиду на утренней заре, видел “деву на скале, в одежде белой над волнами, когда, бушующая в бурной мгле, играло море с берегами” — и незабвенные воспоминания о том, как когда-то и мой конь бежал “в горах, дорогою прибрежной”, в тот “безмятежный” утренний час, когда “все чувство путника манит” —

И зеленеющая влага
Пред ним и плещет и шумит
Вокруг утесов Аю-Дага...»²⁸

С годами отношение Бунина к Пушкину становится и глубже, и богаче: «Вспоминаю, уже не подражания, а просто желание, которое страстно испытывал много, много раз в жизни, желание написать что-нибудь по-пушкински, что-нибудь прекрасное, свободное, стройное, желание, проистекавшее от любви, от чувства родства к нему, от тех светлых (пушкинских каких-то) настроений, что Бог порою давал в жизни».²⁹ И дальше в ряду своих сочинений, созданных

²⁵ Бунин И. А. Дневники. С. 18. Эта запись была внесена Буниным и в «Автобиографический конспект», где в записях 1898 года снова упоминаются: «Ялта, гостиница возле мола. Ходили в Гурзуф. На скале в Гурзуфе вечером» (И. А. Бунин: Новые материалы и исследования. Кн. 2. С. 601, 612; 602).

²⁶ См.: Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. С. 347–348.

²⁷ Бунин И. А. Записные книжки. С. 489. Бунин ошибся: Пушкин с Раевскими был в Бахчисарае 7–8 сентября 1820 года (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 1: 1799–1824. С. 200–201).

²⁸ Бунин И. А. Думая о Пушкине. С. 210; курсив автора. Цитируются стихотворения Пушкина «Нереида», «Буря» и последние строки поэмы «Бахчисарайский фонтан».

²⁹ Там же. С. 205. Кроме названных дальше текстов Бунин в разное время будет говорить о своих стихотворениях «Молодой король» и «Игроки» как прямо восходящих к пушкинским сюжетам (см.: Там же. С. 204–205; Бунин И. А. Собр. соч. Т. 9. С. 370), о Петербурге скажет: «Петром и Пушкиным созданный» (стихотворение «День памяти Петра», 1925), а написанное к 100-летию Пушкина стихотворение «26 мая» (1899) сам будет считать слабым и в своем издании не включит (в связи с этим юбилеем, который Бунин застал в Одессе, см. его позднее воспоминание в: Бунин И. А. Записные книжки. С. 498).

под влиянием этих настроений, Бунин называет — удивительно — прежде всего «итальянские» стихотворения «У гробницы Вергилия» (1916), «В Сицилии» (1912), «Помпея» (1916), и затем уже «русские» — «Псковский бор» и «Дедушка в молодости». Два последних написаны в июле 1912 года, когда Бунин с женой гостили у А. С. Черемнова и М. П. Миловидовой в имении Клеевка, относившемся тогда к Себежскому уезду Витебской губернии (сейчас эти земли входят в Псковскую область). То «лето в псковских лесах» Бунин вспоминал как отмеченное постоянным «соприсутствием Пушкина», когда писать стихи ему было особенно легко:³⁰ в Клеевке написано 19 из 35 стихотворений его будущей книги «Иоанн Рыдалец: Рассказы и стихи, 1912—1913 гг.» (1913).³¹

Конец 1900-х годов — время наибольшего признания Бунина-поэта. Он дважды — в 1903 и 1909 годах — удостоивается Пушкинской премии, самой высокой ежегодной награды Императорской Академии наук,³² в 1909 году избирается почетным академиком по разряду изящной словесности. Принадлежность классической линии русской поэзии становится неотъемлемой частью его литературной репутации. «На фоне русского модернизма поэзия Бунина выделяется как хорошее старое. Она продолжает вечную пушкинскую традицию и в своих чистых и строгих очертаниях дает образец благородства и простоты», — пишет о нем Ю. И. Айхенвальд.³³

³⁰ Бунин И. А. Думая о Пушкине. С. 207. См. также в «Автобиографическом конспекте»: «1912 г. Лето: Готово, потом Клеевка. Много стихов» (И. А. Бунин: Новые материалы и исследования. Кн. 2. С. 609).

³¹ К биографическим параллелям кроме Крыма и близких к Михайловскому «псковских лесов» можно отнести и ярмарки. Посещая их и в Ельце, и в Готове, где он часто проводил у родных летние месяцы в 1900—1910-х годах, Бунин оказывается в положении Пушкина, который в 1825—1826 годах приходил на ярмарки в Святых Горах и слушал там песни и духовные стихи нищих и слепцов: «...шатаюсь по деревням, по ярмаркам, — уже на трех был, — завел знакомства с слепыми, дурачками и нищими, слушаю их песнопения и т. д.», — писал Бунин брату Ю. А. Бунину в августе 1897 года (Бунин И. А. Письма 1885—1904 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; Подгот. текста и коммент. С. Н. Морозова, А. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. М., 2003. С. 241—242). На «Кирики» 1911 года (15 (28) июля, день памяти святых мучеников Кирика и Иудитты, которым был посвящен день в Казанской церкви в Готове) Бунин не только посещает ярмарку, но и оставляет в дневнике подробные описания нищих и калек, встреченных им у церкви, полагая использовать эти заметки в будущих рассказах.

³² В 1903 году Бунин разделил премию с П. И. Вейнбергом, в 1909 году — с А. И. Куприным.

³³ Айхенвальд Ю. И. Иван Бунин // Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М., 1910. Вып. 3. С. 113.

*И. А. Бунин после избрания почетным академиком.
Санкт-Петербург, ноябрь 1909. Фотография Д. С. Здобнова.
Лит. музей ИРЛИ*

С этим были согласны и сами представители русского модернизма: А. А. Блок отмечал у Бунина «простоту и четкость пушкинского стиха»,³⁴ И. Ф. Анненский объяснял поэтические достоинства Бунина тем, что тот «ничего не ищет. За него все нашел раньше

³⁴ Блок А. О лирике // Блок А. А. Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 2003. Т. 6. С. 70 (впервые: Золотое руно, 1907. № 6).

Пушкин...»³⁵ и т. д. Но споров и притязаний говорить «от имени Пушкина» и как будто от его лица давать оценки своим оппонентам это не останавливало. 5 мая 1918 года Бунин, и прежде известный громоподобной критикой современной поэзии,³⁶ напишет в дневнике: «Как дик культ Пушкина у поэтов новых и новейших, у этих плебеев, дураков, бестактных, лживых — в каждой черте своей диаметрально противоположных Пушкину. И что они могли сказать о нем, кроме “солнечный” и т<ому> п<олюбных> пошлостей! А ведь сколько говорят!»³⁷

Невероятная экспрессивность этого высказывания, пришедшего на Пасху 1918 года, связана не только с давним неприятием Буниным модернистов, но и, конечно, с событиями русской революции, тем крахом всей прежней жизни, в котором Бунин винил прежде всего «наш<у> интеллигенци<ю>», — это подлое племя, совершенно потерявшее чутье живой жизни и изолгавшееся насчет совершенно неведомого ему народа...»³⁸

К причинам постигшей Россию катастрофы Бунин будет возвращаться все последующие годы. В апреле 1921 года (после Кронштадтского восстания, в котором многие в эмиграции — но не Бунин — увидели «начало конца»³⁹) он перечитывает «Капитанскую дочку» и заносит в дневник неточные (по памяти?) цитаты:

«Полудикие народы... их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражд<анской> жизни, легкомыслие и жестокость...» («Капит<анская> дочка»). Это чудесное определение очень подходит ко *всему рус<скому>* народу.

«Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, к<ото>рые происходят от улучшения нравов, без всяких нравственных⁴⁰ потрясений...».

³⁵ Анненский И. Ф. Иван Бунин. Сочинения: [Рец. на: Бунин И. А. Собр. соч. СПб.: Знание, 1904–1909. Т. 1–5] // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1910. Ч. 25. [№ 2]. С. 235 (3-я паг.).

³⁶ Вспомним тут только самое шумевшее выступление Бунина с обличением литературы последних лет на юбилее газеты «Русские ведомости» 6 октября 1913 года (см.: Иван Бунин : [Сб. материалов]: В 2 кн. Кн. 1. С. 314–324).

³⁷ Бунин И. А. Дневники. С. 114.

³⁸ Бунин И. А. Письмо П. А. Нилусу от 27 мая 1917 г. // Бунин И. А. Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; Отв. ред. С. Н. Морозов; Подгот. текста и коммент. С. Н. Морозова, Р. Д. Дэвиса, Л. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. М., 2007. С. 387.

³⁹ См.: Бунин И. А. Дневники. С. 145 (запись от 13 марта 1921 г.).

⁴⁰ Так в единственно сохранившейся машинописной перепечатке дневника Бунина, в тексте Пушкина: «насильственных».

«Те, к<ото>рые замышляют у нас переворот, или молоды, или не знают нашего народа, или уже люди жестокосердые, к<ото>рым и своя шейка — копейка и чужая головúшка — полушка...» («Кап<итанская> дочка»).⁴¹

Сам Бунин оттягивал момент отъезда из России до последнего, долго не поддавался на уговоры друзей, уплыл из Одессы буквально на последнем пароходе, когда красные уже входили в город. В конце марта 1920 года он оказался во Франции, после двух с половиной лет почти непрерывных мучений — в самом центре культурной жизни русского зарубежья. Позже он вспоминал:

...Париж <...> встретил нас не только радостной красотой своей весны, но и особенным многолюдством русских, многие имена которых были известны не только всей России, но и Европе, — тут были некоторые уцелевшие великие князья, миллионеры из дельцов, знаменитые политические и общественные деятели, депутаты Государственной Думы, писатели, художники, журналисты, музыканты, и все были, невзирая ни на что, преисполнены надежд на возрождение России и возбуждены своей новой жизнью и той разнообразной деятельностью, которая развивалась все более и более на всех попрощах.⁴²

На волне этих настроений меньше чем через месяц после приезда в Париж, 25 апреля 1920 года, Бунин и его жена Вера Николаевна Муромцева (Бунина) посещают создателя и хранителя первого пушкинского музея А. Ф. Онегина, жившего на ул. Мариньян (25, rue de Marignan) близ Елисейских Полей. В дневнике жены Бунина за 26 апреля читаем: «Вчера были в музее Онегина. И трогательно, и печально, и как настоящее, нужное мешается с пустяками, ненужным. Онегин — глубокий старик, с неприятным характером, от старости, от заброшенности, от недостатка денег для музея. Много волнующего в этих вещах, но есть и ненужные вещи, вроде балетных

⁴¹ Бунин И. А. Дневники. С. 146. В течение дней бунинской жизни это чтение попадает между панихидой по погибшему три года назад генералу Л. Г. Корнилову («плакал о России», — напишет Бунин в дневнике) и чтением исторических томов С. М. Соловьева и А. И. Герцена. Следующая затем запись — о похоронах адвоката Е. И. Кедрина (защитника народовольцев), они приходится на Светлую неделю (Пасха — 1 мая), — заканчивается словами: «Все как будто хоронил я — всю прежнюю жизнь, Россию...» (Там же. С. 146–149; запись от 13, 17, 21 апреля, 6 мая 1921 г.).

⁴² Бунин И. А. «Третий Толстой» // Бунин И. А. Воспоминания. Париж, 1950. С. 228–229.

туфелек, например».⁴³ Можно только предполагать, что визит не имел большого успеха, иначе мимо внимания Бунина (хотя его дневников того времени не осталось) и его жены едва ли прошло бы, что в тот день они оказались среди подлинных сокровищ — рукописей и прижизненных изданий Пушкина, книг и альманахов его времени, самых разнообразных примет и предметов пушкинской эпохи, собиранию которых А. Ф. Онегин посвятил к тому моменту уже более 40 лет.⁴⁴ По условиям заключенного между Онегиным и еще Императорской Академией наук в 1909 году договора эта уникальная коллекция была в 1927 году передана в Пушкинский Дом и заложила основу его собрания. Вместе с ней в Пушкинский Дом поступил и личный архив А. Ф. Онегина, и в нем гостевая книга онегинского музея, где на 10 октября (день рождения Бунина по старому стилю) помещена его фотография, очевидно подаренная владельцу в день парижской встречи. Надпись на ней гласит: «Ив. Бунин. Лето 1918 г., после бегства из Москвы, под Одессой».⁴⁵

Случайно или не случайно, посещение Буниным Онегина совпало с развитием одной из главных тем в эмигрантских разговорах весны 1920 года и вообще первых лет жизни во Франции. Через день после визита на ул. Мариньян Бунины были в гостях у А. Н. и Н. В. Толстых: «Говорили о том, что литература теперь заняла гораздо более почетное место, чем это было раньше. <...> Все поняли, что литература — это в некотором роде хранилище России».⁴⁶ Идея укорененности литературы, и прежде всего поэзии, в наследии прошлого будет прямо выражена в статье Бунина «Июния и Китеж. К 50-летию со дня смерти гр. А. К. Толстого» (1925) и определит его новую художественную манеру, которая отныне будет строиться преимущественно на воспоминании как способе воскрешения ушедшей жизни. Наследование прошлому и своим предкам Бунин

⁴³ Бунина В. Н. Дневник, 1920 г. // РАЛ. MS 1067/367. См. также: Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt am Main, 1981. Т. 2. С. 11.

⁴⁴ См.: Краснобородько Т. И. Хранитель // «Тень Пушкина меня усыновила...»: Рукописные книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина: Каталог выставки. СПб., 1997. С. 9–19.

⁴⁵ РО ИРАИ. № 29337. С. 224. Подробнее см.: «Тень Пушкина меня усыновила...». С. 53.

⁴⁶ Бунина В. Н. Дневник, 1920 г. // РАЛ. MS 1067/367. Цит. по: Устами Буниных. Т. 2. С. 12.

понимал в том числе (и прежде всего) буквально. В его записной книжке 1944 года видим следующую выписку: «Пушкин в письме к Рылееву (1825 г.): “Ты сердисься, что я чванюсь своим шестисотлетним дворянством. Как же ты не видишь, что дух нашей

И. А. Бунин. Под Одессой, лето 1918. С надписью Бунина.
РО ИРЛИ. № 29337 (Альбом А. Ф. Онегина). С. 224

словесности отчасти зависит от сословия писателей?»⁴⁷.⁴⁷ Бунин вел свою родословную с XV века⁴⁸ и мог сравнивать ее с пушкинской, вновь и вновь подчеркивая их принадлежность одному миру.⁴⁹

Поэтому и личные встречи с прямыми наследниками Пушкина играли для него особую роль — и остались в его заметках. Так, в избранных записях, включенных в первый том «нобелевского» собрания сочинений (Берлин, 1934–1936), Бунин вспоминает о том, как еще в молодости видел однажды в Москве Александра Александровича Пушкина, сына поэта.⁵⁰

В эмиграции ему доведется встретиться с двумя его детьми, внуками Пушкина. В ноябре 1935 года, поехав в Брюссель с лекцией о Л. Н. Толстом, Бунин познакомится там с Николаем Александровичем Пушкиным (1885–1964) и будет принят у него дома.⁵¹

⁴⁷ Бунин И. А. Записные книжки. С. 491. Цитируется письмо Пушкина к К. Ф. Рылееву (вторая половина июня — август 1825 г.), в оригинале: «Ты сердисься за то, что я чванюсь 600 лет<ним> дворянством (NB. мое дворянство старее). Как же ты не видишь, что дух нашей словесности отчасти зависит от состояния писателей?» (XIII, 219).

⁴⁸ См.: Бунин И. А. Автобиографическая заметка (1915) // Собр. соч. Т. 9. С. 253.

⁴⁹ Когда в 1928 году возникла идея серии литературных биографий, Бунин был очень разочарован, что не ему (а Ходасевичу) выпало писать о Пушкине. В «Грасском дневнике» Г. Н. Кузнецовой записаны его слова: «— Это я должен был бы написать “роман” о Пушкине! Разве кто-нибудь другой может так почувствовать? Вот это наше, мое, родное, вот это, когда Александр Сергеевич, рыжеватый, быстрый, соскакивает с коня, на котором ездил к Смирновым или к Вульффу, входит в сени, где спит на ларе какой-нибудь Сенька и где такая вонь, что вздохнуть трудно, проходит в свою комнату, распахивает окно, за которым золотистая луна среди облаков, и сразу переходит в какое-нибудь испанское настроение... Да, сразу для него ночь лимоном и лавром пахнет... Но ведь этим надо жить, родиться в этом!» (Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А. К. Бабореко. М., 1995. С. 93–94). Вспоминая один из разговоров с Т. И. Краснобородько, скажем, что Бунин создает здесь поэтический образ жизни Пушкина в Михайловском, в этом контексте речь могла идти о его соседях в Тригорском — П. А. Осиповой, ее дочерях Анне и Евпраксии и сыне А. Н. Вульффе.

⁵⁰ «Помню жуткие, необыкновенные чувства, которые испытал однажды (в молодости), стоя в церкви Страстного монастыря возле сына Пушкина, не сводя глаз с его небольшой и очень сухой, легкой старческой фигуры в нарядной гусарской генеральской форме, с его белой курчавой головы, резко белых, чрезвычайно худых рук с костявыми, тонкими пальцами и длинными, острыми ногтями» (Бунин И. А. Из записей // Бунин И. А. Собр. соч.: В 11 т. Берлин, 1934. Т. 1. С. 24). Судя по упоминанию гусарской формы, речь именно об А. А. Пушкине (1833–1914).

⁵¹ См.: Бабореко А. К. Бунин: Жизнеописание. 2-е изд. М., 2009. С. 307–308. При этом В. Н. Бунина с гимназических лет была хорошо знакома с женой Н. А. Пушкина Надеждой Алексеевной (урожд. Петуникова; 1878–1974).

От той встречи сохранился экземпляр седьмого тома собрания сочинений Бунина (Берлин: Петрополис, 1934) с дарственной надписью: «Дорогой Николай Александрович, счастлив был видеть Вас, — Вас, от дедушки которого пошла мы, писакки, все — и большие, и малые. Ив. Бунин. 19.XI.1935. Bruxelles».⁵²

В 1940—1942 годах Бунин сблизится с Еленой Александровной фон дер Розенмайер (урожд. Пушкина; 1889—1943). Его знакомство с «Леной Пушкиной» (как называла ее В. Н. Бунина, помнившая внучку Пушкина «девочкой-подростком в Трубниковском переулке с гувернанткой»⁵³) состоялось в ниццком доме бывшего дипломата А. В. Неклюдова 6 июня 1940 года, в день рождения ее великого предка, и Бунин в первую очередь обратил внимание на ее внешность: «...крепкая, невысокая женщина, на вид не больше 45, лицо, его костяк, овал — что-то напоминающее пушкинскую посмертную маску».⁵⁴ На протяжении двух следующих лет они не раз встречались в Ницце, 14 июня 1941 года Е. А. фон дер Розенмайер гостила у Буниных в Грассе, — эти дни (и вполне возможно, что их было больше) отмечены в бунинском дневнике того времени.⁵⁵ Когда в 1943 году она умерла, Бунин записал: «...передо мной <...> было существо, в котором текла кровь человека, для нас уже мистического, полубожественного! Она была такая же бездомная, бедная эмигрантка, как все мы, бежавшие из России от большевизма, добывала в Ницце пропитание тяжким трудом, которым и надорвала себя так, что перенесла две операции. Оплатить вторую, которая свела ее в могилу, у меня уже не хватало средств, — их нужно было добывать как милостыню у добрых людей. И я сделал тут все, что мог, но это уже ее не спасло. Так на моих глазах погибла внучка Пушкина!»⁵⁶

О том, что Бунин старался помочь Е. А. фон дер Розенмайер в ее несчастье, говорят отдельные штрихи в его дневнике от 9 октября 1941-го и 5 июля 1942 года,⁵⁷ а также пространная записка

⁵² Елецкий краеведческий музей (ЕКМ). № 11410. За это указание благодарю С. Н. Морозова.

⁵³ Устами Буниных. Т. 3. С. 154 (запись от 8 сентября 1943 г.).

⁵⁴ Бунин И. А. Дневники. С. 245 (запись от 25 июля 1940 г.).

⁵⁵ См.: Там же. С. 313, 314, 330, 332, 371, 432 (записи от 12 и 15 июня, 5 и 15 сентября 1941 г., 10 апреля и 14 ноября 1942 г.).

⁵⁶ РАА. MS 1066/557 (записи Бунина, переписанные В. Н. Буниной).

⁵⁷ 9 октября 1941 г.: «Как живет внучка Пушкина и *чем* добывает себе пропитание!» (предложение отмечено на полях красным карандашом, «чем» подчеркнуто чернилами и дважды — красным карандашом); 5 июля 1942 г.: «Была на почте — Пушкина денег от меня еще не получила. Негодяи!» (Бунин И. А. Дневники. С. 335, 397).

в дневнике В. Н. Буниной, сделанная после известия о смерти «Лены Пушкиной».⁵⁸ В записной книжке Бунина 1944 года осталась заметка на память: «Внучка Пушкина, Елена Александровна, дочь “Сашки”, первенца Пушкина, по мужу фон Розен-Мейер, умерла в Ницце в клинике, после второй операции живота, 14 авг<уста> 1943 г. Одно время была арестована немцами, думавшими, что она еврейка. Я много встречался с ней. Нужно о ней написать».⁵⁹

Точно так же, как о личной утрате, Бунин всегда думал о смерти Пушкина. «Все перечитываю Пушкина, — записывает он в дневнике 12 февраля 1945 года. — Всю мою долгую жизнь, с отрочества, не могу примириться с его дикой гибелью! Лет 15 т<ому> н<азад> я обедал у какой-то герцогини в Париже, на обеде был Henri de Régnier⁶⁰ в широком старомодном фраке, с гальскими усами. Когда мы после обеда стоя курили с ним, он мне сказал, что Дантес приходится ему каким-то дальним родственником — и “que voulez-vous?⁶¹ Дантес защищал свою жизнь!” Мог бы и не говорить мне этого, так-то его мать!»⁶² Мысль о короткой жизни Пушкина и долгой жизни Дантеса не давала Бунину покоя. В записной книжке 1944 года он уже напоминал себе: «Написать о моей встрече с Рильке. Еще об Henri de Régnier. Как он говорил со мной о Дантесе и Пушкине».⁶³ Там же, только несколькими страницами

⁵⁸ «Она изучала арабский язык, что когда-то злило Надю <Н. А. Петунникову> — “кривляется”. А по-моему, это понятно — хотела знать язык праотцов. Она была умна, но, вероятно, с трудным характером. Убеждения ниццкие — вера в немцев и ненависть к евреям и большевикам. Гордилась своим родом. Была фрейлиной. Рассказывала об обедах в московском дворце, когда приезжала царская семья. К Яну (домашнее имя Бунина, — Т. Д.) чувствовала большую благодарность, как пишет ее друг французженка» (РАА. MS 1067/413; запись от 8 сентября 1943 г.).

⁵⁹ Бунин И. А. Записные книжки. С. 498. Е. А. Розенмайер была похоронена на городском кладбище Ниццы и через пять лет перезахоронена в общей могиле. В 2007 году на ниццком кладбище Кокад, втором после Сен-Женевьев-де-Буа русском кладбище во Франции, была установлена мемориальная табличка (из пушкинских современников там похоронен А. Н. Раевский). См.: Агишина Г. В истории русской Ниццы дописана еще одна страница // Перспектива / Perspektive. 2007. Oktober. № 8 (41). P. 8–10. За указание этого источника благодарю М. В. Захарову.

⁶⁰ Анри Франсуа Жозеф де Ренье (Régnier; 1864–1936) — французский поэт и прозаик, член Французской академии (1911). Автор рецензий на французские издания книг Бунина «Господин из Сан-Франциско» (Figaro. 1921. 19 décembre), «Деревня» (Figaro. 1923. 20 février), «Чаша жизни» (Figaro. 1924. 8 janvier), «Митина любовь» (Figaro. 1925. 22 décembre). Обстоятельства его встречи с Буниным «лет 15 тому назад» неизвестны.

⁶¹ что вы хотите? (франц.)

⁶² Бунин И. А. Дневники. С. 430.

⁶³ Бунин И. А. Записные книжки. С. 495.

ранее, Дантес возглавляет список людей, даты жизни которых Бунин хочет запечатлеть отдельно: «Дантес умер <в> 1895 г., проживши 83 года!»⁶⁴ (далее идут Бестужев (Марлинский), Грибоедов, Веневитинов, Мицкевич, Загоскин, Кольцов и т. д.). И в начале другой записной книжки, которую Бунин стал вести в 1947 году, он вновь возвращается к этой теме, теперь уже в более широком ракурсе: «Вдруг вспомнишь: мало того, что так дико погибли Лермонтов и Пушкин, — погиб еще и Грибоедов! Тут что-то не простое!»⁶⁵

Дневники и записные книжки Бунина самого конца 1930-х — первой половины 1940-х годов — наиболее полно сохранившееся пространство его размышлений о литературе и жизни. В эти годы Бунин пользуется библиотеками при русских церквях в Ницце и Каннах,⁶⁶ и его дневники наполняются выписками из «толстых» журналов второй половины XIX века («Русский вестник», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Вестник Европы»), произведений Тургенева, Толстого, Гоголя, Гаршина, Чехова, А. К. Толстого... Погрузившись в чтение, Бунин только в середине весны 1940 года, после почти полуторалетнего перерыва (окончания работы над «Ликой», завершающей частью «Жизни Арсеньева», и первыми рассказами будущих «Темных аллей»⁶⁷), «<с>тал присаживаться к письму <енному> столу».⁶⁸ Тогда же он в очередной раз пересматривает свой архив, перечитывает и уничтожает часть дневников — как будто чувствует, что заканчивается большой период его жизни, и еще не знает, что в новом, отягощенном войной и голодом, его ждет один из наивысших творческих взлетов. Перед отъездом из Грасса в Париж в мае 1940 года Бунин подводит итог своей работе над «Жизнью Арсеньева»: книга доведена им только до юности героя, и Бунин мучается тем, как можно и нужно ли вообще вести повествование дальше.

Он приезжает в Париж 9 мая, а на следующий день, 10 мая, Германия вторгается во Францию, и вся прежняя жизнь рушится на

⁶⁴ Бунин И. А. Записные книжки. С. 464. См. также беглую запись в дневнике от 30 апреля 1940 года: «Дантес, приехав в П<е>т<ер>б<ург> (в 1833 г.) поселился “в Английском трактире на Галерной”» (Бунин И. А. Дневники. С. 240).

⁶⁵ Бунин И. А. Записные книжки. С. 545.

⁶⁶ См. упоминание о библиотеке в Ницце в письме к Б. К. Зайцеву от 12 декабря 1939 года (Новый журнал (Нью-Йорк). 1979. Кн. 136. С. 131), дневнике от 6 марта 1940 года (Бунин И. А. Дневники. С. 229) и записной книжке 1944 года (Бунин И. А. Записные книжки. С. 497), о библиотеке в Каннах — в дневниковой записи от 17 июля 1940 года (Бунин И. А. Дневники. С. 249).

⁶⁷ В 1937—1938 гг. были написаны «Кавказ», «Баллада», «Степа», «Муза», «Темные аллеи» и «Поздний час».

⁶⁸ Бунин И. А. Дневники. С. 231 (запись от 30 марта 1940 г.).

глазах. Лето проходит в общей панике и тревоге: вскоре после возвращения из Парижа Бунины в большом потоке беженцев уезжают из Грасса и скитаются по деревням близ Тулузы (западная часть страны казалась им безопаснее), затем, после признания Францией поражения (22 июня) и ее деления на северную оккупированную и «свободную» южную зоны, возвращаются в Грасс, на виллу «Жаннет», где проведут все военные годы. В июле 1940 года разворачивается «битва за Британию» (так назвал ее Черчилль) — жесточайшие бомбардировки ее германскими «авионами». Как и в 1919 году в Одессе, М. Алданов и М. О. и М. С. Цетлины зовут Бунина ехать с ними в Америку, но он чувствует, что этой новой, второй эмиграции ему уже не осилить. 1 сентября пишет: «Все-таки это правда — наступают *самые* решительные дни». ⁶⁹ Его дневник превращается в хронику военных действий, в которой отмечены воздушные бои у берегов Англии, бомбардировки англичанами Мюнхена, Лейпцига, Касселя, Берлина, Гамбурга, непрекращающиеся «алерты» в Лондоне, самый страшный из которых приходится на 7 сентября 1940 года: «Дым от пожаров в Англии виден с сев<ерных> берегов Франции». ⁷⁰

В этот же день Бунин записывает в дневнике: «Нынче ночью проснулся с мыслью, которая со сна показалась ужасной: “Жизнь Арс<еньева>” может остаться не конченной! Но тотчас с облегчением подумал, что не только “Евг<ений> Онегин”, но немало и других вещей Пушк<ина> не кончены, и заснул». ⁷¹

И еще через пять дней, 12 сентября, там же: «Леонардо да Винчи, переселившись в Милан, предлагал свои услуги Людовико Моро — между прочим в качестве скульптора и живописца: “во всем этом, светлейший государь, я могу делать все, что только можно сделать, — *по сравнению с кем угодно*”. Вот это я понимаю!» И далее с новой строки: «Пушкин незадолго до смерти писал: “Моя душа расширилась: я чувствую, что могу творить”». ⁷²

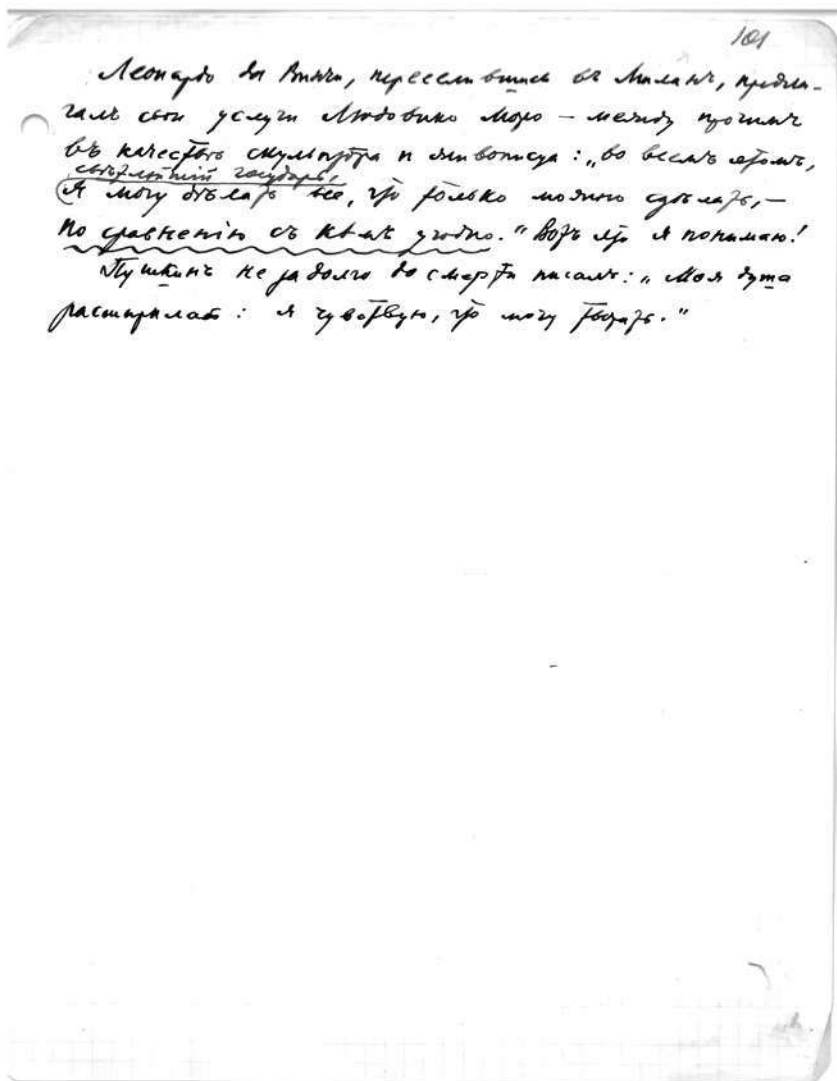
⁶⁹ Бунин И. А. Дневники. С. 256.

⁷⁰ Там же. С. 260 (запись от 9 сентября 1940 г.).

⁷¹ Там же. С. 259 (запись от 7 сентября 1940 г.). В «онегинской» орбите бунинских заметок сегодня особого внимания достойна запись 1-й половины 1940-х годов, поданная от лица то ли автора, то ли героя: «У него был в году только один престольный праздник: Татьянин день» (Бунин И. А. Записные книжки. С. 532).

⁷² Там же. С. 262. Слова Пушкина из письма к Н. Н. Раевскому, написанного по-французски в июле 1825 года («Je sens que mon âme s'est tout-à-fait développée, je puis créer», пер.: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить»). Бунин заимствует их, видимо, из речи И. С. Тургенева при открытии памятника Пушкину в 1880 году в Москве, опубликованной в журнале «Вестник Европы» (1880. № 7), который Бунин читал, скорее всего, в каннской библиотеке (ср.: Там же. С. 249).

Эти слова как нельзя более соответствуют его собственному состоянию: на осень 1940 года приходится новый виток стремительной работы над рассказами, которые позже войдут в книгу «Темные аллеи». 30 сентября Бунин скажет: «С месяц почти

И. А. Бунин. Страница дневника. 12 сентября 1940 г.
РАЛ. MS 1066/532

пишу не вставая, даже иногда поздно ночью, перед сном». ⁷³ Только за сентябрь—октябрь 1940 года им написаны «Руся», «Мамин сундук» (позднее заглавие «Красавица»), «По улице мостовой» (позднее заглавие «Дурочка»), «Волки», «Антигона», «Паша» (позднее заглавие «Гость»), «Визитные карточки», «Зойка и Валерия», «Таня», «В Париже», «Галя Ганская», 11 ноября закончен «Генрих» («Кажется, так удалось, что побегал в волнении по площадке перед домом, когда кончил»). ⁷⁴

Параллельно созданию этих и следующих рассказов заполнялись и страницы записных книжек. Среди многих иных записей личного и художественного свойства на них отражены размышления наедине с самим собой, факты из жизни людей пушкинского круга, оставлены выписки из сочинений, которые по созвучию ли с собственной судьбой, ⁷⁵ или как рабочий материал для своей творческой лаборатории, ⁷⁶ или из чистого восхищения перед далеким гением волновали Бунина в разные моменты его жизни. ⁷⁷

⁷³ Бунин И. А. Дневники. С. 265. См. также запись в дневнике В. Н. Буниной от 17 сентября 1940 года: «Третьего дня была оссиановская ночь, быстро неслась облака с запада, и мы с Яном представили, что делается над La-Manche (имеются в виду воздушные бои между Германией и Англией. — Т. Д.). Ян много что-то пишет. Слава Богу, не томится. В такие времена особенно проявляется личность человека. Он много, часто и хорошо говорит о том состоянии, куда зашла вся Европа. Что даст Европе юдофобство, диктаторы и все, что теперь творится» (РАЛ. MS 1067/410).

⁷⁴ См.: Бунин И. А. Дневники. С. 263—265.

⁷⁵ Так, например, вновь и вновь возвращаясь к крайне болезненному для него расставанию с Г. Н. Кузнецовой, роман с которой (как подчеркивается тут же) длился «целых 16 лет», Бунин прибегает к начальной строке стихотворения Пушкина «От меня вечер Леила...» (см.: Там же. С. 377).

⁷⁶ Самый яркий пример содержится в записной книжке, начатой в конце 1930-х годов, см.: Бунин И. А. Записные книжки. С. 453—454, 465—467 (коммент.). Выписывая разные, в том числе просторечные, слова и выражения из самых разных сочинений Пушкина, Бунин в другой записной книжке приведет его же слова из «Письма к издателю»: «Писать единственно разговорным языком — значит не знать языка» (Там же. С. 535; у Пушкина: «языком разговорным»).

⁷⁷ Отдельного упоминания заслуживают постоянные разговоры о Пушкине, их упоминания см. в дневнике В. Н. Буниной, например, 31 марта 1937 года: «Вечером у Рахманиновых. <...> Ян показал, как нужно читать Пушкина — сказки» (РАЛ. MS 1067/412); 13 февраля 1948 года: «Сегодня мы оба сидели у Ивановых <...> беседовали и о Бенедиктове, и о Пушкине, и о Лермонтове и почти не спорили. Восхищались «Путешествием в Эрзерум» <так!>, «Таманью»» (РАЛ. MS 1067/423; см. также: Бунин И. А. Дневники. С. 43; запись от 20 июня 1912 г. о перечитывании «Путешествия в Эрзерум») и т. д., не говоря о многих других источниках (письмах и воспоминаниях современников), сохранивших суждения Бунина о Пушкине.

Пушкин: Александр, по утлу, поды векъ. -
 Модисъ старся. - Свудъ जो сказывалъ. -
 Ни мало не утшисль. - Двоюродной. - Кожефев
 варъ. - Несовольсудий. - Не знаю, модано-ли на
 дворянъ зго. - Не памедъ. - Зала (у маж-
 поль). - Тадакерка. - Шелопай (у талсф.:
 талпай). - Бидлофёка. - Сертукъ. -
 Покамьсрб. - Невнопаръ. - Тапракъ (у дре-
 та: тепракъ). - Окмолоткъ. - На пароронахъ.
 Кладбйце. - Кирила, съ Кирилот. - Чагиня. -
 Отслушнль нисколько объденъ. - Сербьдн-
 пои. -

Сенбора Дота-Анна. - Донъ Буанъ.

Въ Делузововъ трактат (1820г.)

Отпесся о кельх дуно. - Не моль сударъ свое
предпротакіе. - Тринадесналь хромелу о. в. -
 Судилъ по Пале-Роялю. - Она была въ Вер-
 сали. - Назло. - Присрководидея вразя. -
 Профывусрвифо. - Катиника. - Силосрвешно. -
 Шеремсрвбъ. - Будици сфобакъ. - Мало его.
 Не моши взойти. - Въ мьвдкель маидант.
Постелья. - Три разя. -

Тавъ-онъ-гасу.

Склизкий

И. А. Бунин. Страница записной книжки с выписками из А. С. Пушкина. [Конец 1930-х — конец 1940-х гг.] РAL. MS 1066/547

Самая подробная записная книжка, ключевая для понимания мировоззрения Бунина тетрадь 1944 года, открывается цитатой из Жуковского:

Жуковский:

«Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?»⁷⁸

Вечное человеческое страдание! И мое постоянное теперешнее.
1.4.44. Grasse, A<lpes> M<aritimes>.⁷⁹

Ниже на той же странице еще одна запись о том, кого Бунин считал человеком, волею несправедливой судьбы лишенным общей с ним фамилии:⁸⁰ «Жуковский родился в 1783 г., умер 12 Апр<еля> 1852 г. — в 1 ч. 27 м. ночи в Баден-Бадене. Всего 69 лет».⁸¹ Сразу затем идет запись о датах жизни брата, сестры и жены Пушкина: «Брат Пушкина, Лев Серг<еевич>, прожил 46 лет. 1806—1852. Сестра, Ольга Серг<еевна>, по мужу Павлищева, умерла 2 мая 1868 г. Нат<алья> Ник<олаевна> родилась в 1812 г., ум<ерла> в 1863».⁸² И следом — рассуждение в защиту краткой лирической прозы, развернутое на примере стихов, которые представляют собой «целые рассказы» (среди них — «Для берегов отчизны дальней...») — «Почему же пишушим прозой не писать рассказы в 10, 20, 100 строк?»⁸³

Примерно к этому времени относится тот разговор Бунина с А. В. Бахрахом, фрагмент которого вынесен в эпиграф к нашей

⁷⁸ Строки из «Песни» В. А. Жуковского («Минувших дней очарованье...»). Бунин повторит их еще не раз: и в этой записной книжке (*Бунин И. А. Записные книжки. С. 476*), и в письме к Б. К. Зайцеву от 4 ноября 1944 года (см.: Новый журнал (Нью-Йорк). 1980. Кн. 138. С. 157).

⁷⁹ *Бунин И. А. Записные книжки. С. 471. Alpes Maritimes* — Приморские Альпы.

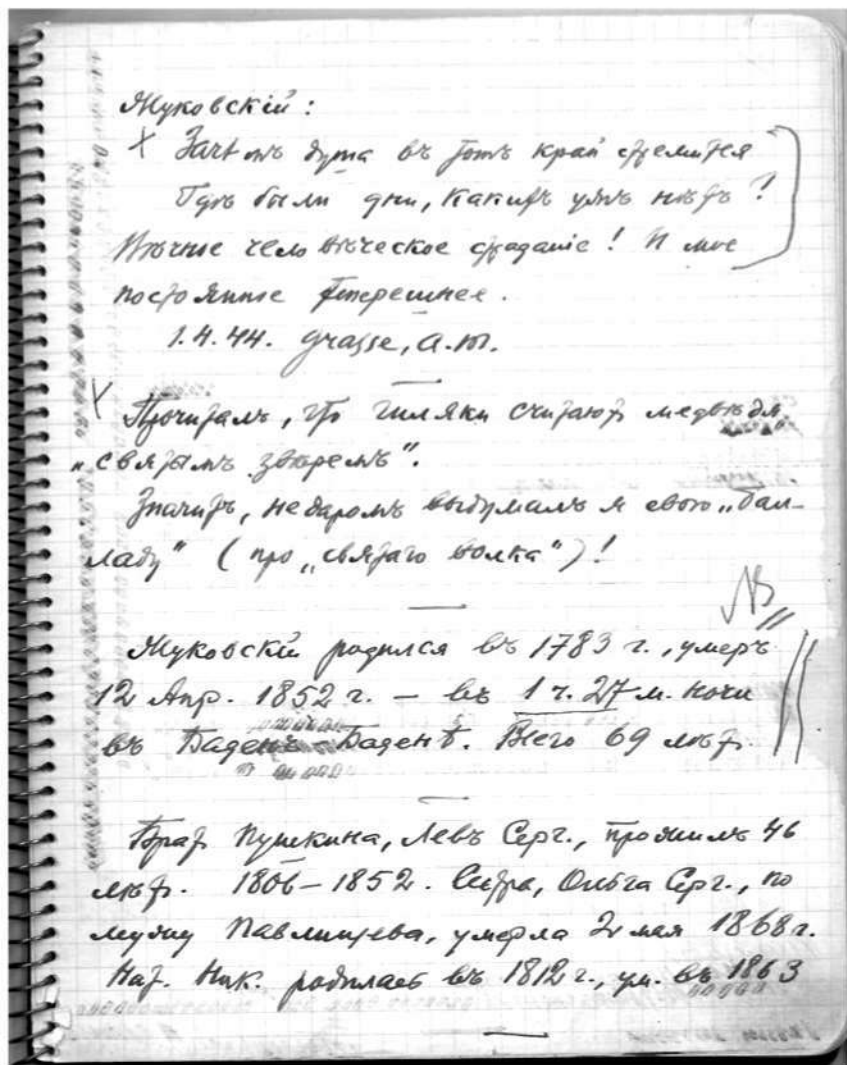
⁸⁰ В той же тетради, приводя первую строфу «Ночи» Жуковского («Уже утомившийся день...» и т. д.) — «Сколько прекрасного у Жуковского!» — Бунин добавляет: «Всю жизнь чувствовал я некоторую обиду, что из тысячи образованных русских людей разве, может быть, один знает, помнит, что никакой он не Жуковский, а Бунин» (*Бунин И. А. Записные книжки. С. 476*).

⁸¹ Запись дважды отчеркнута на полях и снабжена значком «NB»: судя по разным чернилам, Бунин обращался к ней, по крайней мере, трижды.

⁸² *Бунин И. А. Записные книжки. С. 471*. Все даты даны по старому стилю, которым (иногда наряду с новым) Бунин пользовался до конца жизни. Внимание Бунина к внешним событиям жизни и отдельным чертам облика Пушкина прослеживается и дальше, см. выписки, сделанные на последних страницах этой же записной книжки, вероятно, при чтении книги В. В. Вересаева «Пушкин в жизни» (Там же. С. 498, 516 (коммент.)). В другом месте, иронически отзываясь на слова А. А. Ахматовой об И. Ф. Анненском как о «последнем из царскосельских лебедей», Бунин напишет: «Кто же были эти “лебеди”? Допустим, что одним из них был Пушкин, — ведь очевидно, что, прежде всего, именно о нем идет речь, — ну, а кто же такие прочие лебеди? По-моему, даже и Пушкин ничуть не был похож на лебедя, а что же сказать о прочих?» (Там же. С. 549).

⁸³ См.: Там же. С. 471–472.

статье. Бунин действительно перечитывает Пушкина вновь и вновь. Какие-то строки он заносит в тетрадь как образцы замечательной точности слова, с другими спорит, в третьих видит собственное отражение. Выписывая первые четыре строки из «Талисмана» («Там,

И. А. Бунин. Страница записной книжки.
1944 г. РAL. MS 1066/548

По свиданьям с вью икошкю, въ брань ищет
кн. Вяземская, Пушкина ищет сына
«Плохо, торопливо». А какъ уверяет
меня Лодасевичъ, что онъ «побль» ифт!

Научникъ:

«Пушкина въ Кавказъ послать,
шагнеть, въ слово вступилъ воевода,
въ галубьи глазахъ невольковенной
привлекательности...»

Думаютъ, что это надобно вступить
попретъ.

Родъ Пушкина — 2 апр. 56.

Умеръ въ 2 г. 45 л. (29 янв. 37 г.).

А Сергій Львович (офен) умеръ въ
78 летъ! (1770—1848).

И. А. Бунин. Страница записной книжки.
1944 г. РAL. MS 1066/548

где море вечно плещет...» и т. д.), изумляется: «Что ни слово, то волшебство!»⁸⁴ В строках из «Каменного гостя» «Но когда / Пройдет пора: когда твои глаза / Впадут и веки, сморщась, почер-

⁸⁴ Там же. С. 492.

неют...» подчеркивает последние слова и восклицает: «Ни с кем не сравним! “И веки, сморщась, почернеют...”».⁸⁵ Вспоминая строку из стихотворения «Князю А. М. Горчакову» «Я счастлив был, не понимая счастья», соглашается: «Никогда не понимаешь вполне».⁸⁶ Можно было бы сказать, что Бунин погружен в свое прошлое, но нет, скорее, он всматривается в тот «магический кристалл», где прошлое становится единственно существующим, — момент перехода из одного времени в другое для него мучителен. Поэтому когда перед ним открываются строки «Найдем отраду, милый друг, / В туманном сне воспоминаний» (из стихотворения Пушкина «К Щербинину»), он отнимает от них восклицательный знак и противится: «“Отраду!” Нет, недаром есть даже молитва об избавлении от воспоминаний»⁸⁷ — и потом сочувственно выписывает строки из монолога Пимена «На старости я сызнова живу, / Минувшее проходит предо мною...» и т. д.⁸⁸ Пушкин может даже не называться прямо, но ясно, что в словах «Да, единственное достоверное — то, что в некий срок умру!»,⁸⁹ написанных Буниным непосредственно после цитаты из письма Пушкина Рылееву (см. выше, с. 19–20), звучит его личный ответ на пушкинское «Нет, весь я не умру...».

Большая часть приведенных здесь записей относится к 1944 году, когда только за май было создано пять рассказов «Темных аллей». Позже Бунин скажет: «“Декамерон” написан был во время чумы. “Темные Аллеи” в годы Гитлера и Сталина — когда они старались пожирать один другого».⁹⁰ Все они, в том числе и «Чистый понедельник», который Бунин назовет одним из лучших своих рассказов,⁹¹

⁸⁵ Там же. С. 489; у Пушкина: «Пора пройдет, когда etc».

⁸⁶ Там же. С. 474. К этому же кругу мыслей относится и выписка из зачеркнутых вариантов к «Русалке»: «Кто раз сказал: “я счастлив”, тот уж ведай, / Что близок, близок счастью конец» (Там же. С. 494).

⁸⁷ Бунин И. А. Записные книжки. С. 531. Записанная на клочке бумаги, эта молитва сохранилась в бунинском архиве: «Избави мя от многих и лютых воспоминаний. Утренняя молитва Иоанна Златоуста(го?) <так!> к Пресвятой Богородице» (РАЛ. MS 1066/715 (180)). В записной книжке цитата из Пушкина оспаривается тут же приведенными финальными строками из его же стихотворения «Опытность»: «Смерть откроет гроб ужасный...» и т. д.

⁸⁸ Бунин И. А. Записные книжки. С. 536.

⁸⁹ Там же. С. 491.

⁹⁰ Надпись на экземпляре (вероятно, 2-го изд.: Paris, 1946), подаренном З. А. Шаховской, см.: Шаховская З. А. В поисках Набокова. Отражения. Paris, 1975. С. 158.

⁹¹ «Чистый П<онедельник>» — один из самых лучших моих рассказов, — из тех, за вымысел и написание которых я непрестанно благодарю Бога» (РАЛ. MS 1066/664). Следом в мае 1944 года были написаны рассказы «Пароход “Саратов”», «Камарг», «Сто рупий», «В одной знакомой улице».

28 Св 8 на 9. V. 44.

Савь ночь. Делать из стекла —
стало гонимое некоем эффектом. "Играю
позу." Погасить свет, открыть окно
прозрачно кошафу — на маху. Фвианты
вдула; полноты, ночь неслышно,
так долина вь Жонкашней туман,
далеко на горизонте неслышно розважан
слеск моря, финна, мжжжжж
малогой древесной земли, кве-гт
шелкансе ^{пудок} Соллове... То мжжжж, предли
мжжжж жжжжж жжжжж, жжжжж
жжжжж вь жжжжж жжжжж и вь жжжжж!

19. 5. 44.

2 1/2 часа жжжж (жжжж, жжжж жжжж, а жжжж)
жжжж жжжжж "Пудок Соллове".
Открыть окно: жжжж, жжжжж, жжжжж
жжжж жжжжж, жжжжж жжжжж

23. 5. 44

Пудок жжжжж "Пудок"
От. жжжжж жжжжж, жжжжж жжжжж.

И. А. Бунин. Страница дневника. Май 1944 г. РАЛ. MS 1066/535

были написаны им на вилле «Жаннет», стоящей высоко над Грассом. Из окон его кабинета на втором этаже были видны и воздушные бои, и все учащающиеся налеты союзнической авиации, когда весь Грасс

и весь занятый тогда гитлеровцами Лазурный берег сотрясались от грохота. В ночь с 8 на 9 мая — редкое затишье, Бунин открывает дневник и пишет: «Час ночи. Встал из<-за> стола — осталось дописать неск<олько> строк “Чистого понед<ельника>”. Погасил свет, открыл окно проветрить комнату — ни малейш<его> движения воздуха; полнолуние, ночь неяркая, вся долина в тончайшем тумане, далеко на горизонте неясный розоватый блеск моря, тишина, мягкая свежесть молодой древесной зелени, кое-где щелканье первых соловьев... Господи, продли мои силы для моей одинокой, бедной жизни в этой красоте и в работе!»⁹²

Не «пир во время чумы» проживает он, когда война грозит ему гибелью, — сосредоточенность всех душевных сил и благодарное согласие с вложенным в него свыше замыслом ведет его руку. Именно в этом, «светлом (пушкинском каком-то) настроении» Бунин провел самые страшные, опасные и бедственные годы своего последнего творческого расцвета.

⁹² Бунин И. А. Дневники. С. 417.

И. А. ЛОБАКОВА

**«ВОСПОМИНАНИЯ» Д. С. ЛИХАЧЕВА:
О ПОИСКАХ АВТОРОМ НАЗВАНИЯ ДЛЯ КНИГИ
(по материалам архива)**

Для Дмитрия Сергеевича Лихачева тема сохранения памяти оставалась одной из важнейших на протяжении всей его жизни. Одну из задач собственной профессии он видел в возвращении произведений литературы, истории и культуры Древней Руси в личную память каждого человека. В 1980–2000 годах это, как казалось, произошло: именно пробуждением интереса к русскому Средневековию широкого круга людей различных взглядов, возраста, образовательного ценза, личных эстетических предпочтений сам Дмитрий Сергеевич объяснял внимание современников к своим взглядам и высказываниям. Общественная деятельность академика Лихачева также была направлена на сохранение рукописных собраний, государственных архивов, архитектурных ансамблей (памятны выступления ученого в защиту Невского проспекта, храма Спаса на Крови в Ленинграде, дома М. И. Цветаевой в Борисоглебском переулке в Москве, за восстановление в правах музея Гатчинского дворца, сохранения сторожевых башен в Ингушетии, например); природного ландшафта (он активно участвовал в борьбе против «поворота» северных рек, за сохранение Лесковицы в Чернигове, старинных усадеб); музеев (независимо от их ранга) и их фондов, традиций отечественной реставрационной школы, памятников археологии, сложившихся за века градостроительных принципов, парковых ансамблей, библиотек как особого места хранения памятников книжной культуры, в работе которых сочетаются просветительская и образовательная функции. «Человеческая культура в целом не

только обладает памятью, но это память по преимуществу. Культура человечества — это активная память человечества, активно же введенная в современность».¹ Возвращая в современную культуру памятники прошлых веков, люди спасают их от забвения, делают их достоянием современной им жизни. Произведения прошлого не просто восполняют представления человечества об истории духовных исканий и возникновении различных художественных форм, но вступают в своего рода диалог с читателями других эпох и современной новым эпохам литературой.² До тех пор пока в сознании людей сохраняется память о явлениях культуры (или ушедшем из жизни близком человеке), они живы. Эта мысль получила у ученого вид афоризма: «Память — преодоление времени, преодоление смерти».³

Д. С. Лихачев был убежден, что память о разных явлениях искусства и литературы должна быть представлена во всей полноте, поэтому так много времени и сил он посвящал восстановлению в правах, в частности, полотен художников русского авангарда как важной составляющей искусства XX века; изданию произведений авторов, исключенных цензурой из курсов истории литературы или находившихся под «частичным запретом» (Андрея Белого, Арсения Тарковского, Бориса Пастернака, Владимира Набокова). При этом творения тех авторов, которые, по мнению Дмитрия Сергеевича, должны занять принадлежащее им место в истории культуры, не всегда входили в число любимых им самим. Но для него было делом принципа собрать свидетельства о творческих поисках, обретениях и потерях авторов разных эпох, так как это дает возможность приблизиться к наиболее точному представлению о сложности культуры, к постижению ее истоков, ее многогранности, путей ее движения, круга наиболее существенных проблем и вариантов ответов на «вечные вопросы» в разное время людьми различных взглядов.⁴ Культурная и историческая память остаются важнейшим достоянием человечества: «Память и знание прошлого наполняют мир, делают его интересным, значительным, одухотворенным».⁵

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб., 1999. С. 145.

² См.: Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. Книга была сдана в издательство «Искусство» в 1993 году редактору Л. Р. Мариупольской, которая закончила работу над ней к весне 1994 года, но в течение ряда лет не получала финансирования.

³ Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 143.

⁴ Одной из серьезных удач в этом направлении Д. С. Лихачев считал появление серии «Памятники культуры. Новые открытия», в издании которой всегда особо подчеркивал значительность роли Т. Б. Князевской.

⁵ Лихачев Д. С. Письма о добром. С. 77.

Не раз Д. С. Лихачев подчеркивал важность сохранения памяти семейной, так как «личная память человека формирует его совесть, его совестливое отношение к его личным предкам и близким — родным и друзьям». ⁶ Семейную память отличает личностное отношение к историческим событиям, наличие собственной — достаточно субъективной — оценки исторических деятелей, обусловленной семейной традицией, осознание «особости» уклада того мира, в котором проходила жизнь человека. Поэтому с такой настойчивостью Дмитрий Сергеевич добивался издания в «Литературных памятниках» воспоминаний А. Н. Бенуа (в переиздании 1980 года ученый выступил автором предисловия) и М. В. Добужинского.

Важность воспоминаний как особого исторического документа для Д. С. Лихачева была очевидна: «Воспоминания открывают нам окно в прошлое. Они не только сообщают нам сведения о прошлом, но дают нам и точки зрения современников событий, живое ощущение современников. Конечно, бывает и так, что мемуаристам изменяет память (мемуары без отдельных ошибок — крайняя редкость) или освещается прошлое чересчур субъективно. Но зато в очень большом числе случаев мемуаристы рассказывают то, что не получило и не могло получить отражения ни в каком другом виде исторических источников». ⁷ Менее всего Дмитрий Сергеевич хотел написать мемуары в классическом понимании этого слова. К мемуаристике он относился достаточно настороженно, видя в этом жанре немало опасностей для пишущего: «Главный недостаток многих мемуаров — самодовольство мемуариста. И избежать этого самодовольства очень трудно: оно читается между строк. Если же мемуарист очень стремится к “объективности” и начинает преувеличивать свои недостатки, то и это неприятно. Вспомним “Исповедь” Жан-Жака Руссо. Тяжелое это чтение». ⁸

Д. С. Лихачев замечал, что человек, вспоминая собственную жизнь, нередко утрачивает способность объективного восприятия исторических событий, преувеличивая значимость своей роли в них. Вспоминая о прошлом, люди вновь переживают случившееся, при этом эмоции могут как добавить важные оттенки в осознание современниками того или иного исторического факта, которые позволяют увидеть картину прошлого в большей полноте,

⁶ Там же. С. 144.

⁷ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. Л., 1989. С. 7.

⁸ Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1995. С. 7.

так и «переиначить» событие в угоду собственным переживаниям мемуариста. Для ученого представлялось крайне важным сохранить память о Петербурге своего детства; о роде, к которому он принадлежал; о людях, с которыми довелось дружить, учиться, пережить заключение на Шпалерной, ссылку в Соловецкий лагерь особого назначения. Пробуждение интереса к научным исследованиям Д. С. Лихачев связывал с работой в издательстве Академии наук, встречами и беседами с академиком А. С. Орловым, участием в заседаниях Сектора древнерусской литературы. Ученый всегда особо подчеркивал роль В. П. Адриановой-Перетц в своем научном становлении. Ему хотелось оставить в истории имена удивительных людей, с которыми свела его судьба и о которых он сохранил благодарную память. Именно это стремление привело Дмитрия Сергеевича к мысли о необходимости написать о них книгу.

На вопрос о том, стоит ли писать воспоминания, Д. С. Лихачев дал четко сформулированный ответ: «Стоит, — чтобы не забылись события, атмосфера прежних лет, а главное, чтобы остался след от людей, которых, может быть, никто больше никогда не вспомнит, о которых врут документы».⁹ Собственно, рассказу о людях, которые иначе канули бы в неизвестность, и посвящены «Воспоминания» Дмитрия Сергеевича: «Я прежде всего пишу о людях. Люди — самое важное в моих воспоминаниях. Стремясь восстановить их индивидуальность, я выполнял свой долг — сохранить о них память <...>. Но когда подумаешь о том, сколько же хороших, душевно богатых людей не оставило о себе никакой памяти, становится страшно».¹⁰ Целенаправленная работа над книгой воспоминаний началась в ноябре 1992 года.¹¹

Для ученого оказался непростым вопрос, какое имя дать его книге. В это время Дмитрий Сергеевич не раз произносил вслух некоторые названия, словно размышляя о точности соотношения личного начала (памятные события жизни его самого) и рассказа о людях, о которых хотел сохранить память. Некоторые из возможных именовании он записывал. Находящийся в архиве Д. С. Лихачева в Пушкинском Доме небольшой листок¹² содержит

⁹ Там же. С. 8. Курсив мой. — И. Л.

¹⁰ Там же. С. 578.

¹¹ С ноября 1992 года я была приглашена Д. С. Лихачевым в Отдел древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в качестве его референта; первый этап работы над книгой «Воспоминаний» пришелся на это время.

¹² Д. С. Лихачев очень часто делал записи на бумаге этого формата (это листы из небольших упаковок, так называемая «Бумага для заметок»).

записи названий, над которыми он размышлял во время работы над книгой. Приведу весь список полностью:

Лихачев. В жанре портрета.
Портрет как получился.
Ушедшее. Рассказ без нравоучения (наставления).
Один среди воспоминаний.
Портрет с улыбкой. О прошлом без наставлений.
<Названия со словом «однозвучно»>
<Названия со словами «дорога», «пылится»>
Однозвучный жизни шум.
Далекое и близкое прошлое.
В мире животных.
Долгота дней.

Каждое из зафиксированных названий позволяет увидеть разницу (порой незначительную, а иногда и существенную) в подходе к собранному материалу и возможностям его интерпретации. Попробуем показать, как они связаны с основными темами, которые Дмитрий Сергеевич хотел затронуть в своей книге.

Три названия («Лихачев. В жанре портрета», «Портрет как получился», «Портрет с улыбкой. О прошлом без наставлений»), как видим, объединены словом «портрет» и переносят акцент на личность создателя этого портрета. И если первое название оказывается наиболее жестко подчеркивающим связь создателя и его творения, то во втором оно дополнено элементом случайности («как получился»), а в третьем — эмоцией автора («с улыбкой») и его главной установкой («без наставлений»). Эти названия были отвергнуты: «Портрет, который создаешь сам, — это автопортрет. И как не пытайся перенести внимание на эпоху и других людей, все равно останешься главным лицом». Дмитрий Сергеевич был уверен, что его воспоминания должны сохранить память о других людях.

Размышляя о самодовольстве мемуаристов, ученый отмечал их желание «поучать», что всегда производит тягостное впечатление и способно оттолкнуть читателей, особенно молодых. Возможно, именно поэтому в двух вариантах названий книги появились слова «без наставлений» («нравоучений»). В первом из них нейтральное слово «прошлое» было заменено Дмитрием Сергеевичем эмоционально окрашенным: «Ушедшее. Рассказ без нравоучения (наставления)». Ушедшее — это то, что ушло безвозвратно, навсегда. Ушедший Петербург с его жизнью, звуками и традициями, ушедшие родные и близкие, учителя и друзья... Но целью воспоминаний,

как писал Д. С. Лихачев, является стремление удержать в памяти читателей тех людей, которые были важны и дороги автору, то есть ушедшие могли стать близкими для тех, кто прочитает его книгу. Желание избежать нравоучений очевидно в уже рассмотренном названии «Портрет с улыбкой. О прошлом без наставлений». Стремление к объективности, уважение к читателю, нежелание навязывать свою точку зрения — позиция, которая была очень важна для автора. Однако сам Дмитрий Сергеевич замечал, что в воспоминаниях всегда уже в самом отборе упоминаемых фактов присутствует отношение автора к событиям, поэтому полностью выполнить эти условия вряд ли возможно.

В названии «Один среди воспоминаний» сохранено ощущение одиночества, о котором говорил Д. С. Лихачев, когда замечал, что «в долгой жизни слишком велико число понесенных утрат». Размышляя об отношении ко времени, отмечал: «Вообще же из всех трех периодов человеческой жизни (детство и молодость, зрелые годы, старость) старость — самый длинный период и самый нудный».¹³ Его слова, что старость наступает тогда, «когда живешь так долго, что не остается современников, которые обращаются к тебе “ты”», могут объяснить появление этого варианта названия книги. Темой долгой жизни и связанного с этим чувством одиночества обусловлено еще одно название — «Долгота дней».¹⁴ Не желая «вызывать жалость», Дмитрий Сергеевич отказался и от этих названий.

Три других именованя книги в списке могут быть объединены словами «однозвучный» и «дорога пылится». Все они связаны с романсом «Однозвучно звенит колокольчик, и дорога пылится слегка...»: ¹⁵ «Однозвучный жизни шум», «<Название со словом “однозвучно”>», «<Название со словами “дорога пылится”>». В ямщицком романсе говорится об однообразном звуке колокольчика,¹⁶ пробудившем воспоминания лирического героя. Но и от этих названий академик отказался: исповедаельность романса

¹³ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 7.

¹⁴ В качестве источника этого названия можно указать 90-й псалом: «Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним есмь в скорби, изму его и прославлю его; долготою дней исполню его и явлю ему спасение Мое» (Пс. 90: 15–16).

¹⁵ Романс на музыку А. Гурилева, слова крепостного И. Макарова (по другой версии — гитариста Н. П. Макарова).

¹⁶ Дмитрий Сергеевич очень любил звуки колокольчика: в его небольшой гостиной на даче в Комарове хранилась коллекция колокольчиков, привезенных из разных городов и стран (с Русского Севера и из Болгарии, Сербии и с Валдая, из Пскова, Новгорода, Сибири и др.), звон которых он предлагал послушать.

подразумевает сосредоточенность на собственных переживаниях, что представлялось Дмитрию Сергеевичу не соответствующим стилю его книги и задаче воспоминаний.

Название «Далекое и близкое прошлое» появилось в списке как попытка подчеркнуть важность мысли о близости давно прошедшего в памяти человека: «Прошлое в старости совсем близко, особенно детство».¹⁷ Но это название оказалось в «опасной близости» к именованию книги воспоминаний И. Е. Репина — «Далекое близкое». Кроме того, в этом названии внимание вновь смещалось в область индивидуального прошлого автора, что не отражало главной для Дмитрия Сергеевича темы его книги.

Самым неожиданным в этом списке, безусловно, является вариант «В мире животных». Сам Д. С. Лихачев в этом названии видел возможность показать в своих воспоминаниях всех, кто был наделен даром жизни («живота»), независимо от того, обладали они высокими душевными качествами или нет. Первоначально в его замысел входило изображение некоторых «деятелей», сыгравших разрушительную роль в жизни как множества близких и знакомых Дмитрия Сергеевича, так и его самого. Однако он не захотел, чтобы в пространстве его книги сохранялась память о таких людях. Интересно, что о популярной телевизионной передаче с этим же названием ученый не вспоминал, а услышав, засмеялся: «Действительно, в этом случае содержание книги может оказаться весьма неожиданным для читателя».

В результате Д. С. Лихачев пришел к выводу, что поиски названия пора закончить, остановившись на нейтральном — «Воспоминания». Но счел необходимым добавить эпиграф — им стал фрагмент из чина заупокойной литии, совершаемой мирянином: «И сотвори им, Господи, вечную память...»¹⁸ Особым условием при публикации «Воспоминаний» было требование автора включить в издание подборку стихотворений Владимира Кемецкого (Свешникова).¹⁹ На это согласилась В. Н. Стоминок, глава издатель-

¹⁷ Лихачев Д. С. Воспоминания. С. 7.

¹⁸ Ср.: «Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу твоему и сотвори ему вечную память». Многоточие после последнего слова в эпиграфе было призвано подчеркнуть и длину списка поминаемых, и невозможность назвать всех.

¹⁹ Дмитрий Сергеевич хотел, чтобы в книге были напечатаны также стихотворения Н. Евреинова и А. Русакова, опубликованные в журнале «Соловецкие острова», тексты которых уже были скопированы, но, к сожалению, замысел не был осуществлен из-за «значительного превышения объема, на которое было выделено финансирование».

ства «Логос», в котором с этого времени стали печататься книги Дмитрия Сергеевича. В вышедшей книге был впервые опубликован ряд блокадных фотографий с пометой «на руки не выдавать» из фотоархива (тогда находившегося в Мучном переулке) и фотографий из альбома о Соловецком лагере,²⁰ подаренного С. М. Кирову его устроителями, предоставленных директором музея-квартиры на Каменноостровском проспекте Т. А. Сухарниковой. При переиздании «Воспоминаний» в 1997 году Дмитрию Сергеевичу удалось исправить ряд неточностей, и его книга вызвала множество писем, авторы которых благодарили за упоминание имен родных, о судьбе которых часто ничего не знали, спрашивали о других людях, возможно находившихся рядом с автором в те же годы...

Для Д. С. Лихачева важность сохранения памяти была очевидна. Более того, с его точки зрения, нет выше звания, чем звание хранителя этой памяти (от семейной до исторической и культурной). Ему принадлежит достаточно жесткое высказывание: «У культуры нет и не может быть собственников. Ни народ, ни государство таковыми не являются. Все мы — только ее хранители, и если мы способны сохранить ее, мы достойны быть народом». Будучи сам Хранителем нашего города (а для многих — и культуры всей России), Дмитрий Сергеевич особо почитал звание Хранителя рукописей А. С. Пушкина. Всегда радуясь возможности присутствовать на встречах Т. И. Краснобородько с гостями Пушкинского Дома, которым она представляла рукописи или книги из личной библиотеки поэта, Д. С. Лихачев подчеркивал не только эрудицию Татьяны Ивановны, но и ее дар создавать увлекательные сюжеты для посетителей, которых она — в силу разных обстоятельств — знакомила с рукописным наследием А. С. Пушкина: «Люди, общаясь, создают друг друга. Одни люди умеют разбудить в окружающих лучшие их черты».²¹

²⁰ Эти снимки — официальная фотоверсия о «труде и жизни перевоспитывавшихся» в лагере людей (белые рубашки на заключенных, заправленные бельем постели, отдыхающие в библиотеке люди и т. д.); Д. С. Лихачев был рад возможности показать читателям, как в то время создавалась «туфта».

²¹ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения. С. 477.

«Я ВАМ ПИШУ — ЧЕГО Ж ВАМ БОЛЕ?»
Письма-стихи Ф. Е. Корша Вл. А. Рышкову

Вступительная заметка, подготовка текста и комментарии
Н. А. Прозоровой

Филолог-классик, востоковед, пушкинист Федор Евгеньевич Корш (1843–1915) состоял в переписке с казначеем и чиновником особых поручений Академии наук Владимиром Александровичем Рышковым (1865–1938), автором знаменитого дневника «Постройка памятника А. С. Пушкину в С.-Петербурге» и «Воспоминаний незаметного человека», частично опубликованных.¹ В них мемуарист рассказал об истории создания Пушкинского Дома, коллекционерах дореволюционной России, многочисленных театральных знакомствах и проектах, а также дал картины академической жизни и колоритные портреты ученых.

Переписка Корша с Рышковым² длилась с 1900 по 1914 год и прежде всего касалась финансово-бытовых вопросов, поскольку Владимир Александрович как казначей устраивал московскому академику пересылку жалованья, пенсии и так называемых квартирных денег. Со временем общение вышло за официальные рамки

¹ См.: В. А. Рышков и его «Дневник» / Публ. В. П. Степанова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 119–159; Рышков Вл. А. Воспоминания незаметного человека / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 245–438. О Вл. А. Рышкове см. также: Дневник Вл. А. Рышкова о дочери Кире / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020. С. 325–387.

² Четырнадцать писем Рышкова Коршу за 1900–1914 годы хранятся в Москве: АРАН, ф. 558, оп. 4, № 291. 23 л.

и между корреспондентом и адресатом установились дружеские («сердечные») отношения. Рышков писал:

Я пользовался особым расположением академика Федора Евгеньевича Корша. <...> Оригинальный он был человек, типичнейший москвич. Я бывал у него в доме в Москве, это был какой-то калейдоскоп! Народу там бывало всегда видимо-невидимо. Здесь была и убежденный сединой профессор, и типичные московские дамы с неумолкаемыми разговорами, и молодые ученые, и просто молодые люди, кавалеры его дочерей. Все это приходило, уходило, сменяло друг друга и говорило, говорило без конца... И среди них сам Корш, добродушно острящий и смеющийся.³

Именно таким — добродушно смеющимся и облакающим любую просьбу в остроумный пассаж — предстает Корш в письмах к Рышкову. Одна из варьирующихся коршевских острот касалась «волшебного» дня получения жалованья — *двадцатого* числа месяца, когда, по словам академика, «сердца слуг отечества, получающих казенное содержание, бьются живее» (письмо 1). Предполагаем, что Рышков делился этими шутками со своим братом, популярным в то время драматургом-бытовиком, Виктором Рышковым, автором комедии из чиновничьей жизни «Начало карьеры» (1913). Среди вариантов названия этой пьесы — в русле юмористики Корша — в рукописи было и такое: «20-е число».⁴ При этом подчеркнутое словесное восхваление «рокового» дня на деле оборачивалось практическим небрежением Корша денежными вопросами, вникать в которые ему было недосуг. Рышков отмечал, что Федор Евгеньевич «никогда не мог себе уяснить, за какое время и сколько денег он получает».⁵ «Мне казалось, — писал Корш Рышкову, — что я Вам доверил жену, детей, доброе имя, научную репутацию, сокровеннейшие тайны сердца, но что касается квартирных денег, то, по правде сказать, я не знаю, относятся ли они к одному из перечисленных благ» (письмо 15).

В письмах Корша неизменно присутствует самоирония — свойство сильной и уверенной в себе личности. Академик позволял своему петербургскому другу посмеяться над собой и делал это с характерным постоянством. Так, например, он сообщал: «На днях я слышал, что в начале Сентября уезжаю из Пятигорска не в Воронежскую губернию, как я прежде думал, а прямо в Москву.

³ Рышков Вл. А. Воспоминания незаметного человека. С. 423–426.

⁴ См.: РО ИРЛИ, ф. 270, оп. 1, № 102, л. 61.

⁵ Рышков Вл. А. Воспоминания незаметного человека. С. 423 (комментарии).

Сказала мне это моя жена — источник, в таких делах довольно надежный» (письмо 11).

И наконец, в письмах к Рышкову корреспондент предстает как мастер стихотворного экспромта. Шуточные произведения Корша и стихи «на случай» уже привлекали внимание исследователей творческой биографии ученого и частично публиковались.⁶ Сам Рышков вставил часть стихотворений, присланных к нему в письмах, в свои воспоминания. Среди них — эпиграммы на академиков Б. Б. Голицына, А. А. Маркова, отклик на выпуск академического словаря на букву «К» и др.⁷ Корш вводил адресата в игровое литературное поле и провоцировал на ответные стихотворные послания. Так, Рышков откликнулся на стихи Корша о свадьбе дочери Марии собственным экспромтом «Невместно мне, чиновнику для поручений, / Вам, Академику, в стихах писать ответ...», а на благодарные слова Федора Евгеньевича:

Сижу я здесь, а там такой есть друг,
Что я могу, себя не беспокоя,
Мечтать иль с пользой свой вкушать досуг,
Клистирами лечась от геморроя —

написал стихи-рецепт:

Узнав, что академик ординарный
От геморроя застрадал
(Недуг сей злостный и коварный
Меня раз тоже осаждал),
Спешу ему я на подмогу
Со средством чудным от него,
Употребив его немного,
Не бойтесь ровно ничего!..
Гомеопатов все ругают,
Смеются над леченьем их:
Их средства-де не помогают,
И не вылечивают вмиг.
Но все ж, лишь только Вы разделись,

⁶ См.: Богданов А. И. Федор Евгеньевич Корш. Ашхабад, 1982. С. 97–106; Шуточные стихи Ф. Е. Корша / Публ. Ф. А. Петрова // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1992. Вып. 2–3. С. 248–251. Экспромты Корша приводились и в мемуарах: Д. Ушаков. Воспоминания о председателе Московской диалектологической комиссии академике Ф. Е. Корше // Русский филологический вестник. 1915. Т. 74. № 3. С. 68–81.

⁷ См. Рышков Вл. А. Воспоминания незаметного человека. С. 423–425, 431.

Решив природе долг отдать,
Возьмите мазь их «Гаммамелис»
И... тут прошу Вас отгадать,
«Куда» Вам эту мазь направить,
Чтоб геморрой Ваш сразу стих,
И «там» ее прошу оставить...
А я здесь обрываю стих!.⁸

При посылке «рецепта» Рышков писал: «Я рачительно старался вам доказать, что во 1) я сильно ценю то обстоятельство, что вдохновляю Вас к поэзии, во 2) что сам заразился от Вас поэзией и в 3) что от геморроя есть средство, которым я от него совершенно вылечился».⁹

Вполне очевидно, что переписка доставляла радость обоим. Не случайно Корш отмечал: «Дай Вам Бог здоровья: писать Вы умеете. Я посмеялся от души, читая Вашу “часть неофициальную”» (письмо б). Желая доставить удовольствие «академическому казначейству», потомственному дворянину (курская ветвь древнего рода Рышковых была внесена в 6-ю часть дворянской родословной книги Курской губернии), Корш выслал адресату «предначертанье благодарственной грамоты» и причислил его к славным потомкам «Боголюбивого князя Всеволода Святославича». Кроме того, Рышков и Корш утруждали друг друга хлопотами, касающимися родных: Владимир Александрович просил содействовать делам брата-драматурга, а Корш, зная о том, что Рышков был на короткой ноге с А. А. Бахрушиным, искал протекции в устройстве сына в театральный музей.

Эпистолярный Корша является и биографическим источником: в нем просвечивают семейная атмосфера, особенности дореволюционного академического быта и состояния здоровья ученого, а также описаны бытовые и политические обстоятельства его работы над тем или иным трудом, корректурой, редактированием и др. В письмах прочитывается энциклопедическая образованность автора-полиглота, играющего словами на разных языках и включающего в текст цитации из литературных, фольклорных и библейских текстов. Корш противился «деловому» общению и всякого рода «казенным» проявлениям в языке. «Юмор как особая пульсация жизни, — справедливо отмечал Н. К. Дмитриев, — предохранял Корша от шаблона, рутины, казенщины. Он был выражением его критического отношения к жизни, его трезвого и насмешливого

⁸ Цит. по: Баскаков Н. А. Академик Ф. Е. Корш в письмах современников: К истории русской филологической науки. М., 1989. С. 69.

⁹ Там же. С. 69–70.

ума».¹⁰ Обаятельная личность ученого отражается в зеркале его экспромтов-писем, являющихся образцами эпистолярного жанра.

Из сорока трех писем Корша, хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ф. 270, оп. 4, № 104), к публикации отобрано двадцать одно (преимущественно со стихами «на случай»). Пунктуация при печати приближена к современным правилам, сокращения раскрыты в угловых скобках, подчеркнутые автором слова даны курсивом. Сохранено написание месяцев с заглавной буквы и авторские словообразования (например: за-муж). Поясняющий текст комментатора дан курсивом в угловых скобках.

1

14 Мая 1902.

Многоуважаемый Владимир Александрович!

Во-первых, как подобает, приношу Вам глубокую благодарность за присылку брошюры Флоринского,¹ а во-вторых — жена-вдова, дети мал мала меньше...² Из сих последних младшая дочь оканчивает курс в классической гимназии Фишер³ около того числа, когда сердца слуг отечества, получающих казенное содержание, бьются живее.⁴ Ее мать утверждает, что после этого ее с чадами (но не со мной) может задержать в Москве только бедность, а если к тому времени у нее заведутся деньжонки, она будто бы тотчас удерет, хоть сама еще не знает куда. Этой поспешности я, экзаменующий здесь до Июня, сочувствую вполне, потому что по их отъезде мы с известным Вам Мирзой Абдуллою Гаффаровым⁵ натворили бы таких чудес по части персидского и турецкого языков, что сам барон Розен,⁶ может быть, выругал бы нас не особенно крепко. А посему заклинаю Вас всеми святыми двадцатого числа всех месяцев по всем летоисчислениям снабдить мое семейство средствами с доступной академическому казнохранителю быстротой, присовокупив к оным, если возможно, и пенсию, — все тем или иным путем на имя того же добродетельного Перса.

Ваш Ф. Корш

19 Мая 1902 года. Сим доверяю казначею Императорской Академии Наук, Владимиру Александровичу Рышкову, получить из казначейства Академии следующее мне за текущий Май месяц содержание в размере *трехсот (300)* р. за вычетом определенной

¹⁰ Дмитриев Н. К. Федор Евгеньевич Корш. М., 1962. С. 33.

законом суммы и квартирные деньги за вторую треть в размере *шестисот (600) р.*

Ординарный Академик Ф. Корш.

Р. С. Доверенность написана как-то уж очень деловито и потому, чего доброго, глупо.

¹ *Тимофей Дмитриевич Флоринский (1854–1919)* — филолог-славист, византист, член-корреспондент Академии наук (1898). Вероятно, речь идет о вышедшей в 1902 году рецензии: Отзыв о сочинении г. Фридриха Вестберга: Комментарий на записку Ибрагима ибн-Якуба о славянах. 1899. (Рукопись 4 тетради 274 стр.) Рец. Т. Д. Флоринского. [СПб.]: Тип. Акад. наук, 1902. 14 с.

² Шутливая отсылка к рассказу-исповеди Мармеладова из романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, не имеющая отношения к реальной биографии Корша; ср.: «Вдовой уже взял ее, с троими детьми, мал мала меньше» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. СПб., 2016. Т. 6. С. 17). В действительности Корш женился в 1879 году на *Евдокии (Авдотье) Самойловне Кудряшовой (1859–1931)* — простой, неграмотной девушке. Родные не одобрили брак, и молодожены были вынуждены покинуть родительский дом. О дочерях Корша см. ниже, о сыне — примеч. 1 к письму 2.

³ *Мария Федоровна Корш* (в первом браке Богданова, во втором — Келлат; 1884–1964; по др. свед.: 1965) — младшая дочь Ф. Е. Корша. Окончила в 1902 году с серебряной медалью Московскую женскую классическую гимназию, основанную педагогом и переводчицей *Софьей Николаевной Фишер (1836–1913)*. В гимназии, в то время располагавшейся во 2-м Ушаковском пер., д. 3, преподавал в 1877–1889 и 1891–1900 годах и сам Ф. Е. Корш (с 1896 г. его семья жила неподалеку, в д. 8 по 2-му Ушаковскому пер.). Старшая дочь *Елена Федоровна Корш* (в первом браке Славолобова, во втором — Кречетович; 1882–1947?) также училась в гимназии Фишер и окончила ее с золотой медалью в 1900 г. Выпускницы получали свидетельства на звание домашней учительницы.

⁴ Обыгрывается двадцатое число месяца — день получения чиновниками вознаграждения.

⁵ *Абдулла Гаффаров (1866 — не ранее 1927)* — преподаватель персидского, азербайджанского, сартского языков в Лазаревском институте восточных языков и Московском коммерческом институте. Собрал двухтомный «Персидско-русский словарь»; первый том вышел под редакцией и с предисловием Корша: *Гаффаров А. А.* Персидско-русский словарь / Под ред. акад. Ф. Е. Корша. М., 1914. Т. 1. 432 с. (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Вып. 42). Персидский язык Корш знал в совершенстве.

⁶ *Виктор Романович Розен (1849–1908)* — барон, востоковед-арабист, академик (1885). Был автором рецензии на «Русско-персидский

словарь общеупотребительных слов по наречиям Туркестанского края», выпущенный В. П. Наливкиным в 1888 году (рец. опубли.: Записки Восточного отделения Императорского Археологического общества. 1889. СПб., 1890. Т. 4: 1889. С. 124—126).

2

20 (NB) Сент. 1902.

Многоуважаемый Владимир Александрович!

Уважение мое к Вам и к 20-му числу так велико, что я возвратился к своим пенатам именно 20-ого, когда Ваша многополезная деятельность принимает особенно широкие размеры, привлекая к кладезю, Вами охраняемому, толпы жаждущих, от них же единый есмь аз, проведший лето отдельно от своего семейства, которое, в свою очередь, развлекалось вдали от домашнего очага, да и то не вместе, так как жена моя со дочерьми пребывала на Кавказе, а сын мой единокродный¹ проживал в Тверской губернии. Я же предпочел положение среднее и нашел себе приют в Воронежской губернии.² Такое разнообразие в местах жительства повело и к чрезвычайным расходам, почему и обращаюсь к Вам с просьбою о переводе через «Лионский кредит»³ прямо на мое имя не только жалованья с квартирными, но и пенсии, даже, если возможно, за Октябрь, в каковом месяце я, впрочем, буду иметь честь приветствовать Вас лично на месте нашего с Вами служения.

Ваш Ф. Корш.

¹ Евгений Федорович Корш, младший (1879—1969) — филолог, переводчик, историк, музейный работник, охотовед, специалист по огнестрельному оружию.

² Летние месяцы Федор Евгеньевич проводил в имении А. В. Станкевича (с его семьей Корш был близок) Новый Курлак Воронежской губернии Бобровского уезда. «В имении Станкевичей летом собиралось большое общество, — сообщал Богданов. — Помимо многочисленных родственников (племянников и племянниц), приезжали погостить профессора и литераторы» (Богданов А. И. Федор Евгеньевич Корш. С. 39).

³ «Лионский кредит» («Crédit Lyonnais») — один из крупнейших французских коммерческих банков (осн. 1863 г. в Лионе), открывший свой филиал в Санкт-Петербурге в 1878 году.

3

Кого, когда судьба иль фея
Превыше высших вознесла?

Кого? конечно, казначея.
Когда? двадцатого числа.

К нему стремятся генералы
И канцелярский мелкий люд;
Со всеми дерзкие нахалы
Ему улыбку кротко шлют.

В восторге чуть я не воскликнул:
«Зачем и я не казначей?!»,
Но, поперхнувшись, только пикнул...
Нет, получать куда верней!¹
Москва. 24 Сентября 1902.

¹ Текст опубл.: Рышков Вл. А. Воспоминания незаметного человека. С. 424.

4 25 Января 1903.

Многоуважаемый Владимир Александрович!

Не будучи в силах сдержать в себе бурного порыва радости, вполне Вам понятного, потому что Вы, как мне доподлинно известно, от всей души разделяете это чувство, прежде всего, поздравляю Вас и — по примеру немецких тостов — еще раз поздравляю и в третий раз поздравляю.

Забудь, о Фаминцын, свой труд неблагодарный
И не борись:
Меж академиков теперь уж ординарный
Наш князь...¹

Известно ли это на судне... забыл, каком... ну, да вон на котором ездил Толь?²

А за Ваше попечение о поддержании моей угасающей жизни, уж и не знаю, какими словами Вас благодарить.

Безмолвствует признательность моя...
И что в словах пустых, бессильных, бледных?
Длань Промысла Вы для таких, как я,
В полях наук промышленников бедных.

Сижу я здесь, а там такой есть друг,
Что я могу, себя не беспокоя,
Мечтать иль с пользой свой вкушать досуг,
Клнстирами лечась от геморроя.

Удивительно, как Вы меня вдохновляете к поэзии. Не знаю, оцените ли Вы это обстоятельство (прошу оценить хотя бы, напр<имер>, в размере моих содержания и пенсии), а ведь поэты — создания сверхъестественные (однако не сверх-геморройные). Их издавна называли пророками. Не смейтесь этому:

Ариост³ начинает одну свою сатиру словами: *Il ventesimo giorno di Febbraio*.⁴ И так он предвидел значение 20-ого числа.

Изливаю Вам чувства, а сам слышу, как в столовой зычно беседуют дамы и кавалеры. Сегодня наша суббота, и гостей будет, должно быть, много. Должен бежать к ним и любезными фразами заглушать урчание в собственной грешной утробе, расстроенной сидением во славу Академии: пишу, пишу и пишу.

Жена моя поручила мне передать Вам какие-то нежности.

Будьте здоровы! Мой низкий поклон Николаю Федоровичу.⁵

Ваш Ф. Корш.

¹ Упоминается академик-ботаник *Андрей Сергеевич Фаминцын* (1835—1918). В воспоминаниях Рышкова последняя строка приводится полностью: «Наш князь Борис!» (*Рышков Вл. А. Воспоминания незаметного человека. С. 423*). Имеется в виду князь *Борис Борисович Голицын* (1862—1916) — геофизик, сейсмограф, экстраординарный академик (1898), академик (1908). В 1903 году Голицын был представлен к избранию в ординарные академики, но был забаллотирован. Именно с этим Корш и поздравлял Рышкова, который вспоминал: «Помню А. С. Фаминцын сказал мне, что дальше уже некуда идти, если в ординарные академики будут проходить управляющие фабриками, а Ф. Е. Корш сообщил мне по секрету, что все Отделение русского языка, поголовно, положит Голицыну в Общем собрании черняки. На Общем собрании А. А. Марков в пух и прах разнес труды Голицына, и он провалился» (*Рышков Вл. А. Воспоминания незаметного человека. С. 422—423*). Характеристика ученого (как «управляющего фабрикой») объясняется тем, что Голицын в описываемое время служил управляющим Экспедицией заготовления государственных бумаг. «Думали, что он уйдет в отставку, — продолжал Рышков, — но он принялся усиленно работать, и результатом этих работ явились его знаменитые сейсмографы» (Там же. С. 423). В ординарные академики Голицын был избран в 1908 году.

² Имеется в виду шхуна «Заря» Русской полярной экспедиции под начальством геолога, географа и арктического исследователя *Эдуарда Васильевича Толья* (1858—1902). Вл. Рышков занимался делами Комиссии по снаряжению этой экспедиции. В тексте письма: Толь.

³ *Лудовико Ариосто* (1474—1533) — итальянский поэт и драматург эпохи Возрождения. Творчеством Ариосто Корш интересовался с пятнадцати лет. В письме к тетке, М. Ф. Корш, он писал: «Ты спрашиваешь,

что привезти мне? Не можешь ли ты привезти мне Ариосто, если это не дорого» (цит. по: *Богданов И. А.* Федор Евгеньевич Корш. С. 35).

⁴ Двадцатый день февраля (ит.).

⁵ Имеется в виду *Николай Федорович Дубровин* (1837–1904) — историк, генерал, академик (1889), непреременный секретарь Академии наук (1893–1904), главный редактор журнала «Русская старина» (с 1896 г.).

5

27 Мая 1903.

Многоуважаемый Владимир Александрович!

Вы нисколько не ошиблись, назвав мое отношение к Вам сердечным. Правда, что довольно долгое отсутствие ответа на Ваше последнее письмо могло бы заставить Вас усомниться в этом, но, с другой стороны, отсутствие и послания в ином роде между 20-ым и 1-ым числом, конечно, внушило Вам мысль, что мое молчание имело особые причины. А ведь во всем виновата, так или иначе, Академия: у меня были спешные корректуры словаря¹ и редактирование нового издания, предпринятого Симони,² каковые я был должен, во вверенной мне части этого труда, поставить не позднее конца Мая. Потому я отложил всякие житейские дела до окончания этих задач, с которыми справился только сегодня. Помочь Вашему брату³ я расположен в такой мере, что готов написать графу Голенищеву-Кутузову, несмотря на самое поверхностное знакомство с ним; а как оно поверхностно, Вы можете усмотреть из того, что я не знаю путем даже его имени: «Аркадий Голенищев-Кутузов» — и дальше ни-ни; да и то верно ли?⁴ Сообщите мне все его прозвища и адрес — и я посягну, возложив надежды на какое-нибудь поэтическое приложение, каковых у меня немало найдется. Деньги (жалованье, квартирные и пенсию) жена моя, посылая Вам поклон, просит Вас, если можно, перевести на здешнее отделение Государственного Банка. Затем мы едва ли будем беспокоить Вас до осени.

Адрес мой: Пятигорск, Верхний бульвар, дом Крыжанской. Будьте здоровы!

Ваш Ф. Корш.

¹ Корш был консультантом издания: Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1891–1913 (впоследствии — «Словарь русского языка, составленный комиссией по русскому языку Академии наук СССР»; издание не завершено); в 1903 году вышел том 2, вып. 7 (Засада—Заудиться).

² Павел Константинович Симони (1859–1939) — филолог-палеограф, источниковед, библиограф, член-корреспондент АН СССР (1921).

Речь идет об издании: Повесть о горе и злосчастии, как горе злосчастие довело молотца во иноческий чин. По единственному списку первой половины XVIII в., найденному А. Н. Пыпиным / Изд. П. Симоны. СПб., 1903. 48 с. П. К. Симоны просил Корша о расстановке ударений и конъектурах в тексте (см. об этом: *Баскаков Н. А.* Академик Ф. Е. Корш в письмах современников. С. 43 (письмо Симоны Коршу от 20 марта 1903 г.)). Позднее Корш подготовил собственную работу о ритмике этого древнерусского памятника (*Корш Ф. Е.* Ритмизованный текст «Повести о Горе и Злосчастии» // Памятники старинного русского языка и словесности XV–XVIII ст. / Приготовил к печати и снабдил объяснительными замечаниями Павел Симоны. СПб., 1907. Вып. 7, кн. 1. С. 49–73).

³ *Виктор Александрович Рышков* (1862–1924) — драматург, прозаик, редактор журнала «Родная Нива» (1905–1906). См. о нем: *Прозорова Н. А.* 1) Виктор Рышков и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016. С. 183–227; 2) История издания и читательское восприятие журнала «Родная нива»: (По материалам архива В. А. Рышкова) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 268–310.

⁴ Речь идет о поэте, прозаике графе *Арсении Аркадьевиче Голенищеве-Кутузове* (1848–1913).

6

7 Октября 1903.

Многоуважаемый Владимир Александрович!

В этом году я вернулся в Москву необыкновенно поздно — 4-ого Октября. О причине такого опоздания я Вам уже писал (не без тайной надежды на то, что Вы в разговоре с тем или с иным из начальства, а то так и просто из нашего брата — рядового, намекнете, утирая тайком, но не слишком, неволью навернувшуюся слезу, какими, мол, страшными недугами одержим такой-то...). В Москве я получил подробную редакцию того письма, которое Вы отправили мне в деревню. Дай Вам Бог здоровья: писать Вы умеете. Я посмеялся от души, читая Вашу «часть неофициальную».

Какого ждешь еще давленья,
Великолепный князь Борис?²
Теперь ты вышел из правленья,
А дальше — фюнт! хоть ус....¹

И настанет день, когда академики, пробираясь на свои места в конференц-зал, скажут: «Мимо идох, и се — не бе»² (или: «Ich ging vorbei, und sieh! Er war nicht da»³), а на языке Муз:

На место мимо аз идох,
И се — не бе! еда⁴ издох?

Но официальная часть есть и у меня: разумею, конечно, поручение супруги (которая шлет Вам искренний привет). Похоже на то, что в Петербург я приеду к последнему заседанию нашего отделения в этом месяце, каковое имеет быть, если не ошибаюсь, 25-ого. Приедете ли Вы до тех пор в Москву? если да, моя половина просит Вас захватить с собой все мое жалованье, «кормовое, годовое, третье денежное»,⁵ т. е. жалованье в тесном смысле этого утешительного выражения, квартирные и пенсию, должно быть, с Июня. Если же не приедете, я сам получу все эти блага, хотя не отдаю еще себе отчета в том, в какие карманы и как помещу я такие богатства. Как бы то ни было, до скорого свиданья!

Ваш Ф. Корш.

¹ Речь идет о Б. Б. Голицыне. В письме от 20 сентября 1903 года Рьшков сообщал Коршу: «...у нас ничего нет особенного, если не считать, что "Великолепный Князь Борис", обидевшись, вышел из состава членов Правления, оставив Академию на произвол судьбы. Бедные мы, — о, Господи, что с нами будет!...» (АРАН, ф. 558, оп. 4, № 291, л. 3 об.).

² Неточная цитата из 36-го псалма «Не ревнуй злодеям» Псалтири: «Но он прошел, и вот нет его» (Пс 36: 36).

³ «Я прошел и вижу! Его там не было» (нем.).

⁴ неужели, разве (у.-сл.).

⁵ Цитата из народной песни «Уж как вниз было по матушке по Волге-реке...» (цикл «Корабельщики бранят князя»): «Заедает вор-собака наше жалованье, / Кормовое, годовое, третье денежное» (Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971. С. 123. № 198).

7

Вл. А. Рьшкову.

В последних числах Ноября
(Как Пушкин, прозой говоря)
В Москву прибыть Вы обещали.
Я, муж, Вас бескорыстно жду,
Жена ждет также, но едва ли
Забуть при том способна маду.

Она и пенсию Вас просит
Забрать авансом в этот путь,
И взор за то Вам нежный бросит,

Не постеснявшись мной ничуть.
Да это, впрочем, и понятно:
Ведь мне уж полных шестьдесят,
А ей... но даме аккуратно
Как может счесть года наш брат?

Лета жены моей Якушкин,¹
Ее ровесник, должен знать, —
Тот, чьим трудом поступит Пушкин
От Академии в печать.²
Он говорит — по крайней мере,
При ней, — что тридцать лет ему, —
И предпочтем ли ясной вере
Тревожных мы сомнений тьму?

Во всяком случае нет спора,
Что лет гораздо меньше ей,
Чем сколько ждет она, и скоро,
Заполучить от Вас рублей.

Она попросит Вас откусать
У нас в семейственном кругу;
Мы Ваши речи будем слушать
И не останемся в долгу.

Предупреждения не нужно:
Являйтесь прямо к четверем;
Поговорим, пока досужно.
Так до свиданья! мы Вас ждем.

Ф. Корш.

Москва. 25 Ноября 1903.

¹ Вячеслав Евгеньевич Якушкин (1856—1912) — историк литературы, публицист, текстолог, пушкинист.

² После смерти Л. Н. Майкова Якушкин продолжил работу над первым академическим изданием сочинений Пушкина (не было завершено).

8

<Начало января 1905>¹

*Владимиру Александровичу
Рышкову*

О друг насмешливый, но все ж почтенный друг!
Вы, правда, описать способности могли бы
И академиков, и даже их супруг,
И душ их тайные изгибы.

Но академику ведь деньги — суета;
На сон нездешних мест житье его похоже:
Наукой он живет. К тому же и лета...
Порой он сбрендит — ну, так что же?

По академикам вздохнете Вы не раз,
Когда, стяжав почет и славу в высшем свете,
Вы станете надежд предметом не у нас,
А в Государственном Совете.

Там старцы, жизньню уж сданные в архив,
Оклад большой берут по званию и чину
И, собственным песком расписку просушив,
И счет теряют, и урину.

А мы... да мы еще такие молодцы,
Что можем и кутнуть, и даже — эх, канальство! —
Высокие на то имея образцы,
Сыграть... ну, скажем: в адмиральство.

В доверенности к Вам ошибка может быть;
Но радостной от Вас достойная улыбки:
В том, что доверенность Вы нашу заслужить
Вполне сумели, нет ошибки!

И так, лишь дельное одно пуская в ход
Из наших счетов сумм и числовых отметок,
Примите искренний привет на новый год
От нас и наших жен, и деток.

Сие слабое предначертание благодарственной грамоты на имя Владимира Александрова сына Рьшкова, славного потомка единого от кметий² Боголюбивого князя Всеволода Святославича,³ в воздаяние за его долготерпение писано на новолетие тысяща-девятьсот-пятого <sic!> года от Рождества Христова смиренным рабом Божиим Федором.

¹ Датируется по содержанию.

² В литературных древнерусских памятниках *кметы* — искусные воины, витязи.

³ *Всеволод Святославич* по прозванию Буй-тур (1155–1196) — князь Трубчевский и Курский. Один из героев «Слова о полку Игореве».

9

Мария наша вышла за-муж
И с мужем выехала в Крым.

Понять нам трудно, старикам уж,
Чем брак заманчив молодым.

За месяц с хвостиком до свадьбы
Пошла такая суетня,
Что думал я: «Теперь удрать бы!»;
Да не пустили бы меня.

О, сколько жарких, шумных толков
О дряни, важной лишь для баб,
Где сам градоначальник Волков¹
Ввести порядок был бы слаб!

И чем открытей брак, тем хуже:
Скучай, сердись да деньги трать.
Один Исаия, но вчуже,
На свадьбе может ликовать...²

О деньгах я сказал случайно;
Но не мешает их иметь.
Бы были б милы чрезвычайно,
Прислав квартирные за треть.

От Марьи внучков лишь и внучек
(Хоть рано мне!) я ждать могу,
А для финансовых получек
Елену дома берегу.

В Кредит Лионский³ всех искусней
Она пробить умеет путь;
Прибегнув к Вам, на миг могу с ней
Супруги милость я вернуть.

А под конец, пока не поздно
(Для <sic!> Пасхи срок недель ведь шесть),
Мы вместе все и каждый розно
Поздравить Вас имеем честь.

О стих мой, выкидыш Камены⁴!
Лети к Рьшкову за Неву
И от нее для перемены
Гостить зови его в Москву.

Р. С.

Не от безделья, как из бочки,
Из-под пера текут слова:
Когда выходят за-муж дочки,
Трешит от бреда голова.

Москва, 1 Мая 1905.

<На обороте, рукой Вл. А. Рышкова:>

Невместно мне, чиновнику для поручений,
Вам, Академику, в стихах писать ответ,
Хотя не видел я на свадьбу приглашенья,
Примите все ж мой искренний привет!

Елену дочь (о, Господи, как грубо)
Прошу по-прежнему «Кредит» не забывать,
Беречь родителей своих сугубо
И посылаемое мною получать.

¹ Евгений Николаевич Волков (1864–1933) — генерал-лейтенант русской императорской армии (1913), градоначальник Москвы (1905), губернатор Черноморской (1901–1904) и Таврической (1905–1906) губерний.

² Отсылка к песнопению «Исаие, ликуй...» церковного обряда венчания.

³ См. примеч. 3 к письму 2.

⁴ Камени — в древнеримской мифологии богини источников (родников, ручьев), покровительницы рожениц, а также искусств и наук.

10

13 Августа 1905.

Я Вам пишу — чего ж Вам боле?¹ —
Пишу, чтоб весть Вам дать о том,
Что мог бежать бы я, при воле,
Откуда мира мы все ждем.

Да, мог бы я... Но в том и гадость,
Что ни на грош нет воли мне:
Едва вкусив получки сладость,
Все деньги отдал я жене.

По доброте она супругу
Без двух целковых сто дала...
Но Вам за скорую услугу
И благодарность, и хвала!

Ваш Ф. К.

<На обороте почтовой карточки>: С.-Петербург. Академия Наук (В. О. у Дворцового моста). Его Высокородию Владимиру Александровичу Рышкову.

¹ Неточная цитата из «Евгения Онегина» Пушкина (письмо Татьяны).

28 Августа 1905.

Многоуважаемый Владимир Александрович!

На днях я слышал, что в начале Сентября уезжаю из Пятигорска не в Воронежскую губернию, как я прежде думал, а прямо в Москву. Сказала мне это моя жена — источник, в таких делах довольно надежный. Дочь моя Елена, Ваш посредник в сношениях с Лионским Кредитом,¹ подтвердила это известие. Ну что ж?² верю хотя бы потому, что, по крайней мере, физически это возможно. Но дело, конечно, не во мне, а в том, что со мною едут жена моя и вышеупомянутая дочь. Отсюда следует, что благотыня в Сентябре имеет направиться в Москву переводом через Лионский Кредит на имя все той же девицы Елены.

А у нас на Кавказе все благополучно и даже весело, потому что здесь нет того однообразия, той вялости, какими отличается жизнь в Петербурге. Правда, в Пятигорске до сих пор — с первого-то Мая! — убито всего трое армян, но по ту сторону гор не скучают. До свидания, — вероятно, скорого, так как по заключении мира² Академия, чай, заработается вовсю.

Ваш Ф. Корш.

¹ См. примеч. 3 к письму 2.

² Имеется в виду Портсмутский мирный договор между Россией и Японией, завершивший Русско-японскую войну 1904—1905 годов. Подписан 23 августа (5 сентября) 1905 года в Портсмуте (США).

28 Сентября 1905.

Многоуважаемый Владимир Александрович!

Вместо ответа собственной фабрикации имею честь препроводить к Вам подлинный документ, из коего Вы можете усмотреть и то, что произведение Вашего брата несомненно попало в конкурс, если он сам не запротестовал до 1-ого Октября (§ 5). В оценочной комиссии я теперь не участвую, но мой коллега по Лазаревскому Институту, Алексей Николаевич Веселовский¹ (родной брат нашего председательствующего²) состоит в ней, кажется, постоянно, почему я и спрошу его о «Первой ласточке»³ — разумеется, с нежной заботой о судьбе этой птички. В прошлом, помнится, году она была зачем-то в лапах у Стороженко,⁴ и он нашел ее вялой или неинтересной, но при виде моего удивления («Как?! пьеса брата нашего казначея?!») извинился тем, что, веро-

ятно, прочел ее без должного внимания, что я предположительно, но уверенно подтвердил. И это весьма правдоподобно, судя по тому, что мои товарищи по оценке приписали мою добросовестность в изучении представленных мне пьес исключительно моей наивности и неопытности. А и сколько дряни приходится прочесть! Мне-то, правда, дело было в новинку. Закажите братцу комедию «Шило в зад, или Наш пострел везде поспел», а материал у Вас под рукой, — вот хоть бы коленце по поводу юбилея Кони.⁵

А впрочем, дочь моя Елена хвалится, будто в *Crédit Lyonnais*⁶ не пропадет и без протекции. Ну что ж? испытаем ее. Примите наши общие поклоны.

Ваш Ф. Корш.

¹ *Алексей Николаевич Веселовский* (1843–1918) — литературовед, профессор Московского университета (с 1881), почетный академик Санкт-Петербургской академии наук по разряду изящной словесности (1906).

² *Александр Николаевич Веселовский* (1838–1906) — историк литературы, академик (1881), профессор Петербургского университета (1895), председательствующий по Второму отделению русского языка и словесности.

³ Драма Виктора Рышкова «Первая ласточка» была представлена на конкурс в Литературно-художественное общество в 1902 году и одобрена к постановке. 17 февраля 1904 года пьесе одобрил Театрально-литературный комитет (Москва) и затем цензура. Драма была поставлена в Малом Императорском театре (преьера состоялась 6 сентября 1904 г.). На какой конкурс Рышков подавал «Первую ласточку» в 1905 г., неизвестно.

⁴ *Николай Ильич Стороженко* (1836–1906) — историк литературы, член-корреспондент Академии наук (1899), председатель Московского общества любителей российской словесности, Московского театрально-литературного комитета (с 1891 г.), главный библиотекарь Румянцевского музея (1893–1902), основатель научного шекспироведения в России.

⁵ 30 сентября 1905 года отмечался сорокалетний юбилей общественной, служебной и литературной деятельности юриста *Анатолия Федоровича Кони* (1844–1927). О чествовании Кони сообщалось в петербургских газетах.

⁶ См. примеч. 3 к письму 2.

13

Сегодня дан мне был приказ:
«Пошли Рышкову хоть открытку»,
Но отклонил на первый раз
Я эту дерзкую попытку.

А все же — так велит мне рок —
Писать Вам должен я, хоть тресни,

Но не моление, не упрек,
А благодарственные песни.

Так не утешит нас никто,
Как Вы с участием Вам сродным...
Но, мой поверенный, за что
Вам песня кажется негодным?

Один из 33 клиентов¹

6 Октября 1905.

<На обороте почтовой карточки>: С.-Петербург. Академия Наук (В. О. у Дворцового моста). Его Высочайшему Владимиру Александровичу Рышкову.

¹ На 1 июня 1905 года в Академии наук было тридцать шесть действительных членов (см.: Памятная книжка Императорской Академии наук на 1905 год. СПб., 1905. С. 34—35), двое из которых находились за границей (И. В. Янжул в Вене, Ф. И. Успенский в Константинополе).

14

27 Октября 1905.

Многоуважаемый Владимир Александрович!

Недавно Вы собирались в Москву и — не приехали; потом я собирался в Петербург и — тоже не приехал. Причина обоих неприездов та, что «превратно стало все под нашим зодиаком»,¹ а будет, пожалуй, и еще превратнее, ибо, поперши вдруг Овном, друзья, вернетесь Раком. Шахматов² еще недели две тому назад водил меня на дудочку малорусской комиссии,³ а теперь вы, академики, чай, сидите безвыходно в своей фортеции, оберегая себя от казаков, хулиганов и других патриотов, вооруженных нагайками или, как говорят их московские товарищи, «свинскими» ножами, и мало таких смельчаков, которые решились бы переправиться на ваш беспокойный остров.⁴ В ночь на 30-ое обещаны, по слухам, некоторые неприятности представителям так называемой интеллигенции; причислятся ли к ней академики?⁵ Впрочем, что меня касается, недаром армяне подозревали меня в переходе в ислам: я порядочный фаталист. Причина моего «абсентизма» (от absent, а не absinthe⁶) даже не в недоверии к деятельности Академии в те дни, когда никто ничего не делает, а в бронхите, который вошел в мою «конституцию» так, что душит меня весной и осенью ежегодно. Примите наши поклоны!

Ваш Ф. Корш.

¹ Неточно цитируется приписываемая Пушкину эпиграмма: «Всё изменилось под нашим Зодиаком: Лев Козерогом стал, а Дева стала Раком».

² Филолог, лингвист и историк *Алексей Александрович Шахматов* (1864–1920) считал Корша своим учителем и другом; был автором некрологов «Памяти Ф. Е. Корша» (*Русские ведомости*. 1915. № 41. 20 февр. С. 5) и «Федор Евгеньевич Корш» (*Известия Академии наук*. 1915. Сер. VI. № 5. С. 373–400).

³ Имеется в виду Комиссия по вопросу об отмене стеснений малорусского печатного слова (образована на заседании Общего собрания Академии наук 5 февраля 1905 года под председательством Корша). См.: *Басаргина Е. Ю.* А. А. Шахматов и академические комиссии по вопросам печати // URL: ranar.spb.ru/files/visual/shakhmatov5.pdf (дата обращения: 15.09.2022). Комиссия опубликовала записку «Об отмене стеснений малорусского печатного слова» (СПб., 1905).

⁴ Речь идет о Всероссийской октябрьской политической стачке 1905 года, во время которой в первую очередь бастовали железнодорожники. 17 октября был обнародован Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка, провозглашавший политические права и свободы. На фоне всеобщей забастовки начались этнические погромы, среди пострадавших были также интеллигенция и студенчество.

⁵ *Absent* — отсутствовать; *absinthe* — абсент, полынная водка (*англ.*).

15

26 Апреля 1906.

Многоуважаемый Владимир Александрович!

Завтра должна открыться Государственная Дума¹ и с нею, хоть не сразу, новая эпоха русской истории, а мы с Вами...

Ой, хто до кого, а я до Параски.

Бо в мене штанів не має, а в неї запаски.²

Немедленно по моем возвращении из Петербурга, а может быть, и еще раньше, насколько это возможно, мне было выражено сомнение в пригодности выданной мною Вам доверенности для получения квартирных. Мне казалось, что я Вам доверил жену, детей, доброе имя, научную репутацию, сокровеннейшие тайны сердца, но что касается квартирных денег, то, по правде сказать, я не знаю, относятся ли они к одному из перечисленных благ. А на тот случай, если Вы соберетесь в Москву, осмеливаюсь утрудить Вас нижеследующим делом. В обратный путь снаряжал меня Дроздов³ и уложил исправно все, кроме туфель, оставшихся в номере 62-ом. Вина в том больше моя, но не сочтете ли Вы за благо свалить оную на него для того, чтобы тем еще открылось свойственное ему нахальство в видах

разыскания этих туфель (буде они не утрачены безвозвратно) с целью доставки их Вам? А если они пропали, туда им и дорога. Примите наши поклоны.

Ваш Ф. Корш.

ДОВЕРЕННОСТЬ

Причитающиеся мне от Императорской Академии Наук квартирные деньги за майскую треть 1906 года доверяю получить Владимиру Александровичу Рышкову.

Ординарный Академик Ф. Корш.

¹ Первая Государственная дума Российской империи была созвана 27 апреля 1906 года и распущена императором Николаем II 6 июня того же года.

² Из популярной украинской народной песни «Приспівки».

³ Неустановленное лицо.

16

4 Мая 1906.

Когда б не Вы мне передали весть,
Что найдены утраченные туфли,
Средь выдумок, которых и не счесть,
Я б мог спросить: «Да это уж не пух ли?»

И эта весть и с ней посылка вся
Доставлены, как должно, генеральше...
Благодарю за все, при том прося
Находку сдать — куда? смотрите дальше.

Или: Вознесенский проспект, Максимилиановский пер., д. 15, кв. 54. Ее Высокородию Зинаиде Ивановне Нельговской¹ (так прямее)

или: Крюков канал 24. Его Высокородию Евгению Валентиновичу Коршу² (откуда, вероятно, попадет туда же).

<На обороте почтовой карточки>: С.-Петербург. Академия Наук (В. О. у Дворцового моста). Его Высокородию Владимиру Александровичу Рышкову.

¹ Зинаида Ивановна Нельговская (1869–1942); умерла в блокадном Ленинграде.

² Евгений Валентинович Корш (1852–1913) — юрист, общественный деятель, издатель газеты «Северный вестник», двоюродный брат Ф. Е. Корша.

16 Марта 1907.

Многоуважаемый Владимир Александрович!
Тороплюсь, ибо близко роковое 20-е число.

Уж мне не до стихов! дай Бог сказать хоть прозой.
А впрочем, это что ж? ведь я пишу стихи!
Как может человек здоровый и тверезый
Сознанию позволять подобные грехи?

Так я и продолжать уж буду Вам стихами;
А если где собьюсь, — и это не беда:
Конечно, угадать сумеете Вы сами,
Каков предмет письма: ведь тот же он всегда.

Во-первых, выразить хочу, пока не поздно,
Я Вам признательность за присланный талон:
Оденет на весну он нас хоть не шиказно,
Но все ж не будем мы гулять без панталон.

А во-вторых, «сама» Вас просит, чтоб не слишком
Вы жалованье нам спешили высылать:
Присылка частая ведет легко к пустышкам
В семейственных мошнах: есть деньги — так и трать.

Нет, Вы до пенсии уж лучше подождите...
А, в грезах заносясь, не думает жена
О новом на Неву супружеском визите:
Там будет самому мне пенсия нужна.

Но вскую¹ в будущем перстом копать напрасно?
Пред волею судеб затеи наши — пас!
И се — возносим мы мольбу единогласно,
Экспроприация да не коснется Вас.

Ваш Ф. Корш.

¹ зачем, к чему, для чего (у.-сл.).

16 Марта 1911.

Многоуважаемый Владимир Александрович!

Супруга моя утверждает, что пенсию Вы нам выслали по 1-ое
Мая (чему я верю тем легче, что, насколько помню, бывали с ее
стороны утверждения противоположного свойства); потому, про-
должает она же, было бы желательно, чтобы Вы предоставили ей

жалованье своевременно, не выжидая никаких событий в будущем. А еще просит она Вас — и, конечно, с нею я — за свое чажо мужеского пола, будучи побуждена к такому обращению самим А. А. Шахматовым при моем посредстве. Сын ее и, по ее свидетельству, мой, во св. крещении нареченный Евгением, 31 года от роду, приятной наружности, с усами к небу, по занятиям преимущественно археолог, впрочем, не забирающийся в глубь веков далее XVI в., служит в Историческом музее,¹ от имени коего описывает музей П. И. Щукина.² Пользуясь при этой работе довольно значительным досугом и в то же время желая увеличить свои скудные доходы, он желал бы внедриться в музей А. А. Бахрушина³ в качестве чего-нибудь в роде «ученого» хранителя, разбирателя, каталогизатора, описывателя и т. п. О таковой склонности юноши я, по просьбе его и его матери, заявил А. А. Шахматову, а он ответил, что со своей стороны готов оказать посильное содействие осуществлению этой невинной мечты, но что самым авторитетным и влиятельным лицом в этом случае являетесь, бесспорно, Вы. Так вот, стало быть, когда будете завтракать или как-нибудь иначе проводить приятно время с уважаемым господином жертвователем, вспомните и о нас, грешных... А еще слово мое об известном Вам Болгарине, Александре Петровиче Везенкове-Косарине.⁴ В Петербурге, когда Вы оттуда уехали, он был у меня и, узнав о Вашем подозрении относительно пользования черновым наброском моего письма к В. К.⁵ для закулисного достижения своих целей, весьма огорчился и обиделся. По его объяснению, он принес к Вам этот черняк только для того, чтобы прочесть или выписать для Вас некоторые сведения о своем деле, а Вы взяли у него это письмо, сказав, что хорошо разбираете мой почерк. И так вышло недоразумение, чему я вполне верю, считая его за человека порядочного. Он также пробирается к Бахрушину, у которого однажды уже был, но без надлежащих рекомендаций. Что дело его встретило полное сочувствие у В. К., мне известно из уст последнего. Тем более смело прошу Вас выслушать этого доблестного Славянина и войти в его мысли и положение.

Ваш Ф. Корш.

¹ Е. Ф. Корш заведовал в Государственном историческом музее отделом драгоценных металлов и древнего оружия.

² *Петр Иванович Щукин* (1853—1912) — предприниматель, коллекционер. Собрал крупную коллекцию русских, восточных и западно-европейских древностей. В 1905 году передал в Исторический музей свое собрание, оставаясь его попечителем.

³ *Алексей Александрович Бахрушин (1865—1929)* — представитель известного купеческого рода Бахрушиных, коллекционер, меценат, основатель литературно-театрального музея (ныне Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина). В 1913 году передал музей в ведение Академии наук. Рышков был в дружеских отношениях с Бахрушиным и оставил о нем воспоминания. См.: *Рышков Вл. А.* Воспоминания незаметного человека (по именованному указателю).

⁴ *Александр Петрович Везенков-Косарин (1867—1918?)* — драматург, общественный деятель, член действовавшего с 1902 года в Петербурге Македонского научно-литературного общества им. Св. Кирилла и Мефодия (с 1903 г. — Славяно-македонское общество им. Свв. Кирилла и Мефодия), один из подписантов Меморандума о независимости Македонии (1913). Письмо Корша было написано в то время, когда Македония еще находилась под властью Османской империи. При этом большая часть македонского населения идентифицировала себя с болгарам. Однако в целом македонские славяне не имели четкой национальной идентификации, и поэтому, вероятно, Корш назвал Везенкова-Косарина сначала «Болгаринном», а затем «доблестным Славянином».

⁵ *Великий князь Константин Константинович* (лит. псевд. К. Р.; 1858—1915) — поэт, переводчик, драматург, внук императора Николая I, двоюродный дядя императора Николая II, президент Академии наук (1889—1915).

19

21 Сентября 1911.

Многоуважаемый Владимир Александрович!

Прилагаемую при сем доверенность я получил сегодня, на другой день после

Того заветного, волшебного числа,
В которое жена бывает весела,
Которое при том и мужу не наскучит,
Хотя из взятого немного он получит.

Как понять это совпадение? к добру ли оно? Хорошо, что я не завишу от Русского из Русских — Льва Аристидовича Кассо!¹

Место моего пребывания все то же: Юго-восточных ж<елезных> д<орог> станция Анна-Воронежская, имение Новый Курлак. Проживание мое в этом месте ознаменовалось на сей раз двумя обстоятельствами, не постигавшими меня в прежние года: 1) я заболел так, что долго не мог вернуться к состоянию, в котором я мог бы хоть на что-нибудь быть пригоден для ОТЕЧЕСТВА,² 2) вследствие своеобразного расписания поездов на нашей

забытой Богом и людьми железнодорожной ветке, удобного только здешним хлебным торговцам, я тщетно изыскиваю способы, как бы мне выбраться отсюда самостоятельно, помимо «оказии». Тем не менее я, как человек верующий (не забудьте этого при разговоре с начальством), памятуя, что отчаяние есть тяжкий грех, не переставаю <sic!> уповать на наступление того блаженного дня, когда увижу себя в стенах Императорской³ Академии наук, какой прошу передать мой почтительнейший поклон.

Ваш Ф. Корш.

¹ Лев Аристидович Кассо (1865—1914) — юрист, государственный деятель, министр народного просвещения Российской империи. Ирония Корша о «русскости» Кассо связана с тем, что последний родился в Париже, происходил из бессарабских дворян и получил европейское юридическое образование (для карьеры в России держал экзамен на степень магистра в Дерптском (Юрьевском) университете).

² Слово написано красным карандашом.

³ То же.

20

4 Января 1912.

Многоуважаемый Владимир Александрович!

В полку ли, в церкви ль, в комитете ль
Иль в департаменте каком
Такой найдется ль благодетель,
Как Вы, наш общий эконом?

В делах слепец, я чародейством
Считаю каждый свой доход.
Зато желаем всем семейством
Вам всяких благ на новый год.

Ваш Ф. Корш.

21

В. А. Рышкову.

Примите поздравление
От нас на новый год
И в виде прибавления
Сей Муз новейший плод!

В нем нет высокопарности,
Зато уж, верно, он

Слезами благодарности
От сухости спасен.

Дай Бог, чтоб орден с лентою
Украсил Вашу грудь,
И труд Ваш крупной рентою
Был взыскан как-нибудь!

Вне всякой конкуренции
Решит пусть наш совет,
Чтоб в зале Конференции
Был вздернут Ваш портрет!

Быть может — я ведь ратую
Недаром в Вашу честь —
Воздвигнут Вам и стацию.
(Одна-то там уж есть.¹)

Не будьте только славою
Отторгнуты от нас!
Как шведы под Полтавою,
Погибнем мы без Вас.

*Москва (как обыкновенно).
6 января 1913.*

¹ Имеется в виду статуя академика Александра Н. Веселовского работы В. А. Беклемишева (1910; мрамор). Н. В. Измайлов вспоминал, что скульптура стояла по правую сторону Большого конференц-зала Академии наук в одном из простенков окон во двор (см.: *Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918–1928* / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003. С. 287). Позднее, предположительно в 1937–1938 годах, статуя поступила в Литературный музей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и была помещена на первом этаже, в одной из комнат, которые до 2000 года занимал Рукописный отдел. (Эта проходная комната в речевом обиходе сотрудников называлась «площадью Веселовского».) В настоящее время скульптура находится в вестибюле Пушкинского Дома.

II. ОБЗОРЫ

БИБЛИОГРАФИЯ ПУБЛИКАЦИЙ Т. И. КРАСНОБОРОДЬКО

Составила Л. Д. Зародова под редакцией Л. А. Тимофеевой

Статьи, интервью

1986

- На пути к «Современнику» / Т. И. Краснобородько [разд. 1, 3], Л. П. Лобанова [разд. 2] // Русская литература. 1986. № 3. С. 134–142.
- О русском аналоге пушкинского «Современника» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1986. Т. 12. С. 357–366.
- Рукописное наследие Пушкина и его хранение в СССР // Пушкинский край. Пушкинские Горы, 1986. № 65–66: Спец. вып., посвященный двадцатому Всесоюз. пушкинскому празднику поэзии. 1 июня. С. 6.

1987

- Несостоявшееся открытие: [Мнимый автограф Пушкина в Гос. историческом музее] // Литературная газета. 1987. № 11. 11 марта. С. 6.
- Указатель литературы [о «Современнике»] / Сост. Т. И. Краснобородько // Современник: Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным: [В 4 т.]. При-

ложение к факсимильному изданию. М.: Книга, 1987. С. 203–207.

1989

«Нетворческие» тексты А. С. Пушкина: Проблемы издания (по материалам архива Редакции академического издания Собрания сочинений А. С. Пушкина) // Русская литература. 1989. № 1. С. 145–152.

Тема «литература и власть» на страницах второго тома пушкинского «Современника» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. ИРАИ (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1989. Т. 13. С. 122–133.

1990

«Храните рукопись, о други...» // Ленинградская правда. 1990. № 198. 28 авг. С. 3.

1991

Болдинские полемические заметки Пушкина: (Из наблюдений над рукописями) // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. ИРАИ (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1991. Т. 14. С. 163–176.

Журнальные замыслы Пушкина и «Современник»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.01.01) / АН СССР. ИРАИ (Пушкинский Дом). Л., 1991. 19 с.

1993

О рыцаре Айвенго, тверских Раменских и об Александре Сергеевиче: [Интервью] // Невское время. СПб., 1993. № 183. 25 сент. С. 3.

1994

История одной мистификации: (Мнимые пушкинские записи на книге Вальтера Скотта «Айвенго») // Легенды и мифы о Пушкине / РАН. ИРАИ (Пушкинский Дом). СПб.: Академический проект, 1994. С. 269–281.

То же: 2-е изд., испр. 1995. С. 277–289; 3-е изд., стереотип. 1999. С. 277–289. (Пушкинская б-ка).

То же // Пушкинский альманах / Новосиб. региональное Пушкинское об-во. Новосибирск, 2014. Вып. 16–17. С. 148–164.

Олег, сын Константина: [Вел. кн. Олег Константинович, издатель факсимиле рукописей Пушкина] // Смена. СПб., 1994. № 7. С. 18–25.

«Пушкин и Дантес на дуэли»: Сочинение Льва Модзалевского [1912] // Новое литературное обозрение. 1994. № 6. С. 172–174.

1995

Выставка «Тень Пушкина меня усыновила»: (Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина): [Буклет] / Текст Т. И. Краснобородько; Худож. А. Е. Молев; Фотограф С. Н. Крюков. СПб.; М.: Сентябрь, 1995. [3 л.]: ил.

На устройство Пушкинского Дома // Автограф: [Газ.]: К 90-летию Пушкинского Дома. М., 1995. 15–25 дек. С. 8: ил.

Неизвестная басня И. И. Дмитриева // Новые безделки: Сб. ст. к 60-летию В. Э. Вадура. М.: Новое литературное обозрение, 1995–1996. С. 147–150. (Новое литературное обозрение. Науч. прилож. Вып. 6).

Рабочая тетрадь 1820–1823 гг. (Записная книжка) ПД 830: [Описание] // Пушкин А. С. Рабочие тетради: В 8 т.: [Факс. изд.] / РАН ИРАИ (Пушкинский Дом), Консорциум сотрудничества с СПб.; Предисл. Е. К. В. Принца Уэльского, Э. Холла, Д. С. Лихачева; Науч. ред. С. А. Фомичев и Т. И. Краснобородько. СПб.; Лондон, 1995. Т. 1. С. 46–57.

1996

Князь Олег Константинович — издатель рукописей Пушкина // Русское подвижничество: [К 90-летию Д. С. Лихачева] / РАН. Науч. совет по ист. мир. культуры. М.: Наука, 1996. С. 233–244.

«Мы с любопытством рассматриваем автографы...» // Русский язык за рубежом. 1996. № 1–3. С. 88–93.

- Онегин из Парижа // Реалист: Газета обществ.-полит. движения «Союз реалистов». М., 1996. № 14. 5—11 июня. С. 5.
«Тень Пушкина меня усыновила...» // Русская словесность. 1996. № 3. С. 95—96.

1997

- «Предмет наших изучений и восторгов...»: [К 200-летию Пушкина] // Искусство: Прилож. к газ. «Первое сентября». 1997. № 43. С. 3—5: ил.
- Пушкинский Дом Александра Онегина // Наше наследие. 1997. № 41. С. 28—32: ил.
- Творческие и биографические пометы в рукописях Пушкина / А. В. Дубровский, Т. И. Краснобородько, Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев. СПб.: Нотабене, 1997. 96 с. (Неизданный Пушкин / Пушкинская комиссия РАН; Народный Пушкинский фонд; Вып. 2).
- «Третий лицейский рисунок»: Пушкин или псевдо-Пушкин? // Пушкин и другие: Сб. ст. к 60-летию проф. Сергея Александровича Фомичева. Новгород, 1997. С. 120—126.
- Хранитель // «Тень Пушкина меня усыновила...»: Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина: Каталог выставки / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Библиотека РАН; Всерос. музей А. С. Пушкина; Авт.-сост. Т. С. Бердникова, Л. И. Вуич, Н. П. Генералова, Е. Н. Иванова, Т. А. Комарова, Т. И. Краснобородько, М. А. Кублицкая, А. В. Лебедкова, Л. Е. Мисайлиди, Е. В. Огиевич, Е. В. Пролет, Л. А. Тимофеева, Л. К. Хитрово, Н. Н. Шаталина, Е. С. Щукина. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997. С. 9—19: ил.

1999

- Бесценное сокровище России: [Рукописи Пушкина] // Адмиралтейство. СПб., 1999. № 2 (4). С. 4—7: ил.
- «Друзья мои, сии листы всю жизнь мою хранят...»: Беседа с хранителем пушкинских рукописей Татьяной Краснобородько о факсимильном издании рабочих тетрадей / Вела И. Степанова // Русская мысль. Париж, 1999. № 4271. С. 15.
- По Пушкину — из пушек: Сенсационное открытие журнала «Слово» и газеты «Совершенно секретно» оказалось

совершенно непроверенным: [Публ. М. Л. Вяткина о военных статьях, принадлежавших А. Н. Пушкину] // Литературная газета. 1999. № 13. 31 марта. С. 9.

Факсимильные издания рукописей А. С. Пушкина: Прошлое, настоящее, будущее // Пушкинские материалы в архивах России: К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина: Материалы науч.-практ. конф. 16 февр. 1999 г. / Гос. музей А. С. Пушкина. М., 1999. С. 20–31.

2001

Edizione fotostatiche di Puškin: passato, presente e futuro: [Факсимильное издание рукописей Пушкина] / T. Krasnoborod'ko // Puškin europeo / A cura di S. Graciotti; Fondazione G. Cini. Venezia: Saggi Marsilio, 2001. P. 203–215. (Presente storico; T. 17).

2002

Неизвестные автографы В. А. Пушкина в альбоме Д. А. Остафьева / Т. И. Краснобородько, Н. И. Михайлова // Пушкин и его современники: Сб. науч. тр. / РАН. Отд-ние лит. и яз. Пушкинская комиссия. СПб.: Академический проект, 2002. Вып. 3 (42). С. 362–371.

[О Д. С. Лихачеве] // Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии / Сост., отв. ред. и авт. предисл. Е. Г. Водолазкин. СПб.: Logos, 2006. С. 127–131.

То же: 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2006. С. 114–118.

2003

А. С. Пушкин. 1799–1837 // Пушкинский Дом: Книга-альбом / РАН, ИРЛИ (Пушкинский Дом). М.: Классика, 2003. С. 38–41: ил.; С. 42–67: факс., фото.

2004

«Холмы Грузии» вернутся из Франции в Россию: Уникальный автограф Пушкина будет продан Внешторгбанку: Интервью // Коммерсантъ. 2004. № 84. 13 мая. С. 21.

2005

- [Описание документов А. С. Пушкина из собрания С. Лифаря] // Парижские находки: К 100-летию И. С. Зильберштейна: Каталог выставки / Гос. музей изобр. искусств им. А. С. Пушкина. М.: Красная площадь, 2005. С. 313–314.
- «Предмет наших изучений и восторгов»: (Рукописи Пушкина) // The Pushkin Handbook / Ed. by D. M. Bethea. Madison: The University of Wisconsin Press, 2005. P. 45–59. (Publ. of the Wisconsin Center for Pushkin Studies).

2007

- Игровой мир Пушкина. Эпизод быта Тригорского: Поэт и Зизи [Е. Н. Вревская] / Т. И. Краснобородько, Л. И. Вольперт // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2007. Вып. 4: Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария: Материалы междунар. конф. С. 9–31. (Humaniora: Litterae Russicae / Universitas Tartuensis).

2008

- Пушкинский набросок возражения Кюхельбекеру: [<Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине»>] / Т. И. Краснобородько [разд. 1], Д. М. Хитрова [разд. 2] // Russian Literature and the West: A Tribute for D. M. Bethea / Ed. by A. Dolinin, L. Fleishman, L. Livak. Stanford, 2008. Pt. 1. P. 66–116 (Stanford Slavic Studies; Vol. 35).

2009

- «Волнением жизни утомленный...» / М. Н. Виролайнен, Т. И. Краснобородько // Пушкинская энциклопедия: Произведения / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб.: Нестор-История, 2009. Вып. 1: А–Д. С. 291–293.

2010

- Парижский Пушкинский музей и его хранитель [А. Ф. Онегин] // Санкт-Петербург — Франция: Наука, культура,

политика / Ком. по внеш. связям СПб.; Упр. внеш. связей СПб. Науч. центра РАН; СПб. Ин-т истории РАН. СПб.: Европейский Дом, 2010. С. 284–304 (Санкт-Петербург и мир).

2011

Драгоценности, написанные пером / Интервью В. Гиренко // Санкт-Петербургские ведомости. 2011. № 21. 7 февр. С. 6.

2012

«Жаль кольца...»: (Невостребованный документ о судьбе пушкинского перстня-талисмана) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год / РАН. ИРАИ (Пушкинский Дом). СПб.: Д. Буланин, 2012. С. 5–29.

2013

О псевдопушкинском автографе стихотворения «Если жизнь тебя обманет...» из собрания Н. О. Лернера // Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / РАН. Ист.-филол. отд-ние. Пушкинская комиссия. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2013. Вып. 31. С. 219–225.

2014

«Пистолеты Охотникова»: Недостоверное предание или свидетельство о январском поединке 1837 года? // Наше наследие. 2014. № 109. С. 77–85: ил., факс.

«Под эгидой принца Уэльского»: Об одном издательском проекте Пушкинского Дома // Санкт-Петербург — Великобритания: XVIII–XXI вв. / Ком. по внеш. связям СПб.; Упр. внеш. связей СПб. Науч. центра РАН; Фонд им. Д. С. Лихачева. СПб.: Европейский Дом, 2014. С. 343–353 (Санкт-Петербург и мир).

Реставрация книг из личной библиотеки А. С. Пушкина // Научные экспедиции РГНФ / Рос. гуманитар. науч. фонд; Отв. за вып. Р. А. Казаков. М.: РГНФ, 2014. С. 330–332: ил.

2015–2016

- Пушкин рисует: Рисунки поэта из собрания Пушкинского Дома: [Набор открыток: В 3 вып.] / РАН, ИРЛИ (Пушкинский Дом); Сост., вступ. ст. С. В. Денисенко, Т. И. Краснобородько. СПб., [2015–2016].
- [Вып. 1]: «Мой арапский профиль...»: (Автопортреты «в образе»). [2015]. 16 л.
- [Вып. 2]: «Искусный и быстрый карандаш»: (Автоиллюстрации Пушкина). [2015]. 16 л.
- [Вып. 3]: «Ходит маленькая ножка, вьется локон золотой...»: (Женские образы в рисунках Пушкина). [2016]. 16 л.

2017

- Надписывал ли Пушкин «Бориса Годунова» князю Элиму Мещерскому? // Пушкин и другие: (Двадцать лет спустя): Сб. ст. к 80-летию Сергея Александровича Фомичева. СПб.: Пальмира; М.: Книга по Требованию, 2017. С. 134–149.
- <Опровержение на критики> / Е. В. Кардаш, Т. И. Краснобородько // Пушкинская энциклопедия: Произведения / РАН, ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб.: Нестор-История, 2017. Вып. 3: А–О. С. 525–528.
- Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений / Е. В. Кардаш, Т. И. Краснобородько // Пушкинская энциклопедия: Произведения / РАН, ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб.: Нестор-История, 2017. Вып. 3: А–О. С. 528–530.
- По следам Б. А. Модзалевского: Неизвестные пушкинские записи на закладках в книге Джона Кука из личной библиотеки поэта // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год / РАН, ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб.: Д. Буланин, 2017. С. 7–24.

2018

- Храните рукопись, о други, для себя // Труд. 2018. № 35–36. 31 мая. С. 11.

2019

- Подлинник или факсимиле? Post scriptum к статье М. А. Гофмана «Новый автограф Пушкина. Евгений Онегин» //

Временник Пушкинской комиссии: Сб. науч. тр. / РАН. Отд.-ние ист.-филол. наук. Пушкинская комиссия. СПб.: Росток, 2019. Вып. 33. С. 173–194.

2020

- О второй стихотворной вставке в пушкинской «<Повести из римской жизни>» («Что с тобой, скажи мне, братец?...») // Русская литература. 2020. № 2. С. 5–18.
- Самый ранний автограф Пушкина? Надпись на книге «Fables de Fénelon»: (Об одном пушкиноведческом заблуждении) // Commentarii litterarum: Ad honorem viri doctissimi Valentini Golovin / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Отв. ред. М. А. Лурье. СПб.: Пушкинский Дом, 2020. С. 38–51.

2021

- Болдинские рукописи Пушкина 1830 года: Научное описание / РАН. Отд.-ние лит. и яз. Пушкинская комиссия; Сост. Т. И. Краснобородько и С. Б. Федотова. СПб.: Росток, 2021. 262 с. (Временник Пушкинской комиссии. Вып. 35). Из содерж.: С. 5–30: *Краснобородько Т. И.* Предисловие; С. 180–197: Рукописи, предположительно датированные Болдинской осенью; С. 198–208: Описание бумаги болдинских автографов 1830 года.

2022

- П. М. Устимович и его воспоминания об А. А. Олениной (Андро) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2022 год / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб.: Полиграф, 2022. С. 7–51.

**Публикация документов, подготовка текстов,
комментирование, редактирование, составление сборников**

1994

- Гессен С. Я. Находка новой поэмы А. С. Пушкина «Тень Онегина» / Публ. и коммент. [с. 169–171] Т. И. Краснобо-

родько // Новое литературное обозрение. 1994. № 6.
С. 166–171.

1995–1997

- Пушкин А. С.* Рабочие тетради: В 8 т.: [Факс. изд.] / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Консорциум сотрудничества с СПб.; Предисл. Е. К. В. Принца Уэльского, Э. Холла, Д. С. Лихачева; Науч. ред. С. А. Фомичев и Т. И. Краснобородько. СПб.; Лондон, 1995–1997.
- Т. 1: [Описание; Указ. произведений А. С. Пушкина]. 1995.
Т. 2: [ПД 829, 830]. 1995.
Т. 3: [ПД 831–833]. 1995.
Т. 4: [ПД 834–836]. 1996.
Т. 5: [ПД 837, 838, 845]. 1996.
Т. 6: [ПД 839, 840]. 1997.
Т. 7: [ПД 841, 842]. 1997.
Т. 8: [ПД 843, 844, 846]. 1997.

1996

- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 19 т. М.: Воскресенье, 1996. Т. 18 (доп.): Рисунки / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Предисл. С. А. Фомичева; Комментар. С. В. Денисенко; Сост. С. В. Денисенко, А. В. Дубровский, Т. И. Краснобородько. 638 с.: ил.

1997

- Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 19 т. М.: Воскресенье, 1997. Т. 17 (доп.): Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. 2-е изд., перераб. / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Отв. ред. Я. А. Левкович, С. А. Фомичев; Подгот. С. В. Денисенко, А. В. Дубровский, Т. В. Евдокимова, Т. И. Краснобородько, Я. А. Левкович, С. А. Фомичев. 738 с.
- Рудаков С. Б.* Город Калинин / Публ., вступ. ст. [с. 200] Т. И. Краснобородько; Комментар. Т. И. Краснобородько и А. Г. Меца // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год: Материалы об О. Э. Мандельштаме /

РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб.: Академический проект, 1997. С. 200–236.

1999

- Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой: Факс. воспроизведение / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Сост. и коммент. [с. 292–389] Т. И. Краснобородько; Вступ. ст. С. А. Фомичева, Я. Л. Левкович. СПб.: Logos, 1999. 399 с.: факс. (Из собраний Пушкинского Дома / Ред. кол. серии: Д. С. Лихачев, Н. Н. Скатов, С. А. Фомичев, Т. И. Краснобородько, В. Н. Стоминок, Т. Л. Шмакова).
- Модзалевский Б. Л. Дневник моей поездки в Париж и Веймар в 1908 году, по делам Пушкинского Дома, к А. Ф. Онегину и П. В. Жуковскому / Публ., предисл. [с. 450–452: Дневник Б. Л. Модзалевского 1908 г.] и коммент. Т. И. Краснобородько // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М.: ТРИТЭ; Рос. архив, 1999. Т. 9. С. 450–465.
- А. С. Пушкин и его современники в портретах: Музей Пушкинского Дома: [Каталог] / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Науч. ред. Т. И. Краснобородько; Вступ. ст. Л. И. Вуич; Авт.-сост.: Л. И. Вуич, Е. В. Карпова, Т. А. Комарова, А. В. Лебедкова, В. С. Логинова, Л. Е. Мисайлиди, И. А. Снеговая при участии Т. И. Краснобородько. СПб.: Logos, 1999. 484 с.: ил. (Из собраний Пушкинского Дома / Ред. кол. серии: Д. С. Лихачев, Н. Н. Скатов, С. А. Фомичев, Т. И. Краснобородько, В. Н. Стоминок, Т. Л. Шмакова).
- Юбилейная выставка «А. С. Пушкин и Православная Россия»: 1799–1999 / СПб. Центр Православной культуры; РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Авт. проекта: Э. С. Лебедева, Е. Н. Монахова; Подбор материалов: В. П. Бударагин, Т. А. Комарова, Т. И. Краснобородько, А. Г. Мамаева; Худож.: Г. П. Губанов, В. Г. Исаев. СПб., 1999. 64 с.: ил.

2001

- Болдинские полемические заметки Пушкина: <Опровержение на критики>; Опыт отражения некоторых не-литературных обвинений; <Проект предисловия к VIII и IX главам «Евге-

ния Онегина»> / Подгот. текстов и коммент. [с. 481–508] Т. И. Краснобородько // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830 / РАН. ИРАИ (Пушкинский Дом); Под общ. ред. Е. О. Ларионовой. СПб.: Гос. Пушкинский театр. центр, 2001. С. 283–307.

2003

Семейные предания Пушкиных: [Павлицева О. С. Воспоминания о детстве А. С. Пушкина; Пушкин А. С. Биографическое известие об А. С. Пушкине до 1826 года; Павлицев Л. Н. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине] / Вступ. ст. Я. А. Гордина; Подгот. текста и коммент. [с. 294–326] Т. И. Краснобородько; Ред. И. А. Муравьева. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2003. 327 с.: ил. (Мир Пушкина; Фамильные бумаги Пушкиных—Ганнибалов. [Т. 3]).
То же, переизд.: 2014, 2019.

2004

Письма М. А. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому. Часть I (1904–1921) / Публ. Т. И. Краснобородько при участии В. Р. Гофмана; Вступ. ст. [с. 180–198] и коммент. Т. И. Краснобородько // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год / РАН. ИРАИ (Пушкинский Дом). СПб.: Д. Буланин, 2004. С. 180–238.

2005

Модзалевский Б. Л. Записные книжки 1920–1928 гг. / Публ., примеч. и коммент. [с. 43–191] Т. И. Краснобородько и Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005 / РАН. ИРАИ (Пушкинский Дом). СПб.: Д. Буланин, 2005. С. 7–42.

Памяти основателей Пушкинского Дома Академии наук / Предисл. [с. 192] к публ. [воспоминаний М. Д. Беляева и Н. В. Измайлова о Н. А. Котляревском и Б. Л. Модзалевском] Т. И. Краснобородько // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005 / РАН. ИРАИ (Пушкинский Дом). СПб.: Д. Буланин, 2005. С. 192–201.

2007

- А. С. Пушкин: Документы к биографии. [Т. 1:] 1799–1829 / Сост. В. П. Старк; Подгот. текстов С. В. Березкиной, И. В. Васильевой, А. В. Дубровского, Т. И. Краснобородько, В. П. Старка, Л. А. Тимофеевой; Примеч. С. В. Березкиной, В. П. Старка. СПб.: Искусство—СПб, 2007. 942 с.

2009

- Пушкин А. С.* Болдинские рукописи 1830 года: [В 3 т.: Факс. изд.] / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Авт.-сост. Т. И. Краснобородько, С. Б. Федотова; Науч. ред. и вступ. ст. [т. 1] С. А. Фомичева. СПб.: Альфарет, 2009.

Т. 1: Научное описание. 221 с. Из содерж.: С. 79–90: *Краснобородько Т. И.* Предисловие; С. 91–179: Болдинские рукописи 1830 года / Сост. Т. И. Краснобородько и С. Б. Федотова; С. 181–189: Рукописи, предположительно датированные Болдинской осенью 1830 года / Сост. Т. И. Краснобородько; С. 191–199: Описание бумаги болдинских автографов 1830 года / Сост. Т. И. Краснобородько.

Т. 2. 318 с.: факс.

Т. 3. 342 с.: факс.

То же, переизд.: 2013.

- Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть II (1922–1926) / Публ., коммент. и вступ. ст. [с. 797–824] Т. И. Краснобородько // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом). СПб.: Д. Буланин, 2009. С. 797–943.

2010

- А. С. Пушкин: Документы к биографии. [Т. 2]: 1830–1837 / Сост. С. В. Березкина, В. П. Старк; Подгот. текстов С. В. Березкиной, И. В. Васильевой, А. В. Дубровского, Т. И. Краснобородько, А. С. Лобановой, В. П. Старка; Примеч. С. В. Березкиной. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. 1027 с.: ил.

2012

«Отчизну обняла кровавая работа...»: Рукописное наследие Отечественной войны 1812 года в собраниях Пушкинского Дома / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Сост. Г. В. Маркелов; Подгот. материалов: П. В. Бекедин, А. Б. Бильдюг, А. Г. Бобров, Е. Ю. Герасимова, А. А. Горелов, А. В. Дубровский, Я. В. Зверева, Т. И. Краснобородько, Г. В. Маркелов, Ф. В. Панченко, М. В. Родюкова, Т. С. Царькова. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2012. 447 с.: ил.

2013

Дом Романовых в Пушкинском Доме: Материалы из собраний Пушкинского Дома: К 400-летию династии Романовых. 1613–2013: Альбом / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Сост. Г. В. Маркелов; Подгот. материалов: А. Г. Агамалян, А. Е. Барзах, П. В. Бекедин, А. Б. Бильдюг, Е. Ю. Герасимова, А. В. Дубровский, Е. В. Кочнева, Т. И. Краснобородько, О. А. Кузнецова, В. С. Логинова, Е. Н. Монахова, А. Ю. Соловьев, Л. К. Хитрово. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2013. 175 с.: ил.

2018

Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы и коллекционеры XVIII–XX веков в фондах и коллекциях Рукописного отдела Пушкинского Дома: Творческие и биографические материалы: Указ. / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Сост. Л. В. Герашко, Л. Д. Зародова, Т. И. Краснобородько, А. Г. Носова, Н. А. Прозорова, М. В. Родюкова, А. В. Сысоева, Т. С. Царькова, Е. П. Яковлева. СПб.: Д. Буланин, 2018. 641 с. (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2017 год).

Участие в редколлегиях сериальных и продолжающихся изданий

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 20 т. / РАН. ИРЛИ (Пушкинский Дом); Гл. ред. Н. Н. Скатов; Ред. кол.: В. Е. Багно [т. 2 (2), 3 (1), 7], С. В. Березкина [т. 2 (2), 3 (1), 7], С. Г. Бочаров [т. 7], В. Э. Вацуру [т. 1,

2 (1)], М. Н. Виролайнен [т. 1–3 (1), 7], М. А. Гаспаров [т. 1, 2 (1)], Л. С. Гейро [т. 1], Т. М. Горяева [т. 2 (2), 3 (1)], А. А. Долинин [т. 2 (2), 3 (1), 7], Р. В. Иезуитова [т. 1, 2 (1)], Н. Н. Казанский [т. 2 (2), 7], Т. И. Краснобородько [т. 1–3 (1), 7], А. Б. Куделин [т. 2 (2), 7], Ф. Ф. Кузнецов [т. 1, 2 (1)], Е. О. Ларионова [т. 1–3 (1), 7], Я. А. Левкович [т. 1, 2 (1)], Д. С. Лихачев [т. 1, 2 (1)], Л. М. Лотман [т. 1, 2 (1), 7], А. А. Осповат [т. 2 (2), 3 (1), 7], Н. Г. Охотин [т. 2 (2), 3 (1), 7], В. Д. Рак [т. 1–3 (1), 7], С. Б. Федотова [т. 1–3 (1), 7], С. А. Фомичев [т. 1–3 (1), 7], Е. П. Чельшев [т. 1–3 (1), 7].¹ СПб.: Наука, 1999 — 2019 — .

Т. 1 / Ред. В. Э. Вацууро. 1999. 839 с.: факс.; То же: *Пушкин А. С. Сочинения: [Т. 1]: Лицейские стихотворения, 1813–1817.* 812 с.: факс.

Т. 2. Кн. 1 / Ред. В. Э. Вацууро, Е. О. Ларионова. 2004. 739 с.: факс.

Т. 2. Кн. 2 / Ред. Е. О. Ларионова. 2009. 1018 с.: факс.

Т. 3. Кн. 1 / Ред. С. В. Березкина, М. Н. Виролайнен. 2019. 1119 с.: факс.

Т. 7 / Ред. М. Н. Виролайнен, Л. М. Лотман. 2009. 1069 с.: факс.

Пушкинская энциклопедия: Произведения: [В 5 вып.] / РАН. ИРАИ (Пушкинский Дом); Рук. проекта И. С. Чистова; Редкол.: А. Ю. Балакин [вып. 3], М. Н. Виролайнен [вып. 1–4], О. Э. Карпеева [вып. 1–4], Т. А. Китанина [вып. 4], Т. И. Краснобородько [вып. 2–4], Е. О. Ларионова [вып. 1–4], О. С. Муравьева [вып. 1, 2, 4], Н. Г. Охотин [вып. 2], С. Б. Федотова [вып. 1–4].² СПб.: Нестор-История, 2009–2020—.

Вып. 1: А–Д. 2009. 519 с.; 14 л. ил.

Вып. 2: Е–К. 2012. 599 с.; 22 л. ил.

Вып. 3: Л–О. 2017. 640 с.; 12 л. ил.

Вып. 4: П–Р. 2020. 621 с.; 16 л. ил.

¹ Состав редакции менялся, в скобках указано участие в подготовке отдельных томов по состоянию на февраль 2023 г.

² Состав редакции менялся, в скобках указано участие в подготовке отдельных выпусков по состоянию на февраль 2023 г.

III. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

ГУСАРЫ В «ПОВЕСТЯХ БЕЛКИНА»

Давно уже было обращено внимание на существенные параллели между «Маленькими трагедиями» и «Повестями Белкина», писавшимися почти одновременно в 1830 году в Болдине.¹ Мы рассматриваем повести, о которых говорится в настоящей заметке, как некоторую параллель к «Моцарту и Сальери». Основной конфликт этой трагедии, с нашей точки зрения, неразрешимое противоречие творческого процесса между «сальерианским» трудом упорным», когда «ремесло поставлено подножием искусству», и спонтанным творческим, «моцартианским» вдохновением, когда великолепное творение как бы само по себе рождается в гениальном мозгу художника.

Воплощаясь в материале, творение утрачивает свою первоначальную, первозданную, непередаваемую прелесть. («Мысль изреченная есть ложь», — заметил другой гениальный поэт.) Таково трагичное для всякого художника неразрешимое противоречие творческого процесса. Можно сколь угодно приближаться к совершенству, соединяя вдохновение с неустанной работой, но воплотить в материале то, что рождается волшебным видением в мозгу гения, очевидно, невозможно. Пушкин разделил эти две ипостаси творческого труда между двумя художниками и показал неразрешимость подобного противоречия гибелью обоих. Моцарт отравлен, а Сальери намертво приговорен умирающим: «Гений и злодейство / Две вещи несовместные» (VII, 134).

¹ Нашу концепцию связи «Повестей» с «Маленькими трагедиями» см. в статье «Трагедия бытия и поиски спасения. “Маленькие трагедии” и “Повести Белкина”» (Русская литература. 2021. № 1. С. 86–117; вошла в кн.: *Альтшуллер М. Г. Пушкин. Кюхельбекер. Грибоедов.* СПб., 2022. С. 21–88. Там же основная литература вопроса).

Принципиально неразрешимое для человечества в целом может быть, по Пушкину, хотя бы частично, компромиссно разрешено в частном человеческом бытии. И поэт противопоставляет четкие, опирающиеся на давнюю традицию конструкции «Маленьких трагедий» — «Повестям Белкина» с их хорошо знакомыми читателям реалиями и деталями повседневного русского быта. В этих маленьких повестях традиционный литературный материал разрушается и переосмысливается во имя счастья отдельной личности, индивидуума, хотя благополучное, как кажется, разрешение в принципе не разрешаемых конфликтов в большинстве случаев все же оказывается далеко не полным.

Противопоставление «сальерианского» и «моцартианского» начал, с нашей точки зрения, прослеживается в трех из пяти повестей Белкина. Главными действующими лицами в этих повестях являются гусары. Выбор именно гусар из всего армейского корпуса (не уланы, не кавалергарды и пр.) не случаен.

Слова гусар, гусарский встречаются в текстах Пушкина 77 раз. Улан, уланский — 20, 9 раз — кавалергард и кавалергардский, что неудивительно: громоздкое четырехсложное слово с трудом влезает в стих (чуть ли не единственный раз: «Бренчат кавалергарда шпоры» — VI, 17), кирасиры — 2 раза. Последние названия родов войск встречаются только в прямом значении, без дополнительных коннотаций, тогда как слово «гусар» всегда связано с представлением о бесшабашности, лихости, непредсказуемости поведения. Такие коннотации прочно утвердились в русской литературе прежде всего стараниями блестящего поэта-гусара Дениса Давыдова. В его интерпретации гусар прежде всего лихо́й храбрец и пьяница, никогда не расстающийся ни с саблей, ни с чаркой, всегдашний победитель женских сердец.² Героем популярных стихов Давыдова был А. П. Бурцев, «величайший гуляка и самый отчаянный забулдыга из всех гусарских поручиков».³ Давыдов писал ему:

Бурцов, ера, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради бога и... арака
Посети домишко мой?!
(«Бурцову. Призывание на пунш», 1804)⁴

² Именно эту черту гусарского поведения, явно подражая Давыдову, воспеал юный Пушкин еще в лицейских стихах: «Но гусары ведь невинны, / Что у мужа роги длинны...» («Куплеты на слова "С позволения сказать"», 1816; АПСС. Т. 1. С. 304).

³ Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1955. С. 74 («Лит. памятники»).

⁴ Давыдов Д. В. Стихотворения. Л., 1984. С. 56 («Б-ка поэта». Большая сер.).

Или в другом стихотворении, ему же посвященном:

Собирайся вкруговую,
Православный весь причет!
Подавай лохань златую,
Где веселие живет!
Наливай обширны чаши...
(«Бурцову», 1804)⁵

К началу 1830-х годов (напомню, что Пушкин написал «Повести Белкина» в 1830-м) этот образ окончательно сложился и в литературе, и в сознании читателей. Так, в 1832 году, то есть приблизительно в то же время (чуть позднее), когда изображал своих гусар Пушкин, Вяземский вспоминал лихие гусарские времена, обращаясь к Давыдову («К старому гусару»):

На тебя, гусар мой, глядя,
Сердце вспыхнуло до дна.
Молодые годы наши
Разгорелись в ярких снах;
Будто пиршеские чаши
Снова сохнут на губах.⁶

А сам Давыдов тоже в 1832 году в стихах с выразительным названием «Гусарская исповедь» писал:

И я спешу в мою гусарскую семью,
Где хлопают еще шампанского оттычки.
Долой, долой крючки от глотки до пупа!
Где трубки? — Вейся дым на удалом раздолье!
Роскошествуй, веселая толпа,
В живом и братском *своеволье!*⁷

Последнее слово курсивом выделено нами. Для нашего рассказа оно особенно важно. Как увидим, герои «Повестей Белкина» поступают всегда вопреки правилам, повинуются только собственной воле, своим желаниям и настроениям.

Обратимся к тексту «Повестей». Первой стоит «Выстрел». Здесь изображаются основные черты гусарства⁸ не как принадлежность

⁵ Там же. С. 57.

⁶ Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. С. 243 («Б-ка поэта». Большая сер.).

⁷ Давыдов Д. В. Стихотворения. С. 101.

⁸ См. в словаре Даля: «*Гусарить*, молодецковать из похвальбы, франтить молодечеством» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880. Т. 1. С. 420).

к определенному роду войск, а как выражение некоторого общественного идеала. Они показаны в описании молодого графа Б., сделанного врагом и завистником героя: «Отроду не встречал я счастлинца столь блистательного. Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость самую бешеную, храбрость самую беспечную, громкое имя, деньги, которым не знал он счета и которые никогда у него не переводились...» (VIII, 69). Неотъемлемое свойство настоящего гусара — храбрость. Граф Б. наделен ею. Его смелость натуральна, естественна, «беспечна»: «Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки...» (VIII, 70).

Графу Б. противостоит Сильвио (имя похоже на Сальери), его однополчанин, тоже гусар. Но Сильвио — гусар не настоящий. Все его поведение искусственно, не органично. Он составил себе правила, которым, с его точки зрения, должен соответствовать истинный гусар, и следует этим правилам: «...буйство было в моде; я был первым буйном по армии. Мы хвастались пьянством. Я перепил славного Б<урцова>, воспетого Д<енисом> Д<авыдовы>м. Дуэли в нашем полку случались поминутно; я на всех бывал или свидетелем, или действующим лицом» (VIII, 69).

Тема «гусарства» возникает и в следующей повести — «Метель». Корнет Дравин охотно соглашается участвовать в совершаемом против воли родителей венчании, потому что «это приключение, уверял он, напоминало ему прежнее время и гусарские проказы» (VIII, 79). А главным исполнителем неожиданно обернувшейся «проказы» становится гусар Бурмин с его странной женитьбой на незнакомой, никогда до того не виденной им девушке: «Старый священник подошел ко мне с вопросом: “Прикажете начинать?” — “Начинайте, начинайте, батюшка”, — отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показалась мне не дурна... Непонятная, непростительная ветреность... я стал подле нее перед налоем; священник торопился; трое мужчин и горничная поддерживали невесту и заняты были только ею. Нас обвенчали. <...> ...я так мало полагал важности в преступной моей проказе, что, отъехав от церкви, заснул и проснулся на другой день поутру, на третьей уже станции» (VIII, 86).

Гусару Бурмину противопоставлен *армейский* прапорщик Владимир. Как и Сильвио, он руководствуется в своей жизни готовыми, в его случае, литературными моделями. Он умоляет любимую девушку «венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей, которые, конечно, будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастьем любовников и скажут им непременно: Дети! Придите в наши объятия» (VIII, 77–78; курсив наш. — М. А.).

Героем повести «Станционный смотритель» снова становится «молодой, стройный гусар с черными усиками» (VIII, 101) — ротмистр Минский. Как хорошо помнит читатель, он влюбился в красавицу Дуню с первого взгляда. Притворился больным. И на третий день увез ее в Петербург, женился. И в финале повести мы узнаем, что красавица приехала «в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами, и с кормилицей, и с черной москвою...» (VIII, 106).

Гусару Минскому на этот раз противопоставлен не военный, а бедный смотритель, «сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда» (VIII, 97). Этот необразованный, бесправный бедняк, в отличие от бесшабашного, веселого, добродушного гусара, строит свою жизнь, принимает решения не спонтанно, а руководствуясь определенными правилами и четко усвоенными представлениями.

С точки зрения Вырина, судьба Дуни может свершиться только в двух вариантах, точнее, в одном: «Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий повеса, а там подержал, да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе и бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою <...> поневоле согрешишь да пожелаешь ей могилы» (VIII, 105; курсив наш. — М. А.). Других вариантов бедный смотритель, думающий только в привычных, твердо заданных правилами обычного существования категориях, — не видит.

И далее несчастный отец конструирует по готовым литературным моделям два исхода совершившегося несчастья. Один — трагический конец несчастной девушки, описанный в знаменитой повести Карамзина «Бедная Лиза», — несчастная жертва любви покинута соблазнителем и погибает. Повесть эта была столь популярна, что и Самсон Вырин вполне мог ее читать, да и содержание ее вполне совпадало с печальной аксиомой («не первая, не последняя»), сформулированной им в разговоре с проезжим титулярным советником А. Г. Н.

Эту печальную модель сознание бедного смотрителя решительно отвергает. Он усиленно цепляется за другую, более значительную литературную модель — евангельскую притчу о блудном сыне (Лк 15: 11–32). В самом начале повести тщательно описаны картинки, украшающие «смирненную, но опрятную обитель». Они изображают историю блудного сына. На последней «представлено возвращение его к отцу; добрый старик <...> выбегает к нему навстречу, блудный сын стоит на коленях...» (VIII, 99). А в евангельском тексте, который, несомненно, хорошо знал Вырин, еще выразительнее:

«еще же ему далече сущу, узре его отец его, и мил ему бысть, и тек нападе на выю его, и облобыза его».

Таким любящим, прощающим блудную дочь отцом видит себя Вырин в выстроенной по евангельскому образцу модели. Именно этот вариант (что Дуня будет брошена, отец ее не сомневается ни на мгновение) как единственно возможный благополучный исход упрямо вынашивает он в своем сознании. Моля о возвращении блудной дочери, он уговаривает Минского: «Что с возу упало, то пропало; отдайте мне, по крайней мере бедную мою Дуню» (VIII, 103). Даже обещания смущенного Минского («...не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово» — VIII, 103) ни на йоту не могут поколебать прочно сидящую в его голове модель.

Итак, если все «Маленькие трагедии» заканчиваются гибелью героев (Моцарт, Сальери, Барон Филипп, Дон Гуан, обреченный Вальсингам), то кажется, что в «Повестях» торжествует свободное, моцартианское начало, о чем свидетельствуют вроде бы благополучные концы каждой повести. Это, однако, не совсем так. Может быть, даже совсем не так.

В «Выстреле», казалось бы, неразрешимая ситуация столкновения «сальеризма» и «моцартианства» разрешилась более или менее благополучно: «моцарт» остался жив, «сальери» проявил благородство, пощадив врага. И одержал моральную победу. Все, однако, не так просто.

Граф Б. действительно остался жив. Прекрасная женщина не потеряла любимого. Семейная жизнь спокойна и благополучна. Но... этот покой куплен жестоким компромиссом. Испуганный граф согласился снова метать жребий и снова выстрелил в противника, не имея на то никакого права. Ради мирного семейного счастья граф поступился честью.⁹ «Предаю тебя твоей совести» (VIII, 74), — торжествуя, бросает Сильвио, уходя победителем с поля боя.

Однако и победа Сильвио оказывается достаточно «пирровой». Сальери потратил жизнь на овладение высотами искусства. Он вкусил «восторг и слезы вдохновенья». Сильвио истратил свою жизнь, лелея мечту о мести. Ничтожная цель оказалась достигнутой. Сильвио не убил, но одержал моральную победу над врагом. И... жизнь прожита, позади жалкое первенство (недолгое)

⁹ Печорин размышляет: «...двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продам» (*Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л., 1957. Т. 6. С. 314; курсив наш. — М. А.*). Для дворянина «золотого века» само собой разумелось, что честь дороже жизни.

в гусарском буйстве и годы, проведенные в пальбе по мухам для тренировки.¹⁰ Впереди только смерть...

И снова, как и в «Выстреле», трагическое столкновение «сальерианского» и «моцартианского» начал в «Метели» кончается как будто благополучно. Бурмин, «ужасный повеса» в прошлом, а ныне «очень милый молодой человек», обрел и любовь, и счастье, неожиданно завершившее его хулиганскую эскападу, — моцартианское начало победило. Но... в сознании читателя остается некоторый тяжелый осадок: погиб честный и добрый Владимир, павший нечаянной жертвой и стихии, и своего антагониста, человека раскованного, веселого, бесшабашного разрушителя правил.

Особенно грустной нотой заканчивается мнимое торжество свободной молодой жизни над строгой регламентацией «правильного», лишенного стихии, вдохновения бытия в «Станционном смотрителе». Погибает одинокий, не дождавшийся появления красавицы-дочери старик. Безутешно рыдает на его могиле счастливая, любимая добрым мужем дочь. Да и сам Минский, встретивший Вырина «в крайнем замешательстве», готовый «просить у него прощения», вряд ли забывает смертельную обиду, нанесенную несчастному старику, как и граф Б. не забывает уступку собственной чести.

Только в одной повести — «Барышня-крестьянка» — нет этого грустного, щемящего настроения.

Но там нет и гусара. Алексей Берестов лишь «потенциальный» гусар. Он только хотел поступить в военную службу, но перестал торопиться, влюбившись в «Акулину», а собирався, как это явствует из его разговора с отцом, именно в гусары: «“Что же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь? Иль гусарский мундир уже тебя не прельщает!” — “Нет, батюшка, — отвечал почтительно Алексей, — я вижу, что вам неудобно, чтоб я шел в гусары; мой долг вам повиноваться”» (VIII, 122).

И ведет он себя вполне по-гусарски: «Вздумал он с нами в горелки бегать <...>. Поймает, и ну цаловать» (VIII, 112). И спонтанное, но вполне твердое решение «жениться на крестьянке и жить своими трудами» (VIII, 123) не уступает внезапному венчанию Бурмина по своей лихости, но более логично и здраво.

Как известно, Белинскому очень не нравились «Повести Белкина»: «...недостойны ни таланта, ни имени Пушкина. <...> Особенно жалка из них одна — “Барышня-крестьянка”, неправдоподобная,

¹⁰ Позволю себе напомнить читателю: «Бывало, увидит муху и кричит: Кузька, пистолет! Кузька и несет ему заряженный пистолет. Он хлоп, и вдавливает муху в стену!» (VIII, 72).

водевильная, представляющая помещичью жизнь с идиллической точки зрения...»¹¹ И со своей точки зрения *неистовый Виссарион* с его неумолимой жадной социальной справедливости был даже прав. «Барышня-крестьянка» является единственной в цикле повестью, где нет никакого щемяще-грустного подтекста, как в «Выстреле», «Станционном смотрителе», «Метели». Торжествуют молодость, любовь, счастье. Не случайно Пушкин заключил ею весь белкинский цикл, как бы пытаясь безоблачностью сельской идиллии смягчить неразрешимые трагедии бытия и проблемы собственной творческой, общественной и (будущей) семейной жизни.

В чистом виде «сальеризм» и «моцартианство», как и другие параметры человеческой личности, встречаются только в сверхреалистическом мире «Маленьких трагедий». В обыденном бытии (быте) они смешиваются в каждом человеке с преобладанием того или иного начала. Человечество делится на людей «сальерианского» типа, с преобладанием рационализма, следования правилам и нормам, обдумывания своих действий, и «моцартианцев» — людей смелых, действующих спонтанно, зачастую не контролирующих своих поступков.

Столкновение, общение, взаимодействие, сосуществование людей с такими противоположными параметрами никогда не ведет к гармонии (или застою), к перманентному счастью ни отдельной человеческой личности, ни всего человечества. Такая гармония, по всей очевидности, в принципе невозможна.

Об этом за шесть лет до «Повестей Белкина» молодой еще (ему было 25 лет) романтик Пушкин написал:

...счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!..
И под изданными шатрами
Живут мучительные сны. <...>
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.
(«Цыганы» — IV, 203–204)

А еще через шесть лет, уже совсем незадолго до своей гибели, написал совсем коротко:

На свете счастья нет..
(III, 330)

М. Г. Альтшуллер

¹¹ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 577.

**ПУШКИНСКИЕ БАЛЛАДЫ
В «КАТЕНИНСКОМ» КОНТЕКСТЕ
(1828 год)**

В 1828 году между Пушкиным и Катениным состоялось «любопытное поэтическое состязание», тайный полемический смысл которого был реконструирован в статье Ю. Н. Тынянова «Архансты и Пушкин». 27 марта этого года Катенин отправил Пушкину вместе с дружественным письмом целый ряд своих стихотворений, в число которых входили «Старая быль» и приложенное к ней послание «А. С. Пушкину» («Вот старая, мой милый, быль...»). Помещенные рядом, они прозрачно намекали на репутацию Пушкина как певца власти. «Старая быль» повествовала о соревновании двух певцов — грека-скопца и русского воина — при дворе князя Владимира, только что получившего в жены царевну Анну. Песнь грека восхваляет славу византийских императоров, к которой теперь причастен породнившийся с ними Владимир. Это была ядовитая параллель к пушкинским «Стансам» (1826), где было декларировано «семейное сходство» Николая I с его великим пращуром. Русский воин в балладе Катенина отказывается от состязания и получает «вторую» награду — кубок. В послании, служившем своего рода постскриптумом к «Старой были», рассказывалось, что кубок в конце концов попал к Пушкину, но, по слухам, пить из него, не облившись, могут лишь истинные сыны Феба. Проверить этот слух Катенин предлагает на «младых романтиках», и если они не справятся с замороженной чашей, то и он не рискнет разделить с Пушкиным доступный лишь ему одному волшебный напиток. Комплиментарное содержание послания камуфлировало желчный смысл «Старой были», в то же время указывая на того, с кем следует соотнести ее сюжет.¹

Весьма высоко ценивший критическое и художественное творчество Катенина Пушкин был поставлен в щекотливое положение. Письмо он получил в мае, но лишь 10 ноября 1828 года написал стихотворный «Ответ Катенину» с отказом от кубка и от напитка («*Не пью, любезный мой сосед!*» — III, 135) и сразу же отправил его вместе со «Старой былью», но без послания «А. С. Пушкину» в «Северные цветы». Задержка с ответом заставила Катенина сильно нервничать,² но

¹ См.: Тынянов Ю. Н. Архансты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 73–85.

² Тынянов приводит его письма к Н. И. Бахтину, в которых беспокойство автора «Старой были» заявлено вполне откровенно (см.: Там же. С. 82).

и Пушкин, по-видимому, в течение лета и осени напряженно размышлял о Катенине. С этими размышлениями, несомненно, связано появление баллады «Утопленник», написанной не позднее 29 сентября 1828 года.³

«Старая быль» неотвратимо обращала мысли Пушкина к жанру баллады. Как отметил Тынянов, ее метрика (за исключением песни грека) отсылала к «Песни о вещем Олеге» (1822),⁴ но дело было не только в метре. Катенин разными способами акцентировал проекцию на пушкинскую балладу — и будто бы невзначай введенным словечком «вещие» («Пусть вещие придут и станут на суд»⁵), и рифмой «награда — Царьграда»,⁶ перекликающейся с пушкинской «отрада — Цареграда» (АПСС. Т. 2. Кн. 2. С. 74), и вариацией двух пушкинских стихов («Правдив и свободен их вещей язык / И с волей небесною дружен» (Там же) — «Премудр и премилостив твой мне совет / И с думой согласен моею»⁷), и финальной сценой пира, где так же, как на тризне Олега, из рук в руки переходит круговая чаша, а боевые товарищи русского певца поминают минувшие дни.⁸ Но главной проекцией была воз-

³ В этот день С. Н. Карамзина сообщила П. А. Вяземскому, что Пушкин «сочинил маленькую балладу „Утопленник“, которая порядком наводит страх» (Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) / Публ. К. Богаевской, Л. Добровольского и др. // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 82). В статье «Архаисты и Пушкин» Ю. Н. Тынянов упоминает интересующую нас балладу, но вне связи с историей «Старой были»: «Пушкин не раз пробует балладу, как бы ищет в ней пути для свежих лирических жанров. И в балладах своих он идет за Катениным, а не за Жуковским. Таковы „Женех“ (1825), „Утопленник“ (1828)» (Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин. С. 68).

⁴ Там же. С. 78. Метрика, строфика и образный строй пушкинской баллады 1822 г., в свою очередь, ориентированы на переведенную из Шиллера балладу Жуковского «Граф Галсбургский» (1818) (см.: Томашевский Б. В. Строфика Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 107–108; Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского. М., 1975. С. 198–199; Немзер А. С. «Сии чудесные виденья...» // Зорин А., Немзер А., Зубков Н. Свой подвиг свершив. М., 1987. С. 223–225).

⁵ Катенин П. А. Избранные произведения. М.; Л., 1965. С. 177 («Б-ка поэта». Большая сер.).

⁶ Там же. С. 178.

⁷ Там же. С. 182.

⁸ Едва ли поэту вполне прав А. С. Немзер, полагая, что «стрела Катенина предназначалась не Пушкину, а Жуковскому, в изрядной мере — как автору (переводчику) „Графа Галсбургского“, а может быть, также Языкову и Козлову (Немзер А. С. «Песнь о вещем Олеге» и ее следствия // Acta slavica estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение IX. Хрестоматийные тексты: Русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту, 2013. С. 262–263). Другое дело, что возможное косвенным образом задеть Жуковского вполне могла соответствовать желаниям Катенина.

возможность сопоставления центральных фигур обоих произведений. Из двух певцов, изображенных Катениным, русский воин, несомненно, соответствует фигуре волхва. Оба они отказываются от коня (катенинский герой решает не претендовать на эту награду, пушкинский просто отвергает ее). Нежелание русского певца соревноваться в прославлении власть имущих, уклончиво мотивированное тем, что «петь о великих царях и князьях / Ума не достанет, ни силы»,⁹ должно было вызывать в памяти гордую речь пушкинского кудесника: «Волхвы не боятся могучих владык, / А княжеский дар им не нужен; / Правдив и свободен их вещий язык / И с волей небесною дружен» (АПСС. Т. 2. Кн. 2. С. 74).¹⁰

Волхвом посрамлен вещий дар Олега — и это служит лишним указанием на то, кто в «Старой были» является подлинным, хотя и не признанным, победителем. Что же касается княжеской награды, полученной греком, она, в сущности, оказывается ненужной: конь с боевым доспехом подобает воину, а не скопцу, который, садясь на коня, доспех немедленно отсылает. Послание «А. С. Пушкину», продлевая сюжет «Старой были» в современность, повествует о том, что от этой награды не осталось следа: латы украдены или истлели, «Конь, верно, пал».¹¹ Последнее сообщение, казалось бы, избыточно, ведь со времен Владимира протекли века, — но упоминание о смерти коня еще раз возвращает к «Песни о вещем Олеге». Там конь стал ненужной и даже гибельной жертвой, в «Старой были» — ненужным даром.¹²

Вернемся, однако, к «Утопленнику», ритмически и строфически организованному совершенно иначе, чем «Старая была». Пушкинская баллада 1828 года написана четырехстопным хореем, со строфическим делением на восьмистишия, организованные как два четверостишия с перекрестной рифмовкой. И если, выбирая стиховую форму «Старой были», Катенин отсылал к «Песни о вещем Олеге» Пушкина, то строфика «Утопленника» была обратной отсылкой Пушкина к Катенину. Восьмистишиями четырехстопного хореем были написаны три его ранние баллады, опубликованные в 1815 и 1816 годах: «Певец.

⁹ Катенин П. А. Избранные произведения. С. 183.

¹⁰ Последние два стиха не случайно, как было указано выше, перефразированы Катениным.

¹¹ Катенин П. А. Избранные произведения. С. 184.

¹² По замечанию А. С. Немзера, мотив «конь — дар государя» пришел из «Графа Галсбургского» (см.: Немзер А. С. «Песнь о вещем Олеге» и ее следствия. С. 263). Но в балладе Жуковского священник принимает этот дар, благословляя дарителя и предрекая ему славное будущее. Мотив трансформирован уже у Пушкина, и с ориентацией на него трансформируется далее Катениным.

Из Гёте»,¹³ «Наташа» и «Ольга. Из Бюргера», с тем отличием от пушкинской строфы, что во втором четверостишии во всех трех случаях использована парная рифмовка. Первая из названных баллад должна была вспомниться Пушкину при чтении «Старой были», поскольку в ней воспроизведена сюжетная ситуация «Певца». Эта переводная баллада, по выражению Н. И. Бахтина, «обрусела»¹⁴ в переложении Катенина. В немецком романсе старый певец отказывается от золотой цепи, предложенной королем в награду за выступление, и просит вместо нее поднести ему кубок светлого вина, поскольку поет по собственной воле, не ожидая вознаграждения. В балладе Катенина действие перенесено в столичный Киев, певец выступает на пиру князя Владимира. Те же самые обстоятельства повторены в «Старой были», однако сюжет усложнен в сравнении с ранней балладой: на праздник приглашены теперь два певца, а не один, задумано состязание, и кубок, фигурировавший в «Певце», становится «утешительной» наградой тому, кто уступает первенство.

Отметим, что к 1828 году восьмистишиями четырехстопного хорей с перекрестной рифмовкой были написаны также «Кассандра» (1808) и «Ахилл» (1814) Жуковского.¹⁵ Но, разумеется, «Утопленник» ориентирован не на эти баллады с античным сюжетом, а на ранние «русские» баллады Катенина, в которых раз за разом усиливался «простонародный» колорит (к числу уже названных следует добавить «Убийцу» и «Лешего», обе 1815). Существенно, что работа над ними еще тогда мыслилась Катениным именно как состязание двух певцов: свои просторечные, грубоватые баллады он противопоставил изящным балладам Жуковского:¹⁶ «Ольга», как и «Аюдмила», была переводом баллады Готфрида Бюргера (Bürger; 1747–1794) «Ленора» («Lenore», 1773), а в «Наташе» варьировался близкий сюжет. Если наложить на эту ситуацию сюжет «Старой были», Жуковский оказывался в роли

¹³ Вольное переложение романса И. В. Гёте «Певец» («Der Sänger») из романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» («Wilhelm Meisters Lehrjahre», 1795–1796) (кн. 2, гл. XI).

¹⁴ Цит. по: Сочинения и переводы Павла Катенина. СПб., 1832. Ч. 1. С. XI. Так же «обрусел» в переложении Жуковского «Овсяный кисель» («Das Haberbus») И. П. Гебеля (Hebel; 1760–1826), став ранним (созданным в 1816-м и опубликованным в 1817 г.) образцом «русской» идиллии — подобно тому, как годом раньше «Певец» стал ранним образцом «русской» баллады.

¹⁵ Во второй половине 1828 года ту же строфу, чередующуюся с четверостишиями, Жуковский использовал в балладе «Торжество победителей».

¹⁶ «Спор шел о разных направлениях в жанре баллады: об изящной, идеализированной и мечтательной балладе Жуковского и народной, просторечной, грубоватой балладе Катенина», — точно характеризовал сущность этого противостояния Б. В. Томашевский (*Томашевский Б. В.* Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2. С. 98).

сладкоречивого грека. Надо полагать, что в 1828 году Катенин эту параллель вполне осознавал¹⁷ — как сознавал ее и Пушкин, вспоминая, работая над «Утопленником», давнишнюю полемику, вызванную противопоставлением двух типов баллад: в 1816 году Н. И. Гнедич выступил в «Сыне отечества» (Ч. 31. № 27) с критикой Катенина, А. С. Грибоедов на страницах того же журнала (Ч. 31. № 30) — с критикой Жуковского и возражениями Гнедичу.

«Утопленник» написан вполне в духе Грибоедова и Катенина; грубая натура представлена здесь без стеснения. Простонародный характер произведения Пушкин акцентировал в подзаголовке, который при публикациях варьировался: «Утопленник» печатался и как «Простонародная песня»,¹⁸ и как «Простонародная сказка».¹⁹

¹⁷ В этом (но только в этом) смысле можно вслед за А. С. Немзером допустить, что косвенно «Старая быль» адресовалась также и Жуковскому.

¹⁸ Московский вестник. 1829. Ч. 1. С. 80.

¹⁹ Там же, в оглавлении; Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1829. Ч. 2, в оглавлении. Почему в тексте «Московского вестника» фигурирует одно жанровое определение, а в оглавлении — другое, однозначно объяснить едва ли возможно. Стихотворение было передано в журнал через С. П. Шевырева, по-видимому, в декабре 1828 года; к публикации его, скорее всего, готовил М. П. Погодин. Маловероятно, что кто-либо из них изменил пушкинский подзаголовок без согласования с автором. Можно было бы думать, что исправление «песни» на «сказку» было сделано по желанию Пушкина, но внесено только в оглавление, которое к тому моменту еще не было набрано. Однако любопытно, что в анонсе, помещенном в предыдущем выпуске журнала, произведение фигурировало как «Утопленник, простонародная русская сказка (А. С. Пушкина)» (Московский вестник. 1828. Ч. 12, № 23–24. С. 399; цензурное разрешение 28 декабря 1828 г.). В любом случае показательно, что подзаголовок «Простонародная сказка» был принят во второй части «Стихотворений Александра Пушкина» 1829 года. В 1850–1851 годах С. П. Шевырев рассказывал, что, когда он «уезжая за границу в 1829 году, был в Петербурге, Пушкин предложил ему несколько своих стихотворений, в том числе «Утопленник» и перевод из «Валленрода», говоря, что он дарит их ему и советует издать в особом альманахе, но за отъездом тот передал их Погодину» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 41), то есть в «Московский вестник». Этот эпизод мог бы произойти между 18 февраля 1829 года (16 февраля Шевырев приехал в Петербург, 18-го писал М. П. Погодину, что еще не виделся с Пушкиным, который находился в столице с 18 января (см.: Пушкин по документам архива М. П. Погодина / Публ. М. Цявловского при участии К. П. Богаевской // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16–18. С. 702; Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 3. С. 11) и 10 (?) марта, когда Пушкин выехал из Петербурга (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 3. С. 26). Однако в действительности передача стихотворений Шевыреву произошла несколько раньше, и не в Петербурге, а в Москве, где Пушкин находился с 6 декабря 1828-го по 5 или 7 января

Определение «сказка» побудило в свое время Д. Д. Благого настаивать на том, что «Утопленник», так же как «Жених» (1825), должен помещаться в разделе сказок: «невключение их в этот раздел <...> нарушает волю поэта».²⁰ Между тем оба подзаголовка, с которыми печатался «Утопленник», вписываются в современный Пушкину контекст осмысления жанра баллады, а первый из них, кроме того, — и в интересующий нас «катенинский» контекст.

«Простонародная песня» корреспондирует и песенному соотязанию в «Старой были», и заглавию связанной с ней «Песни о вещем Олеге», написанной, как уже сказано, балладной строфой. Генетическая связь баллады и песни была хорошо известна: «Изобретение баллады приписывают италианцам. У них она не иное что есть, как плясовая песня, имеющая только на конце обращение к какому-нибудь присутствующему или отсутствующему лицу. *Vallo* на итал. языке значит *пляска*, отсюда *ballada* или *ballata*».²¹ (Любопытно, что при позднейшей фольклоризации текста «Утопленника» он использовался именно как плясовая песня.²²) Подчеркивалась и близость баллады к романсу: «У немцев баллада состоит в повествовании о каком-либо любовном или несчастном приключении и отличается от романа наиболее тем, что всегда основана бывает на чудесном; разделяется также на строфы».²³ Возможно, что именно с учетом связи этих жанров Пушкин, готовя в 1836 году так и не состоявшееся издание стихотворений, собирался объединить баллады и песни в одном разделе, который должен был открываться «Песнью о Вещем Олеге».²⁴

1829 года (см.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 439; Т. 3. С. 7). Это подтверждается тем, что журнал, в котором были напечатаны и «Утопленник», и «Отрывок из Поэмы Мицкевича: Конрад Валленрод», и еще целый ряд стихотворений Пушкина, вышел в свет 2 января 1829 года (см.: Синяевский Н., Цявловский М. Пушкин в печати. 1814—1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. 2-е изд., испр. М., 1938. С. 58).

²⁰ Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина: (1826—1830). М., 1967. С. 532.

²¹ Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. 1. С. 58.

²² См.: Песни русских поэтов (XVIII — первая половина XIX века) / Ред., ст. и коммент. И. Н. Розанова. М., 1936. С. 276 («Б-ка поэта». Большая серия); Андреев Н. П. Пушкин и народное творчество // Учен. зап. Лен. гос. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1938. Т. 14. С. 63; Новикова А. М. Русская поэзия XVIII — первой половины XIX века и народная песня. М., 1982. С. 162—163; Мельц М. Я. Поэзия А. С. Пушкина в песенниках 1825—1917 гг. и русском фольклоре. СПб., 2000. С. 38.

²³ Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии. Ч. 1. С. 62—63.

²⁴ См. выполненное Е. О. Ларионовой описание подготовительных материалов этого издания: АПСС. Т. 2. Кн. 1. С. 366.

С подзаголовком «сказка» трижды в 1824 году была напечатана баллада Жуковского «Замок Смальгольм».²⁵ Но, работая над ней, Жуковский колебался между определениями «баллада» и «сказка»²⁶ и в четвертом издании своих стихотворений поместил ее в раздел «Баллады» (в пятом издании, организованном не по жанровому, а по хронологическому принципу, в оглавлении было указано: «Замок Смальгольм. Баллада. Из Вальтер Скотта»). Возможно, что с источником этой баллады Жуковского, вслед за которой «Утопленник» получил, по-видимому, определение «сказка», связано и пушкинское определение «простонародная песня».

Оригинал «Замка Смальгольм» — баллада Вальтера Скотта «Иванов вечер» («The Eve of St. John», 1799) — печаталась в третьей части сборника «Песни Шотландской границы» (опубл. 1803).²⁷ Полное английское название этого издания: «Minstrelsy of the Scottish Border: Consisting of Historical and Romantic Ballads, Collected in the Southern Counties of Scotland; With a Few of Modern Date, Founded Upon Local Tradition». Слова «Minstrelsy» (поэзия менестрелей) и «Ballads» (баллады) здесь практически синонимичны, а традиционный русский перевод, в котором первое слово заглавия переводится как «песни», находит свое точное соответствие в том раннем французском прозаическом переводе этого издания, которое имелось в библиотеке Пушкина: «Chants populaires des Frontières Méridionales de l'Ecosse recueillis et commentés par Sir Walter Scott, traduites de l'anglais par M. Artaud» (Paris, 1826. Т. 1—4).²⁸ И как раз в то же время, когда был написан «Утопленник», Пушкин обращался к этому изданию: здесь, в третьем томе, была напечатана баллада «Два ворона» («Les deux corbeaux»), ставшая, как установил Ю. Г. Оксман,²⁹ источником стихотворения «Ворон

²⁵ Жуковский В. А. 1) Замок Смальгольм. Шотландская сказка // Соревнователь просвещения и благотворения. 1824. № 2. С. 131; 2) Дунканов вечер. Шотландская сказка // Новости литературы. 1824. № 7. С. 106; 3) Замок Смальгольм. Шотландская сказка // Стихотворения Василия Жуковского. 3-е изд., испр. и умнож. СПб., 1824. Т. 3: Баллады. С. 323 (в оглавлении: «Замок Смальгольм. Шотландская сказка, Вальтера Скотта»).

²⁶ См.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2008. Т. 3. С. 383—384 (примеч. Э. Жилковой).

²⁷ В авторской обработке Вальтера Скотта здесь были представлены собранные им народные баллады.

²⁸ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 333. № 1367.

²⁹ См.: Оксман Ю. Г. Сюжеты Пушкина: (Отрывочные замечания). <...> II. «Шотландская песня» // Пушкинский сборник памяти профессора С. А. Венгерова. М.; Пг., 1922. С. 27—30.

к ворону летит...», которое датируется сентябрем 1828 года.³⁰ Это стихотворение еще до появления его в печати было положено на музыку М. И. Вильгорским. Альбом, в котором текст был помещен вместе с нотами,³¹ вышел в свет почти одновременно с «Северными цветами» на 1829 год, куда Пушкин передал балладу о воронах.³² В альбоме она была напечатана под заглавием: «Ворон к ворону летит. Песня»,³³ в «Стихотворениях Александра Пушкина» (1829. Ч. 2) — с перенесенным П. А. Плетневым в оглавление подзаголовком «Шотландская песня». История всех этих публикаций, европейских и русских, показывает, что обозначения «баллада» и «песня» воспринимались как практически эквивалентные.

Между тем в интересующем нас контексте стихотворение о воронах занимает далеко не последнее место не только в связи с его жанровыми определениями. Написанное, как и баллада «Утопленник», в период поисков ответа Катенину и так же, как и она, развивающее мотив мертвого тела, оно дает совершенно иную версию эстетики макабрического. В пушкинской переделке «Les deux corbeaux» ру-

³⁰ Год устанавливается в соответствии с указанием в «Стихотворениях Александра Пушкина» (СПб., 1829. Ч. 2). В середине ноября 1828 года Пушкин писал А. А. Дельвигу из Малинников: «Сестра просит для своего *Голубчика* моего *Ворона*; как ты думаешь» (XIV, 35). Речь шла об издании «Лирический альбом на 1829 год», задуманном мужем Ольги Сергеевны Н. И. Павлищевым и выпущенном им совместно с М. И. Глинкой в самом конце 1828 года (см. ниже, примеч. 31). Из письма Пушкина следует, что О. С. Павлищева и А. А. Дельвиг были знакомы со стихотворением еще до отъезда Пушкина в Малинники, состоявшегося в ночь с 19 на 20 октября 1828 года (см.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*, Т. 2. С. 427). Положение автографа в рабочей тетради Пушкина позволяет сузить датировку до сентября этого года. Почерк, перо и светло-коричневые чернила, которыми записан автограф, сходствует с теми, которыми в сентябре 1828 года писались в этой тетради черновые строки первой песни «Полтавы», перебеленной, согласно авторской помете, 3 октября (ПД 98) (см.: *Измайлов Н. В.* Пушкин в работе над «Полтавой» // *Измайлов Н. В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 50; *Сандомирская В. Б.* Рабочая тетрадь Пушкина 1828—1833 гг. (ПД № 838): (История заполнения) // *Пушкин: Исследования и материалы*. Л., 1982. Т. 10. С. 255—256).

³¹ *Лирический альбом на 1829 год* / Изд. М. Глинкою и Н. Павлищевым. СПб., [1828].

³² См.: *Синяевский Н., Цявловский М.* Пушкин в печати. С. 56, 57.

³³ С указанием: «Слова А. Пушкина. Музыка М. Вильгорского». Стихотворение еще не раз перепечатывалось при жизни Пушкина как «песня» (см.: *Галатей*. 1829. Ч. 1. № 4. Особое приложение (текст при нотах); *Песни, романсы и куплеты, из водевиль известных и любимых поэтов*. М., 1833. С. 78—79; *Полный новейший песенник, в тринадцати частях, содержащий в себе собрание всех лучших песен известных наших авторов...* М., 1835. Ч. 3. С. 12—13.

сифидировались,³⁴ как «Овсяный кисель» Жуковского или «Певец» Катенина. Но не менее важным отступлением от оригинала стало то, что Пушкин исключил из баллады целую строфу, содержащую натуралистические подробности («Toi, tu te percheras sur sa blanche poitrine; moi, je lui arracherai avec mon bec ses beaux yeux bleus, et des boucles de ses cheveux blonds nous boucherons les fentes de nos nids»³⁵), и упоминание обглоданных человеческих костей («et sur ses os dépouillés et blanchis, les vents souffleront toujours»³⁶). В «Утопленнике» же, наоборот, намеренно нагнетался грубый физиологизм,³⁷ и в этом Пушкин, сближаясь с Катениным, оказывался смелее его. Работая над «Утопленником», Пушкин доказывал сразу несколько вещей. Во-первых, он отдавал должное именно тому типу баллады, который был выдвинут его оппонентом. Во-вторых, он демонстрировал, что в совершенстве владеет его оружием, бесстрашно вводя в текст и достаточно грубое просторечие, и натуралистические подробности. В-третьих, как автор «по-катенински» «русской» баллады, он с очевидностью занимал позицию русского певца, которая исключала навязываемую ему роль грека. В сумме все это подтверждало согласие с эстетическими принципами Катенина и готовность идти его дорогой чуть ли не более решительно, чем он сам. Такой ответ, однако, был слишком односторонним. И художественная позиция, заявленная в «Утопленнике», была уравновешена созданием другой баллады, доказывавшей, что сюжет о поедании мертвечины может быть обрамлен в изящную форму, позволяющую лишь легко коснуться «ужасного»: двойное упоминание страшного «обеда» оставляет читательское воображение свободным в том, как далеко оно может зайти.³⁸

³⁴ Вместо французского «chevalier» — «богатырь», вместо «sa dame» — «хозяйка молодая», вместо охотничьего пса — «кобылка вороная» и т. д.

³⁵ Chants populaires des Frontières Méridionales de l'Ecosse... Paris, 1826. Т. 3. P. 217; перевод: «Ты усядешься на его белую грудь; я вырву своим клювом его прекрасные голубые глаза; а его белокурыми локонами мы заделаем щели в наших гнездах» (франц.).

³⁶ Ibid; перевод: «...и над его обглоданными побелевшими костями всегда будут веять ветры» (франц.).

³⁷ «Безобразно труп ужасный / Посинел и весь распух»; «Из-за туч луна катится — / Что же? голый перед ним: / С бороды вода струится, / Взор открыт и недвижим, / Всё в нем страшно онемело, / Опустились руки вниз, / И в распухнувшее тело / Раки черные впились» (III, 117, 118–119).

³⁸ Воображение самого Пушкина этот образ явно тревожил: он вернулся к нему в «Капитанской дочке» (1836) (притча об орле и вороне, вложенная в уста Пугачева), а в своем стихотворении «На выздоровление Лукулла» (1835), по рассказу С. А. Соболевского, «в особенности любил» стих «Как ворон, к мертвечине падкий» (Летописи Гос. литературного музея, М., 1936. Кн. 1. С. 534).

Примерно через месяц после завершения баллады об утопленнике, предположительно в ноябре 1828 года, Пушкин набросал заметку «<О поэтическом слоге>», где, в частности, говорилось: «...поэзию <...> освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем. Попыты Жуковского и Катенина были неудачны, не сами по себе, но по действию, ими произведенному. Мало, весьма мало людей поняли достоинство переводов из Гебеля, и еще менее силу и оригинальность “Убийцы”, баллады, которая может стать наряду с лучшими произведениями Бюргера и Саувея. Обращение убийцы к месяцу, единственному свидетелю его злодеяния

Гляди, гляди, плешивый —

стих, исполненный истинно трагической силы, показался только смешон людям легкомысленным, не рассуждающим, что иногда ужас выражается смехом» (XI, 73).³⁹

Считается, что мысли, выраженные в этой заметке, Пушкин повторил в 1833 году, рецензируя вышедшие за год до этого «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина». Однако между высказываниями 1828 и 1833 годов имеется существенная разница. Отзываясь в более поздней рецензии о переводах «Леноры», Пушкин решительно отдает пальму первенства Катенину, не побоявшемуся «простоты и даже грубости выражений», и противопоставляет «энергическую красоту» его произведения «неверному и прелестному подражанию Жуковского, который <...> ослабил дух и формы своего образца» (XI, 220—221). В 1828 году Пушкин пытается иначе рассудить то же поэтическое состязание: он стремится не обострить творческий конфликт, а, наоборот, уравновесить заслуги Катенина и Жуковского, упоминая рядом с «Убийцей» выполненные последним переводы идиллий И. П. Гебеля, и прежде всего имея в виду, конечно, «Овсяный кисель», в версии Жуковского ставший, как уже говорилось, ранним опытом создания русской идиллии.

Думается, что две пушкинские баллады 1828 года были созданы в поисках такого же равновесия.

Казалось бы, на этом должен был завершиться описанный здесь балладный творческий эпизод. Но около того же времени, предположительно осенью 1828 года, в той же рабочей тетради ПД 838, где был записан черновик стихотворения о воронах, тем же четырехстопным хореем, что и обе интересовавшие нас балла-

³⁹ Стих, с неточностью приведенный Пушкиным, был с осуждением отмечен Гнедичем (см.: Сын отечества. 1816. Ч. 31. № 27. С. 4).

ды, с той же перекрестной рифмовкой, что и «Утопленник», был сделан еще один набросок — первый набросок «Бесов». ⁴⁰ Он был

⁴⁰ Этот набросок, расположенный на пробельном л. 88 рабочей тетради ПД 838, был датирован 1829 годом (см.: III, 1212 (примеч. Н. В. Измайлова); *Сандомирская В. В. Рабочая тетрадь Пушкина 1828–1833 гг. (ПД № 838): (История заполнения)* // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 263–264) в соответствии с пометой Пушкина в одном из списков стихотворений (см.: *Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. 2-е изд., перераб.* // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1997. Т. 17 (доп.). С. 197). Действительно, основная черновая работа над стихотворением была произведена в 1829 году, но уже в другой тетради (ПД 841). Что же касается первоначального наброска, то он по своим палеографическим признакам настолько близок к автографам, появившимся в той же части тетради ПД 838 осенью 1828 года (черновики стихотворений «Поэт и толпа», «Цветок», вставка во вторую песнь «Полтавы» и некоторые другие), что можно с большой степенью уверенности утверждать: все эти тексты записаны примерно в одно время. Следующий приступ к «Бесам» — работа над черновым автографом в тетради ПД 841 — состоялся не ранее 2 октября 1829 года (уточнение датировки, предложенной Я. А. Левкович в статье «Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841: (История заполнения)» (Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 253), см.: *Бодрова А. С. К истории замысла и текста пушкинских «Бесов»* // Летняя школа по русской литературе. 2016. Т. 12. № 3. С. 271–272). Выказанная там же (с. 272–279) и принятая О. А. Проскуриным (см.: *Пушкин А. С. Соч.: Комментированное издание / Под общ. ред. Д. М. Бетеа. М., 2016. Вып. 3: Стихотворения из «Северных цветов» 1832 года. С. 296–297 (коммент. О. А. Проскурина)*) гипотеза о том, что, вопреки принятой точке зрения, набросок в тетради ПД 838 не предшествовал черновому автографу «Бесов» в тетради ПД 841, а был записан позже него, предположительно после 10 ноября 1829 года, не выдерживает критики. По степени проработки замысла совершенно очевиден иной порядок. В последнем слое правки набросок из тетради ПД 838 читается:

И за их волнистой дымкой
 Месяц < > снов ночных
 Освещает невидимой
 [Пляску вихрей снеговых]

Отступив чуть вниз, Пушкин по центру строки записал: «Тучи». Не было ли это первоначальным заглавием «Бесов»? Расположение слова не исключает такой возможности. Еще ниже — несложившиеся строчки, уже отдаленно напоминающие начало стихотворения:

Вьется < >
 Заметая зимний <путь><?>

Черновик в тетради ПД 841 подхватывает развитие тех же начальных мотивов:

< > — мчатся тучи
 < >
 < > снег летучий
 Заметает < > путь —
 (ПД 841, л. 121 об.)

В ходе дальнейшей работы над стихотворением на л. 121 об. и 122 появляются все новые и новые мотивы, фигурирующие в болдинском автографе «Бесов».

отложен надолго (сначала до 1829 года, а затем до Болдинской осени 1830-го) — пока балладное, сказочное и песенное начала, по отдельности узнаваемые в образах и ритме, не сплелись воедино в кружащей зловецей напевности, которая уже не имела ничего общего ни с Гнедичем и Жуковским, ни с Грибоедовым и Катениным.

М. Н. Виролайнен

ОБЛОЖКА К РУКОПИСЯМ «МАЛЕНЬКИХ ТРАГЕДИЙ» **Опыт графических изучений** **«опыта драматических изучений»**

Выход в свет в 2013 году факсимильного издания болдинских рукописей Пушкина¹ стал неоценимым подспорьем для исследователей-пушкинистов. Самое главное, что нам предоставлен рукописный контекст. Болдинская осень 1830 года уникальна своей локализованностью, теперь и болдинские рукописи локализованы в одном издании.

Т. И. Краснобородько, обобщая опыт предшествующих исследователей (С. М. Бонди, Т. Г. Цявловской), отмечала в «Предисловии»: «...болдинские автографы 1830 г. дошли до нас не полностью. Нам неизвестна значительная часть черновых рукописей этого периода (например, всех “маленьких трагедий” <...>, возможно — “Повестей Белкина”)». Но существует легенда о наличии пушкинских черновики, и «нельзя исключить и того, что оно (это предположение. — С. Д.) могло возникнуть не на пустом месте» (Болдино, I, 80).

По характеру многие болдинские листы — это перебеленные (или беловые) рукописи с правкой различной степени интенсивности («маленькие трагедии», «Повести Белкина», «Домик в Коломне», «Сказка о попе...» и др.). Неоднократно отмечалась насыщенность рукописей рисунками-иллюстрациями, виньетками, концовками, «книжным» выделением заглавий.

Поскольку у Пушкина в Болдине не было с собой привычных «рабочих тетрадей», он складывал написанное в импровизированные

¹ А. С. Пушкин: Болдинские рукописи 1830 года: В 3 т. / Авт.-сост. Т. И. Краснобородько, С. Б. Федотова; Вступ. ст. С. А. Фомичев. СПб., 2013 (СПб., 2009. Т. 1–3 (Коллекц. изд.)). Далее в статье: Болдино, с указанием тома и страницы.

папки (обложки).² Так и сложились (в буквальном смысле слова) рукописи «маленьких трагедий».³

Обложка к рукописям «маленьких трагедий» (ПД 1621; Болдино, III, 263–266)⁴ наиболее известна и часто воспроизводится (ил. 1).

Л. 1 — это «титульный лист» с изображением рыцаря и проч.; л. 1 об.—2 — чистые; на л. 2 об. — список «маленьких трагедий»: «I Окт<авы> (предполагается, что это стихотворное предисловие к циклу. — С. Д.) II Скупой <рыцарь> III Салиери <Моцарт и Сальери> IV Д<он> Г<уан> <Каменный гость> V Plague <Пир во время чумы>». На этом же листе (на «спинке» папки) в перевернутом виде зарисовка «уголка кабинета» с книжными полками и скетчевый набросок мужского портрета (то ли Ф. В. Булгарина, то ли П. В. Нащокина: он и на того и на другого «похож»).

Один из первых исследователей рисунков Пушкина А. М. Эфрос писал об этом «титульном листе»: «Рисунок является одним из немногих в рукописях Пушкина образцов титульного листа; сочетание заглавия с графическим мотивом проведено по линии трех элементов: надписей, росчерков и изображений. Нынешний вид страницы не является, однако, первоначальным. Пушкин построил лист сперва по вертикали, ограничившись названием («Драматические сцены»), датой (1830) и рисунком (рыцарским вооружением). Боковые рисунки (кусты, деревья, голова), видимо, были добавлены, когда Пушкин стал искать варианты заглавий <...>. Тема основного рисунка и, возможно, голова старика с длинными волосами свидетельствуют, что композиция заглавного листа делалась Пушкиным к «Скупому рыцарю»».⁵

² См., например, обложку: «Краткие повести покойного И. П. Белкина» с росчерком и эпиграфом (ПД 994; Болдино, III, 57). На обороте (Болдино, III, 58) отпечаток характерных зачеркиваний следующего листа: две перекрещенных линии по центру и вертикальная черта внизу слева, идентичные зачеркиваниям на первом листе ПД 994 (Болдино, III, 43) в черновой рукописи «Истории села Горюхина». Это подтверждает, что рукописные листы вкладывались Пушкиным в «папку» и впоследствии правились уже в ней.

³ Почти все сохранившиеся рукописи «маленьких трагедий» имеют отдельный «титульный лист» (без рисунков): это «Скупой» (ПД 919; Болдино, III, 105), «Зависть» (первоначальное заглавие «Моцарта и Сальери») (ПД 144; Болдино, III, 137; кроме титульного листа, рукопись не сохранилась), «Каменный гость» (ПД 920; Болдино, III, 199). «Пир во время чумы» не имеет титула (ПД 924; Болдино, III, 251).

⁴ Об этом титульном листе см. также: Денисенко С. В. Четыре коротких сюжета // Пушкин и другие: (Двадцать лет спустя): Сб. ст. к 80-летию С. А. Фомичева. СПб.; М., 2017. С. 63–65.

⁵ Эфрос А. Рисунки поэта. М., 1933. С. 437. Курсив мой. — С. Д.

Илл. 1

Позднее Т. Г. Цявловская, авторитетный интерпретатор пушкинских рисунков, однозначно трактовала «титульный лист» уже как обложку к «маленьким трагедиям», а не к «Скупому», — и это мнение в пушкиноведении считается общепризнанным. Исследовательница также предположила, что «голова старика с длинными волосами» — это «небрежный очерк головы вдохновителя драматургии Пушкина — Шекспира».⁶

С рисунком головы Шекспира, казалось бы, все более или менее понятно. Пушкин, обладающий хорошей зрительной памятью, мог зарисовать по памяти портрет английского драматурга по одному

⁶ Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., 1980. С. 110, 116. Автор каталога «Портретные рисунки Пушкина» Р. Г. Жуйкова аннотирует портрет «старика с длинными волосами» как портрет Шекспира, не ссылаясь на мнение Цявловской (см.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина. СПб., 1996. С. 367. № 846).

из многочисленных французских или английских изданий. Скорее всего, основа этих воспроизведений — так называемый «друшаутский портрет», гравюра Мартина Друшаута (Martin Droeshout; 1601–1650) на титуле сборника пьес Шекспира (1623).⁷

Фигура рыцаря с увеличенной рыцарской эмблематикой внизу рисунка (знамя, стрелы, секиры, литавры, шлем) — перерисовка с какой-то неизвестной нам книжной гравюры. Попытки найти оригинал пока что не увенчались успехом. В свое время мы с Т. И. Краснобородько предприняли фронтальный просмотр иллюстрированных изданий библиотеки Пушкина — и кое-что из книжных перерисовок обнаружили,⁸ но только не фигуру рыцаря... Просмотр множества изданий не только Шекспира, но и Б. Корнуэлла (книга которого, как известно, была взята в Боддино⁹), к сожалению, пока результата не дал.

Попытаемся реконструировать заполнение этого листа. Здесь мы не противоречим А. М. Эфросу — Пушкин создает вертикальную композицию: заглавие, дата (в виньетках) и фигура рыцаря (илл. 2).

На самом деле это весьма гармоничная композиция «титульного листа», которую Пушкин тут же нарушает. Он продолжает искать — нет, не «Драматические сцены». Может, другое? Но «титульный лист» пока что идеален. Прекрасная вертикальная композиция.

И тут гармоничный «титульный лист» начинает усложняться. Справа появляются новые варианты заглавия («Драматические сцены» поэта не устраивают, но он их и не зачеркивает): «Драматические очерки», «Драматические изучения» — и... правая сторона листа начинает «перевешивать» левую (илл. 3).

И примерно в этот момент Пушкин рисует голову Шекспира, продолжая раздумывать над заголовком (илл. 4). Левее набрасывает кустик (подобные росчерки часто встречаются в рукописях). Наконец, справа появляется новое название: «Опыт драматических изучений». После чего работа над титульным листом завершается рисунком обломанного дерева с веточкой (символ смерти и жизни).

Зададимся вопросом: почему же «маленькие трагедии» объединены фигурой рыцаря в латах?

⁷ *Shakespeare W. Comedies, histories and tragedies. London, 1623.*

⁸ О пушкинских «перерисовках и подражаниях» см.: *Денисенко С. В.* 1) [Комментарии] // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. М., 1996. Т. 18 (дополнительный): Рисунки. С. 556–562; ил.: 249–279; 2) Пушкинские копии и «перерисовки» // Рисунки писателей: Сб. науч. ст. СПб., 2000. С. 57–72; 3) Графическая традиция пушкинской эпохи: Копии и подражания Пушкина // Денисенко С. В., Фомичев С. А. Пушкин рисует: Графика Пушкина. СПб.; New York, 2001. С. 123–169.

⁹ *The poetical works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall. Paris, 1829.*

Илл. 2

Илл. 3

Илл. 4

Плодотворной представляется идея В. А. Кошелева о «рыцарском начале» «маленьких трагедий». В статье «Двое рыцарей стоят» исследователь писал, что все четыре трагедии объединяет проблематика рыцарства, проблема противостояния и «дневного» и «ночного» «турнира» рыцарей: «В “болдинских” созданиях Пушкина “деяния” рыцарей как будто “переместились” в иные сферы. В любой отрасли человеческой деятельности “рыцарское” начало оказывается далеко не последним фактором ее успеха». По мнению исследователя, «рыцарями служения музыки» можно считать Моцарта и Сальери; в «Скупом рыцаре» противостояние «ночного» и «дневного» рыцарей осложнено «конфликтом поколений»; в «Каменном госте» представлена «мифология рыцарского турнира».¹⁰

В. А. Кошелев, однако, не вспоминает о том, что «маленькие трагедии» объединены обложкой с рисунком рыцаря в латах, стоящего опершись на меч «мощною рукою». И этого рыцаря можно рассматривать как воплощение «рыцарства» в «маленьких трагедиях».

Для того чтобы понять, чем была наполнена эта папка-обложка, обратимся к жандармской пагинации:¹¹ л. 1 пронумерован цифрой «6», л. 2 — цифрой «19». Возможно, в Болдине в эту

¹⁰ Кошелев В. А. «Двое рыцарей стоят» // А. М. Панченко и русская культура: Исследования и материалы. СПб., 2008. С. 134.

¹¹ Жандармская пагинация в рукописях Пушкина — это нечто, почти не поддающееся логике исследователя (жандармы составляли свои блоки и их брошюровали, скрепляя сургучными печатями). Но в данном случае я к ней прибегаю (потому что она именно здесь поддается моей логике).

папку Пушкин вложил все четыре рукописи «маленьких трагедий», предполагая издать их под одной обложкой (как «Повести Белкина»), что, как известно, не было осуществлено. С большой долей уверенности можно предположить, что на момент смерти Пушкина в папке находилась рукопись «Скупого» (ПД 919; Болдино, III, 105–123) и листы в ней лежали не по порядку, но впоследствии (после фиксации жандармами) были разложены в нужном порядке, видимо, В. А. Жуковским. Жандармские номера следующие: 7, 8, 15, 9, 14, 10, 13, 11, 12, 16 (то есть с 7-го по 16-й).¹² Не хватает еще двух листов (напомню, на обложке зафиксированы номера «6» и «19») — следовательно, на момент смерти Пушкина они должны были находиться там.

Понятно, что трудно делать графологический вывод только на основе жандармской пагинации. Однако специфическое написание «семерки» красными чернилами в «Скупом» соответствует написанию в числе «17» в рукописи «Пред испанкой благородной...» (ПД 154; Болдино, II, 221).¹³ И вот здесь-то и можно было бы предположить, что этот лист незавершенного (?) стихотворения был вложен в папку с «Драматическими сочинениями» в качестве возможного текста песни Лауры в «Каменном госте». И эта песня, кажется, больше бы подходила к драматургии, нежели ставшая уже для нас традиционной (в силу последующих постановок на театре и в кино) серенада «Я здесь, Инезилья...». Текст «Пред испанкой благородной...», безусловно, обладал бы сюжетообразующей функцией в трагедии «Каменный гость».

Эта независимая гипотеза неожиданно поддерживает идею В. А. Кошелева о «песне Лауры», высказанную им еще в 2008 году. Исследователь писал: «Не мог же Пушкин вложить в уста Лауры, прекрасной молодой певицы, откровенно мужской романс!.. Между тем если присмотреться к романсу “Пред испанкой благородной...”, то можно заметить, что функционально он в гораздо большей степени мог бы претендовать на место “песни Лауры”. А главное — этот романс статуарно представляет психологическую ситуацию будущего поединка двоих — “ночного” и “дневного” — рыцарей. В “Каменном госте” такой поединок

¹² Ср.: «Листы были сложены пополам и вложены один за другим внутрь первого листа. После смерти Пушкина их вложили один в другой и сшили тетрадь. Этот неправильный порядок отражен жандармской нумерацией» (АПСС. Т. 7. С. 748).

¹³ Следовательно, этот «блок» был составлен одним жандармом. В других болдинских рукописях, имеющих жандармскую пагинацию, написание «семерки» другое.

происходит буквально тотчас же: трагедия становится прямым продолжением “загадочного” романа». ¹⁴ В. А. Кошелев приходит к следующему выводу: «Возможно, Пушкина не вполне удовлетворял и этот текст, и он ожидал рождения другого, более подходящего. Но то, что он предназначался для “маленькой трагедии”, кажется нам несомненным». ¹⁵

Но продолжим размышления о жандармских пометах. Нам не хватает еще листа 18 жандармской пагинации. Возможно, на этом листе и находились заключительные строфы (или строфа) стихотворения «Пред испанкой благородной...» с пагинацией «18»...

И в заключение заметим, что лист обложки «маленьких трагедий» — это единственный титульный лист с рисунком в болдинских рукописях. Почему единственный? С. А. Фомичев, например, писал: «Следует заметить, что оформление титульных листов к своим произведениям — любимое пушкинское занятие» в Болдине и приводит в качестве примеров «титульные листы» «Истории села Горюхина» и «Предисловия к “Евгению Онегину”». ¹⁶ И таким образом обобщает ставшую уже традиционной ошибку в пушкиноведении, касающуюся книжного понятия «титульный лист».

Дело в том, что титульный лист всегда располагается в книге *справа* и включает в себя название книги, автора, место издания и т. д. и может быть художественно оформлен. Фронтиспис же помещается на *левой* стороне книги (напротив титульного листа либо на его обороте). На фронтисписе может содержаться, кроме прочих декоративных элементов, и портрет автора (*но не заголовок*). Пушкин как носитель книжной культуры, безусловно, придерживался (пусть даже подсознательно) правил книжного оформления — и в «рукописных тетрадях», и в «папках» («обложках») все «титулы» у него расположены с правой стороны. И в рукописном наследии поэта получается не так уж и много «титульных листов» (как и писал об этом А. М. Эфрос, см. выше), и их легко перечислить: «Стихотворения Александра Пушкина» (ПД 829, л. 1), «Кавказ» (ПД 830, л. 1), «Послание к вельможе» (ПД 122, л. 1), «Сказка о золотом петушке» (ПД 972, л. 1), «Фракийские элегии В. Теплякова» (ПД 1107, л. 1).

Болдинское «Предисловие к “Евгению Онегину”» (ПД 1084, л. 2 об.; Болдино, III, 280) написано на обороте (левая сторона)

¹⁴ Кошелев В. А. «Двое рыцарей стоят». С. 136.

¹⁵ Там же. С. 137.

¹⁶ Фомичев С. А. Болдинские рукописи Пушкина 1830 года // Болдино, I, 39.

и может весьма условно считаться лишь проектом титульного листа (но нужен ли для предисловия титульный лист?). «История села Горюхина» (ПД 1059, Болдино, III, 160) — виньетка с птицей, в которую не то вписано, не то зачеркнуто заглавие), вообще может считаться концовкой, но никак не титулом¹⁷, ибо она расположена на «спинке» обложки.¹⁸

С. В. Денисенко

¹⁷ См.: Эфрос А. М. Рисунки поэта. С. 435—436. Автор отсылает к росчеркам-концовкам птиц в Лицейской тетради, но и пишет о том, что рисунок птицы «открывает собой наброски текста».

¹⁸ Впрочем, данный лист представляет для меня загадку, которую еще предстоит решить.

«А ВСЁ КУЗНЕЦКИЙ МОСТ И ВЕЧНЫЕ ФРАНЦУЗЫ...» Об одном московском топониме

Одна из старейших московских улиц, Кузнецкий мост, с конца XVIII века и особенно в XIX веке становится символом французского модного влияния на дворянское общество. После указа Екатерины II о привилегиях иностранцам в Москве образовалась французская колония, обосновавшаяся главным образом в районе Кузнецкого моста. Здесь стали открываться модные, галантерейные, а также книжные лавки.

А всё Кузнецкий мост и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!¹ —

негодует Фамусов, возмущенный поведением дочери, всю ночь, по его словам, читающей французские «небылицы». Раздражение против «вечных французов» превращает символ приверженности русского дворянства к французской моде в патриотический топос. Особенно широко он используется в период Наполеоновских войн. В 1807 году Ф. В. Ростопчин в своем трактате «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» обличает, в частности, «молодежь, одетую, обутую по-французски; и словом, делом, и помышлением французскую», чье «отечество» «на Кузнецком мосту, а царство небесное Париж».²

¹ Грибоедов А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 18.

² Ростопчин Ф. В. Ох, французы. М., 1992. С. 149.

Особое значение этот символ, естественно, приобретает в 1812 году. В романе М. Н. Загоскина «Рославлев, или Русские в 1812 году» (опубл. 1831) русский купец говорит, обращаясь к главному герою, дворянину Рославлеву: «Спору нет, батюшка! Если дело до чего дойдет, то благородное русское дворянство себя покажет — постойт за матушку святую Русь и даже ради Кузнецкого моста французов не помилует».³ То есть совершенно очевидно, что «Кузнецкий мост» — это тот концепт, который характеризует дворянское сословие. Пушкин в полемическом отклике на роман Загоскина (1831) также использует этот тоpos, характеризуя «простоватых» (то есть примитивных) «заступников отечества»: «Их патриотизм ограничивался жестоким порицанием употребления французского языка в обществах, введения иностранных слов, грозными выходами противу Кузнецкого моста» (VIII, 152–153).

С другой стороны, понятие «Кузнецкий мост» указывает на французов, связанных с Россией. 1 января 1828 года П. А. Вяземский пишет А. И. Тургеневу о замысле нового журнала. Речь идет о «Bulletin du Nord», который выходил в Москве в 1828–1829 годах. Издавал его француз Жорж Лекуант де Лаво (Lecoq de Laveau; 1783 — не ранее 1833), секретарь Московского общества испытателей природы и член Французского географического общества, а также автор французского путеводителя по Москве (1824). Вяземский пишет: «В Москве готовится французский журнал, в котором хотят выводить на свежую воду нелепость иностранцев в их суждениях и известиях о России. Мысль хорошая, но исполнение, вероятно, не будет ей соответствовать. Французские писатели Кузнецкого моста очень ненадежны».⁴

Надо заметить, что само название улицы с упоминанием моста, которого нет, предоставляет материал для острых умов. Название «Кузнецкий» пошло от располагавшихся когда-то в этом месте кузниц: в XV веке здесь был обустроен Пушечный двор, и вокруг него возникла Кузнецкая слобода. Известный своим остроумием П. А. Вяземский так характеризует эту знаменитую улицу в своем стихотворении «Очерки Москвы» (1857):

Кузнецкий мост давно без кузниц,
Парижа пестрый уголок,
Где он вербует русских узниц,
Где собирает с них оброк.⁵

³ Загоскин М. Н. Соч.: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 339.

⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 173–174.

⁵ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1887. Т. 11. С. 275.

Любопытно, что и французский перевод названия «французской» московской улицы становится объектом каламбуров. Название переводят как «Мост кузнецов» — «Pont des Maréchaux-ferrants». Слово «Maréchal-ferrant» — «кузнец» — состоит из двух частей; если опустить вторую часть — «ferrant» (подковывающий) и оставить только слово «maréchal», получится «маршал». П. А. Вяземский рассказывает такой анекдот: «Фельдмаршал граф Гудович крепко стоял за свое звание. Во время генерал-губернаторства его в Москве приезжает к нему иностранный путешественник. Граф спрашивает его, где он остановился. — “Au pont des Maréchaux”. — “Des maréchants ferrants — vous voulez dire, — перебивает граф довольно гневно, — en Russie il n’y a de maréchal que moi”⁶. Путешественник, как видим, ответил: «На Кузнецком мосту», что можно интерпретировать и как «На мосту маршалов». Граф Гудович поправляет его: «Кузнецов, вы хотите сказать <...>. В России нет других маршалов, кроме меня», при этом искажено множественное число слова «маршал» (если это не описка и не опечатка) — употребленное «maréchants» созвучно существительному «marchand» — «торговец».

Французский вариант названия «Кузнецкий мост» обыгран в анекдоте о генерале Ермолове, рассказанном А. Я. Булгаковым В. А. Жуковскому. Булгаков, известный тем, что, будучи московским почтовым директором, вскрывал чужие письма, в частности письма Пушкина, состоял в переписке со многими литераторами и известными лицами. В марте 1848 года он пишет Жуковскому об изданном 26 (14) марта Николаем I манифесте в связи с февральской революцией в Париже и мятежом в Вене: «Манифест государя был принят здесь с восторгом. Какой это контраст представляет с философскими бреднями Ламартина циркуляра чужестранным державам. Вот язык веры, правды, чистой совести. Но этот язык ныне в Европе понимают одни русские только, к ним только можно делать такие воззвания. Все тотчас угадали здесь имя сочинителя манифеста, все назвали Николая I: он один мог сказать, держа одною рукою перо, а другою царский, могущественный свой меч: Но, да не будет так! Ты, верно, прочтешь манифест этот в переводе, но дело в том, что мудро это перевести, и в переводе это уже не то. Не русскому это как-то непонятно. Мне нет отбоя от любопытных, от посетителей и записок. Все хотят знать, что происходит на черном свете». Негодуя на происходящее во Франции, Булгаков пишет: «Французы и скверны, и глупы, и жалки. Алексей

⁶ Там же. Т. 8. СПб., 1883. С. 189.

Петр<ович> Ермолов, говоря с одним французом, сказал ему: “Vous êtes réellement à plaindre, et il n’y a de Français heureux et tranquille dans ce monde, que les Français du pont des maréchaux”». ⁹ Тут может подразумеваться скрытый намек на поражение французов в 1812 году: француз счастлив и спокоен не на маршальском мосту, а всего лишь на улице с модными лавками.

Н. А. Дмитриева

⁹ РО ИРАИ, № 27942, л. 133 об.; перевод: «Мне вас действительно жаль, нет в этом мире счастливого и спокойного француза, за исключением французов на Кузнецком мосту» (*франц.*).

НОВОЕ О СЕН-ПРИ*

Тут был Проласов, заслуживший
Известность низостью души,
Во всех альбомах притупивший.
St.-Priest, твои карандаши...

*(«Евгений Онегин»,
гл. 8. XXVI, 1–4)*

Счастлив ты в прелестных дурах,
В службе, в картах и в пирах;
Ты St.-Priest в карикатурах,
Ты Нелединский в стихах;
Ты прострелен на дуэле.
Ты разрублен на войне, —
Хоть герой ты в самом деле.
Но повеса ты вполне.

(1829: III, 171)

Благодаря взаимодополняющим архивным разысканиям Т. Г. Цявловской¹ и А. Глассе² о короткой жизни Эммануила де Сен-При (Emmanuel-Henry de Guignard-Saint-Priest, 1806–

* Я благодарен А. Л. Осповату и В. А. Мильчиной, любезно откликнувшимся на мои просьбы о помощи.

¹ Сведения, собранные Т. Г. Цявловской, были после ее смерти суммированы в статье К. В. Шилова «Таинственный график пушкинской эпохи: (К предыстории книги Т. Г. Цявловской “Рисунки Пушкина”» (*Шилов К. В. Восстановление родства: Очерки. Портреты. Воспоминания. М., 2007. С. 167–203*).

² Статья А. Глассе «St.-Priest» для «Онегинской энциклопедии» (*М., 2004. Т. 2: А–Я. А–Z. С. 792–794*) основана на неопубликованной переписке родственников Сен-При по материнской линии.

1828), гусара, бретера, талантливого карикатуриста, дважды упомянутого в поэзии Пушкина, нам многое известно. Младший сын французского аристократа-эмигранта графа Шарля (Карла) де Сен-При (Armand Charles Emmanuel Guignard, comte de Saint-Priest, 1782—1863), занимавшего в России посты гражданского губернатора Каменецк-Подольской (1811—1816) и Херсонской (1816—1821) губерний, и его рано умершей русской жены Софьи Алексеевны (урожд. Голицына, 1777—1814), он с детства отличался способностями к рисованию и психической неуравновешенностью. Первоначальное образование Эммануил, как и его старший брат Алексей (Alexis), получил в только что открывшемся Ришельевском лицее в Одессе (1818—1821). В 1822 году Сен-При-отец, выйдя в отставку, вместе с сыновьями уехал во Францию, где он унаследовал место в Палате пэров. Однако уже год спустя Эммануил неожиданно вернулся в Россию и стал обузой для своих высокородных русских родственников.³ Их стараниями осенью 1823 года его определяют юнкером в 26-й егерский полк, расквартированный в Переславле-Залесском, а летом 1824 года, в звании портупей-юнкера, переводят в престижный лейб-гвардии Гусарский полк, стоявший в Царском Селе и Петербурге. Перед отбытием к новому месту службы Сен-При провел отпуск в Одессе и познакомился с В. Ф. Вяземской, которая передала с ним какие-то вещи мужу в Москву.⁴

В Петербурге Сен-При поселяется в одной квартире с будущим декабристом А. И. Якубовичем, знаменитым храбрецом, дуэлянтом и кутилой, который приехал в столицу с Кавказа для лечения раны. К ужасу родственников, под руководством старшего товарища Сен-При быстро усваивает разгульный образ жизни молодого офицера (16 мая 1825 г. его произвели в корнеты⁵). В то же время он начинает постоянно появляться в свете, где приобретает популярность его остроумные выразительные карикатуры. Так, П. А. Вяземский, который на балу, танцуя вальс,

³ См.: *Гласе А. St.-Priest. С. 792.*

⁴ См.: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1913. Т. 5. Вып. 2. С. 145 (письмо от 15 августа 1824 г.).

⁵ См.: *Манзей К. Н. История лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. СПб., 1859. Ч. 3 [список г. офицеров]. С. 114. До этого указом Александра I от 10 марта Эммануил, его брат Алексей и сестра Ольга были причислены к российскому дворянству, причем Алексею дозволялось «иметь пребывание во Франции и поступить там на службу» (Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1825. № 12. 21 марта. С. 200—201).*

потерял башмак, пишет после этого происшествия жене: «Я заказал S-t Priest для тебя карикатуру мою на босу ногу».⁶

На следствии по делу о восстании декабристов Якубовичу был задан вопрос: «Вы были в близком знакомстве с Сен-При; принадлежал ли он к вашему Обществу и был ли известен о вашем плане?» «Я никогда не говорил с ним о сем предмете, — отвечал Якубович, — и более двух месяцев неимел никаких сношений, и не видал его».⁷

Якубович действительно не видел своего соседа более двух месяцев до восстания, потому что в середине сентября Сен-При был арестован за избивание ученика аптекаря и, возможно, еще какие-то пьяные выходки.⁸ 25 сентября 1825 года датирован приказ о его переводе из Петербурга в Александрийский гусарский полк, расквартированный в Украине,⁹ но, по всей вероятности, к новому месту назначения он так никогда и не выехал. Несколько месяцев с перерывами Сен-При содержался под арестом в Гвардейском корпусе; в январе о нем говорил с Николаем приезжавший из Парижа его дядя Луи (Emmanuel Louis Marie Guignard, vicomte de Saint-Priest, duc d'Almanza, 1789–1881),¹⁰ который надеялся, что «немного смягчил гнев Е<го> В<еличества>, очень раздраженного против Эммануила».¹¹ Наконец состоялся суд, приговоривший Сен-При, «в уважение молодых лет его», к двум месяцам заключения в крепости и высылке на Кавказ. После этого, 9 августа 1826 года, Николай заменил приговор на отставку от службы и высылку за границу.¹²

Выйдя на свободу, Сен-При еще несколько месяцев провел в России. 1 октября 1826 года графиня С. А. Бобринская пишет мужу в Москву из Петербурга: «Сен-При умирает от горячки. Его семья его совершенно бросила. Бедный молодой человек вынужден продавать свои карикатуры, чтобы иметь хоть немного

⁶ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 5. Вып. 1. С. 97–98 (письмо от 4 сентября 1825 г.).

⁷ Восстание декабристов: Материалы. М.; А., 1926. Т. 2. С. 283, 285.

⁸ См.: Шолов К. В. Таинственный график пушкинской эпохи. С. 184.

⁹ Манзей К. Н. История лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка. Ч. 3. С. 114.

¹⁰ Он доставил Николаю поздравительное письмо по случаю его восшествия на престол от короля Франции Карла X.

¹¹ Толстой Т. П. Письма к М. А. Толстой от Георгия Толстого, 1823–1826 // РГАДА, ф. 1256, оп. 1, ед. хр. 934, № 10. Цит. по: Глацце А. St.-Priest. С. 793.

¹² См.: Шолов К. В. Таинственный график пушкинской эпохи. С. 184–185.

денег».¹³ В конце месяца он появляется в Москве, на чем его русский след обрывается.

О жизни Сен-При за границей в указанных работах говорится очень мало, и ниже я предлагаю несколько дополнений к его биографии. В августе — начале октября 1827 года с ним несколько раз встречался А. И. Тургенев — сначала в Дрездене, потом в Берне, о чем он сообщал в письмах к брату Николаю. В обоих городах «повеса Сен-При», по слову Тургенева, «гулял»,¹⁴ причем «гулял» настолько вызывающе, что на вечере в Берне у французского посла в Швейцарии Максимилиана де Реневаля (Maximilien Gérard de Rayneval, 1778—1836) Тургеневу стало стыдно за его «грубый хватизм с хозяйкой дома».¹⁵ «Вероятно, и здесь откажут ему от дома, — писал он 2 октября, — и он еще более будет скучать в Берне и — пить. Жаль его, но нет средства воздержатъ, разве мерами строгости или возбуждением таящегося в нем честолюбия. За его хлебосольство и привязанность я бы не должен был говорить о нем правды; но право жаль его».¹⁶

Из служебной переписки прославленного поэта Альфонса де Ламартина, который в 1826—1828 годах был поверенным в делах при дворе Тосканского и Луккского герцога, выясняется, что после Берна Сен-При поселился во Флоренции, где снова попал в неприятную историю. В письме своему непосредственному начальнику, министру иностранных дел Франции, барону де Дамасу от 29 декабря 1827 года Ламартин докладывал:

Le comte de St-Priest, officier au service de Russie mais arrivé ici avec un passeport français, se réclame aussi de moi. Comme le ministre de Russie m'a annoncé confidentiellement que ce jeune homme pourrait d'un jour à l'autre recevoir l'ordre de sortir des États toscans par suite d'un duel et d'une conduite un peu légère,

¹³ Бобринская С. А. Письма А. А. Бобринскому // РГАДА, ф. 1412: Бобринские, оп. 1, ед. хр. 115 (ориг. по-франц.). Цит. по: Глацке А. St.-Priest. С. 794.

¹⁴ Письма Александра Ивановича Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу. Leipzig, 1872. С. 300, 164.

¹⁵ Там же. С. 171. «Хватизм» — это неологизм из комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (1815), где он введен с объяснением: «...свободно обращение, / Со всеми без чинов, вертлявость, резкий тон / Хватизмом назвали» (Шаховской А. А. Урок кокеткам, или Липецкие воды. 2-е изд. СПб., 1819. С. 55).

¹⁶ Письма Александра Ивановича Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу. С. 171.

je désirerais savoir si, le cas arrivant, je devrai le considérer comme Russe ou comme Français.¹⁷

Упоминание о конфиденциальном разговоре с русским поверенным в делах (тогда этот пост занимал Алексей Васильевич Сверчков, 1788—1828) и о дуэли подтверждает достоверность рассказа Н. М. Смирнова, приведенного в той части записок его жены, А. О. Смирновой-Россет, которая считается не вполне достоверной и не вошла в их дефинитивное издание. Уже в 1840-е годы на обеде у К. В. Нессельроде, когда речь зашла о карикатурах Сен-При, Смирнов, служивший в 1826—1827 годах в русской миссии во Флоренции, рассказал о своем знакомстве и дуэли с «этим знаменитым бретером, обладавшим столькими талантами»:

Мне было двадцать лет, мы вместе посещали свет и были большими друзьями. Однажды мы держали пари о лошади, я пари выиграл, это задело самолюбие St-Priest до такой степени, что он пытался повредить мне в глазах одной очень красивой женщины, в которую я был до безумия влюблен. <...> Постепенно разгорячившись от спора, St-Priest размахнулся рукой, чтобы дать мне пощечину, я отвел его руку и сказал: «Вы можете мне ее подать, потому что мы будем драться. Я знаю, что вы знаменитый стрелок. Если вы меня убьете, мне будет жаль: в двадцать лет жизнью дорожат. Если же я вас убью, я застрелюсь, и Бог меня простит, ибо что может быть ужасней, как убить человека, да еще друга». Вся Флоренция была в волнении. <...> Я тотчас же пошел и все рассказал Сверчкову. Ужасаясь жестокой необходимости, он сказал мне, что дуэль неизбежна. Я никогда

¹⁷ Lamartine, chargé d'affaires à Florence, 1826—1828: Correspondance politique avec le Ministre des Affaires étrangères / Ed. par M.-R. Morin. Florence, 1992. P. 130; перевод: «Ко мне также обратился граф де Сен-При, офицер на русской службе, приехавший сюда по французскому паспорту. Поскольку русский посланник мне конфиденциально сообщил, что этот молодой человек может со дня на день получить приказ о высылке из герцогства Тосканского по причине участия в дуэли и несколько легкомысленного поведения, я бы хотел знать, должен ли я, буде это произойдет, полагать его русским или французом» (франц.). Под легкомысленным поведением Сен-При, скорее всего, имеется в виду эпизод, переданный Вяземским в «Старой записной книжке»: «В одном из городов Италии ради какого-то ночного беспорядка сделано было полициею распоряжение, чтобы позднее известного часа никто не выходил на улицу иначе, как с зажженным фонарем. Находящийся тогда в том же городе наш молодой Сен-При, отличный карикатурист, которого карандаш воспет Пушкиным в Онегине, расписал свой фонарь забавными, но похожими изображениями городских властей. Само-собою разумеется, что он с фонарем своим прогуливался по всем улицам наиболее людным» (Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8: Старая записная книжка. С. 314).

не забуду его доброты. Он заставил меня написать завещание и вместе с madame Сверчковой благословил меня со слезами. <...> У каждого было два секунданта, стрелять должны были в пятнадцать шагах. Мы дрались в восемь часов утра. <...> Мы выстрелили одновременно и, к счастью, дали промах, хотя целились. По требованию секундантов должен был быть только один выстрел. После этого мой начальник отправил меня в Петербург, снабдив меня письмом к вам [то есть к Нессельроде] и рекомендациями, которых я не заслуживал.¹⁸

В письме от 10 января 1828 года барон де Дамас инструктировал Ламартина, что он может вмешаться в дело Сен-При, если тот получит распоряжение покинуть Тоскану и обратится за помощью во французское посольство,¹⁹ но еще до получения этой депеши, 12 января, Ламартин уведомлял министра:

Le comte de St-Priest, Français au service de Russie, vient d'être renvoyé des États toscans à la suite d'un duel. Il a réclamé mon intervention que j'ai cru devoir lui refuser en sa qualité d'officier russe. Sa conduite extrêmement légère ne m'a pas paru non plus offrir des garanties suffisantes pour avenir.²⁰

Обратим внимание, что ровно за две недели «несколько легкомысленное поведение» Сен-При превратилось для Ламартина в «чрезвычайно легкомысленное» — по-видимому, в результате личного общения.

Куда Сен-При отправился из Флоренции, мы не знаем, но жить ему оставалось совсем мало: 8 апреля (по сведениям Ламартина) он застрелился в Риме.

Хотя в кратком официальном извещении о смерти Сен-При самоубийство не упоминалось,²¹ оно немедленно стало секретом

¹⁸ Смирнова-Россет А. О. Автобиография: (Неизданные материалы) / Подгот. к печати А. В. Крестова. М., 1931. С. 237–238.

¹⁹ Lamartine, chargé d'affaires à Florence, 1826–1828. P. 134.

²⁰ Ibid. P. 135; перевод: «Граф Сен-При, француз на русской службе, только что был выдворен из герцогства Тосканского за участие в дуэли. Он просил меня о вмешательстве, в котором я счел необходимым ему отказать как русскому офицеру. Его чрезвычайно легкомысленное поведение, как мне показалось, также не дает достаточных гарантий на будущее» (франц.).

²¹ См.: «M. de Saint-Priest, fils cadet de M. le comte de Saint-Priest, pair de France, vient de mourir à Rome, à l'âge de vingt-un ans» (Journal des débats. 1828. 25 avril). Перевод этого извещения был помещен в «Северной пчеле» 3 (15) мая в разделе «Новости заграничные»: «Меньшой сын Пера, Графа Сен-При, умер в Риме на 22 году от роду» (Северная пчела. 1828. № 53. 3 мая).

Полишинеля. Уже 12 апреля Ламартин пишет новому министру иностранных дел, графу де Лаферроне:

Mr le comte de St-Priest, qui s'est brûlé la cervelle à Rome, le 8, laisse ici quelques dettes dont je ne connais pas encore le montant. On désirerait savoir si sa famille est dans l'intention de les payer.²²

В тот же день Ламартин делится своими мыслями о Сен-При и его смерти со своим близким другом Эймоном де Вирье (Aumon de Virieu, 1788–1841):

Le c<om>te de St-Priest, autre jeune Français de genre débauché, que nous avons eu ici cet hiver, vient de se brûler la cervelle à Rome. Il avait 80 000 livres de rente, de l'esprit et une jolie tournure, mais ni foi ni loi, ni Dieu ni diable, un vrai fou par les pieds et par la tête: un fou dangereux qui aurait mal fini, mais qui a choisi la pire fin de toutes. Il avait du reste du cœur et de l'honneur.²³

Ламартин ничего не говорит о причинах самоубийства «безумца», но, признавая за ним мужество и, главное, честь, он, как кажется, намекает на долги, скорее всего, карточные, ибо они считались долгами чести.²⁴ Во всяком случае, комментатор письма, все та же Мария-Рене Морен, с уверенностью утверждает, что Сен-При покочил с собой, «обремененный долгами» («accablé de dettes»);²⁵

²² Lamartine, chargé d'affaires à Florence, 1826–1828. P. 180; перевод: «Граф де Сен-При, который пустил себе пулю в лоб в Риме 8-го числа, оставил здесь несколько долгов, общую сумму которых я пока не знаю. Желательно было бы выяснить, намеревается ли его семья их заплатить» (*франц.*). В комментарии к этому письму редактор тома Мария-Рене Морен сообщает, что «самоубийство Сен-При взбудоражило общественное мнение в Риме. Сам Папа вмешался, чтобы избавить знатное семейство от определенных процедур, предусмотренных в случае самоубийства» (*Ibid.*).

²³ Correspondance Lamartine — Virieu. Paris, 1998. T. 3: 1821–1830 / Textes réunis, classés et annotés par M.-R. Morin. P. 311–312; перевод: «Граф де Сен-При, еще один молодой француз без нравственных правил, который этой зимой был у нас здесь, на днях пустил себе пулю в лоб в Риме. Он имел 80 000 ливров годового дохода, острый ум и приятную внешность, но ни во что не верил и не боялся ни Бога, ни черта; настоящий безумец во всех отношениях; безумец опасный, который должен был плохо кончить, но выбрал конец наимудший. Впрочем, он был не лишен мужества и чувства чести» (*франц.*).

²⁴ А. И. Якубович на допросе показал, что в Петербурге Сен-При проиграл в карты поручику Преображенского полка Н. В. Шереметеву 15 тысяч рублей, на которые выписал вексель (Восстание декабристов. Т. 2. С. 286).

²⁵ Correspondance Lamartine — Virieu. T. 3. P. 312.

До Петербурга известия о самоубийстве Сен-При дошли примерно через месяц и немедленно обросли разнообразными слухами и домыслами. Приведу только самые известные версии.

[1] Вяземский в письме жене (с припиской Пушкина, не имеющей отношения к Сен-При; датируется второй половиной апреля ст. стиля):

Твой приятель St-Priest застрелился; говорят, в Италии, в Риме, в церкви в самое светлое воскресенье (в 1828 г. это 6 апреля н. ст. — *А.Д.*). Впрочем, эти подробности слухи, а самоубийство его, кажется, достоверно, по крайней мере графине Остерман уже объявили о его смерти. Рассказывают, что он проигрался, другие, что он был влюблен в Юлию Самойлову, узнал о ее измене и проч. и проч. Вероятно, всё это шитье по канве; по несчастью канва есть, то есть смерть (XIV, 12—13).

[2] К. Я. Булгаков в письме брату (31 мая 1828 г.):

Вчера мне рассказывали о смерти молодого гр. Сен-При, начавшего служить у нас в лейб-гусарах и, кажется, исключенного. Он сын того, что был губернатором. Во Флоренции он сватался за дочь гр. Бутуранина, но получила отказ, поехал в Рим, пришел в церковь св. Петра в самую обедню и там застрелился. Экое неистовство!²⁶

[3] Вяземский в записной книжке, 5 июля 1830 г.:

Он застрелился у себя дома накануне, т. е. в ночь Светлого Воскресения. Утром нашли его на полу, плавающего в крови, и собаку его, облизывающую кровь его раны. Самоубийство его не имело явной причины.²⁷

[4] Рассказ Нащокина, записанный П. И. Бартеневым в 1850-е годы:

Сен-При, лейб-гусарский офицер, рисовавший на всех карикатуры (кончил самоубийством в Италии вследствие договора

²⁶ Из писем К. Я. Булгакова к брату его Александру Яковлевичу // Русский архив. 1903. Кн. 3. № 9. С. 123—124.

²⁷ Вяземский П. А. Записные книжки (1813—1848) / Изд. подгот. В. С. Нечаева. М., 1963. С. 180 («Лит. памятники»). Ср. позднюю редакцию в «Старой записной книжке»: «[Сен-При] веселый и затейливый проказник, вскоре затем, в той же Италии, застрелил себя неизвестно по какой причине и, помнится, ночью на Светлое Воскресение. Утром нашли его труп на полу, плавающий в крови. Верная собака его облизывала рану его» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 314).

с одним англичанином, который обязывался уплатить все его долги, если он застрелится).²⁸

Несомненно, до Пушкина дошли, по крайней мере, некоторые из этих слухов, но на смерть Сен-При он никак не отреагировал, даже в приписке к процитированному выше письму Вяземского жене. Это заставляет усомниться в верности предположений Т. Г. Цвяловской и А. Глассе о вероятном их знакомстве — или в Одессе летом 1824 года,²⁹ или в Москве в октябре 1826 года.³⁰ Скорее всего, Пушкин лишь слышал о талантах и сумасбродствах Сен-При от своих друзей, его знавших, — от П. А. и В. Ф. Вяземской, А. И. Тургенева, Н. М. Смирнова, который, по его собственным словам, с Пушкиным «очень сблизился и коротко его узнал»³¹ как раз после возвращения из Флоренции в 1828 году, — и наверняка видел какие-то его карикатуры. Тот факт, что в стихах он говорит о Сен-При только как о карикатуристе, свидетельствует об отсутствии интереса к его личности и к его судьбе. Правда, отсылка к нему в эпиграмме «Счастливы ты в прелестных дурах...», может быть, имела двойное дно. Как недавно доказала Т. А. Китанина, адресатом эпиграммы был Р. И. Дорохов, старый знакомец Пушкина, «драчун, дуэлянт, картежник и повеса», известный своими «бешеными выходками»,³² то есть человек одного с Сен-При буйного, эксцентрического склада. Называя его «St.-Priest в карикатурах», Пушкин, на первый взгляд, льстит Дорохову, сравнивая его никому не ведомые карикатуры с мастерскими работами Сен-При, но для посвященных намекает на карикатурное сходство их необузданных характеров. Недаром в последнем стихе («Но повеса ты вполне») Пушкин называет Дорохова повесой — ровно так же, как А. И. Тургенев назвал Сен-При за полгода до его гибели.

* * *

В «Старой записной книжке» Вяземский заметил: «Молодой и несчастный Сен-При <...> добыл себе место в нашей

²⁸ Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851–1860 годах / Вступ. ст. и примеч. М. А. Цвяловского. Л., 1925. С. 44.

²⁹ См.: Шолов К. В. Таинственный график пушкинской эпохи. С. 182–183.

³⁰ См.: Глассе А. St.-Priest. С. 794.

³¹ Смирнов Н. М. Из «Памятных записок» // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 277.

³² Китанина Т. А. Кто и с кем писал или не писал стихи: (К истории пушкинской эпиграммы «Счастливы ты в прелестных дурах...») // Acta Slavica Estonia XII. Пушкинские чтения в Тарту. 6. Вып. 2: Пушкинская эпоха. Тарту, 2020. С. 34.

Илл. 1

Илл. 2

общественной летописи по своим остроумным карикатурам».³³ Сейчас стало ясно, что он это место давно потерял, поскольку до наших дней дошли лишь два альбома его карикатур. Один из

³³ Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 315.

них, хранящийся в Пушкинском Доме (ПД 1732),³⁴ в 2017 году был в самых общих чертах описан в заметке А. Ю. Чернова и А. В. Дубровского «Онегинский бал глазами Сен-При»,³⁵ где репродуцировано несколько работ из него.

Другой альбом был представлен в 1937 году на большой Пушкинской выставке в Париже.³⁶ В отличие от пушкинодомского, он имеет подписи под карикатурами, и авторы франкоязычного путеводителя по выставке С. Лифарь и М. Гофман называют несколько имен персонажей Сен-При, знакомых Пушкину: А. И. Сабуров (которого Н. О. Лернер считал прототипом онегинского «Проласова, заслужившего известность низостью души»³⁷), А. И. Якубович, Вяземский, В. В. Кочубей, Теодор-Жозеф Лагренаэ, Е. И. Загряжская и др.³⁸ Весьма любопытно, что на единственной плохонькой черно-белой репродукции из парижского альбома в путеводителе (илл. 1) точно такая же многофигурная композиция (великосветский бал) с теми же персонажами, что и в альбоме Пушкинского Дома (илл. 2). Это может значить, что Сен-При копировал свои самые удачные работы для продажи или подарков.

А. А. Долинин

³⁴ Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский Дом после 1937 года: Краткое описание / Сост. О. С. Соловьева. М.; Л., 1964. С. 85. В описании Соловьевой указано, что на многих листах альбома «следы оторванных рисунков. Часть рисунков замазана красным и синим карандашами». Об альбоме см.: *Шилов К. В.* Таинственный график пушкинской эпохи. С. 187–190.

³⁵ https://nestoriana.wordpress.com/2017/04/19/pushkin_sen_pri/ (дата обращения: 6 ноября 2022). К сожалению, авторам заметки остались неизвестными разыскания Т. Г. Цявловской и А. Глассе, из-за чего она изобилует биографическими ошибками.

³⁶ См.: *Шилов К. В.* Таинственный график пушкинской эпохи. С. 191. Подробное описание альбома см. в заметке: *Пролет Е. В.* «St.-Priest, твои карандаши...»: (Альбом с карикатурами графа Э.-К. Сен-При из собрания парижского антикара) // Пушкинский музей: Альманах. СПб., 2003. Вып. 3. С. 20–23. Как явствует из заметки, в начале 2000-х годов альбом находился в коллекции парижского антикара Мориса Барюша (Maurice Baruch), тогда директора русского отдела антикварной фирмы «Poroff et Co». Фирма прекратила свое существование в 2009 году.

³⁷ См.: *Лернер Н. О.* Пушкинологические этюды. <...> 18. Онегинский Сабуров // *Звенья*: Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в. М.; Л., 1935. Т. 5. С. 94–101.

³⁸ *Lifar S., Hofman M.* Guide de l'Exposition "Pouchkine et son époque" à la salle Pleyel, le 16 mars 1937 // Centenaire de Pouchkine 1837–1937. Exposition Pouchkine et son époque. Paris, 1937. P. 44–45.

К ВОПРОСУ О НИЗВЕРЖЕНИИ ОДНОЙ ЗАПЯТОЙ И ВОССТАНОВЛЕНИИ ОДНОЙ РЕПУТАЦИИ

Настоящая заметка (или, скорее, виньетка) посвящена всего одной запятой в одном из пушкинских планов так и не написанного им «<Романа на Кавказских водах>» — да к тому же запятой не пушкинской. И все же, как кажется, эта запятая заслуживает обсуждения, поскольку от нее зависит посмертная репутация вполне почтенного человека.

Итак, в наиболее развернутом из семи сохранившихся планов кавказского романа ПД 271 (в том виде, в каком он был в 1928 году впервые опубликован Н. В. Измайловым и как затем печатался во всех изданиях) при перечислении тех, «кто живет на Кавказе», упоминается, по утверждению Измайлова супружеская пара — «генерал-баба» и «генеральша Мерлина» — между генералом и генеральшей стоит запятая, а в комментарии поясняется: «“Генерал-баба” II плана — несомненно, муж Ек<атерины> Ив<ановны>, генерал-майор Мерлини — и таким он мог, конечно, казаться рядом со своею мужественною супругою».¹ Однако если посмотреть на пушкинский автограф, то никакой запятой после «генерала-бабы» в нем нет. Более того, изначально в плане упоминается просто «генеральша Мерлина», а затем перед этими словами делается знак вставки и над строкой вписывается «генерал-баба». Вообще в ПД 271 генерал не упоминается ни разу² — речь идет только о генеральше. Кажется логичным предположить, что определение «генерал-баба», вписанное перед ее именем, относится именно к ней. Собственно, уже Измайлов привел отрывки из воспоминаний Н. П. Раевского и Г. И. Филипсона, характеризующие Екатерину Ивановну Мерлину вполне в соответствии с этим определением. Фрагмент воспоминаний Филипсона, хотя и относящийся к более позднему времени (после 1835 г.), приведу и я, поскольку он рисует весьма колоритную картину: «Из первых на тревогу явилась известная в то время генеральша Мерлина, верхом, по-казацки, с шашкой и нагайкой, которой чуть не досталось старику Федорову (артиллеристу гарнизона. — Т. К.). Наконец, открыли огонь ядрами. Тут наездница выказала замечательные тактические соображения. Она закричала на Федорова: “Старая крыса, стреляй гранатами вперед неприятеля, а когда разрыв снарядов остановит толпу в ущелье, валияй картечью”. Старик сказал: “Слушаю, матушка,

¹ Измайлов Н. В. «Роман на Кавказских водах»: Невыполненный замысел Пушкина // Пушкин и его современники. Л., 1928. Вып. 37. С. 87.

² В другом плане, ПД 273, «Генерал Мер<лини> с женой» упоминаются дважды (VIII, 966).

ваше превосходительство”; но выстрелов гранатами не последовало, горцы были уже далеко».³

Другие мемуаристы, также упоминающие героическую роль генеральши в защите Кисловодска, кроме того, вспоминают, что генеральша всегда ездила верхом в мужском седле и мужском платье и отличалась оригинальностью поведения.⁴ Отчасти это напоминает манеру поведения другой известной женщины того времени, вошедшей в историю как «кавалерист-девица» (словосочетание грамматически аналогичное «генерал-бабе»), Н. А. Дуровой. В момент написания планов «<Романа на Кавказских водах>» Пушкин еще не был знаком с Дуровой, но именно на Кавказе он тесно общался с ее братом В. А. Дуровым,⁵ так что не исключено, что и это именование в тот момент было у него на слуху.

Так или иначе, Национальный корпус русского языка⁶ за время до конца 1830-х годов дает сравнительно немного комбинаций, составленных по принципу: существительное мужского рода, дефис, слово, обозначающее женщину («-баба», «-девка», «-девица», «-дама» и т. п.), — и все они относятся к характеристике женщины, которая либо действительно является «атаманом», «кавалеристом» или «гусаром», либо уподобляется «жиду» или «черту», но не к мужчине, уподобляемому «бабе» или «девке»:

Не подивись, приятель, если услышишь нечто новое: я тот, который без малого за год пред сим имел честь самолично видеть твое искусство, с каковым ты в одну ночь в сем же лесу перевязывал рану на руке атамана-девки. (В. Т. Нарезный, «Гаркуша, малороссийский разбойник», 1825);

³ Русский архив. 1883. № 5. С. 173–174.

⁴ См.: *Раевский Н. П.* Рассказ о дуэли Лермонтова // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 415, 612; *Шан-Гирей Э. А.* Еще по поводу воспоминаний Раевского о Лермонтове // Нива. 1885. № 27. С. 643. Судя по воспоминаниям того же Раевского, для Кавказа того времени такое поведение было не столь удивительно, как может показаться: «Была и слободка по сю сторону Подкумка, замечательная тем, что там, что ни баба — то капитанша. Баба — мужик мужиком, а чуть что: “Я капитанша!” Так мы и называли эту слободку “слободкой капитанш”» (*Раевский Н. П.* Рассказ о дуэли Лермонтова. С. 412). Впрочем, не исключено, что речь здесь идет не о «мужском» облике и типе поведения капитанш («мужик мужиком»), а о социальном статусе, — женщины, по своему внешнему виду принадлежащие к простому народу («мужикам»), указывали на свое дворянство, которое давал капитанский чин. За последнее уточнение, как и за ряд других замечаний, благодарю В. В. Лапина.

⁵ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*: В 4 т. М., 1999. Т. 3. С. 87; *Пушкин М. И.* Встреча с Пушкиным за Кавказом // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 96.

⁶ <https://ruscorpora.ru/>

Такая у нас жид-барыня: коли день кого не поколотит, так к вечеру рада на стену лезть; и тут не попадайся никто на глаза. (М. П. Погодин, «Невеста на ярмарке», 1827—1832);

...голова гладил усы, заматывал за ухо оселедец и говорил стоявшему близ его соседу: «Эх, добрая баба! Чорт-баба!» (Н. В. Гоголь, «Ночь перед Рождеством», 1831—1832);

Правда, что и мои однополчанки не пропускают случая привести меня в краску, называя в шутку: цусар-девка! <...> «Тонкий стан, — отвечают они, — маленькие ноги и румянец, какой каждая из нас охотно желала бы иметь; поэтому мы и называем вас цусаром-девицею и — с позволения вашего — несколько и подозреваем, не по справедливости ли даем вам это название!» (Н. А. Дурова, «Кавалерист-девица», 1835).⁷

В конце XIX века появляется и «генерал-баба»: «Иван Павлович остолбенел. — Ну, генерал-баба! — ворчал он про себя, через несколько минут, надевая в передней пальто» (Н. Э. Гейнце. «В тине адвокатуры», 1893 — речь идет именно о женщине).

Нельзя сказать, чтобы бранное уподобление мужчины «бабе» не было в ходу, но оно всегда грамматически оформлялось именно как уподобление (ср.: «Но итальянцы — настоящие бабы» — О. И. Сенковский. «Большой выход у Сатаны» (1832); «А на что ему таких трусов, таких баб, как ты!» — М. Ю. Лермонтов, «Вадим», 1833—1834, и др.).

Единственный случай, когда, казалось бы, мы имеем дело с идентичным «генералу-бабе», явно уничижительным обозначением мужчины (хотя и без дефиса), — это агитационная песня К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева «Царь наш — немец русский», где есть слова:

Князь Волконский баба
Начальником штаба. <...>
А другая баба
Губернатор в Або.⁸

Однако это тот случай, когда смысл стихов, если в него вникнуть, ставит читателя в тупик: речь идет о П. М. Волконском (начальнике и фактическом создателе Генерального штаба) и А. А. Закревском (назначенном в 1823 году финляндским генерал-губернатором со ставкой в Або) — двух боевых генералах, героях войны 1812 года,

⁷ Здесь случай особый, поскольку речь идет о подозрениях, не девушка ли на самом деле гусар, — и, как мы знаем, подозрения эти не безосновательны. Однако это в любом случае не бранное или уничижительное уподобление воина «девке».

⁸ *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1971. С. 257 («Б-ка поэта». Большая сер.).

награжденных крестом и золотой саблей за храбрость. П. М. Волконский, как известно, стал одним из прототипов князя Андрея Болконского — в сражении при Аустерлице он подхватил брошенное знамя и развернул бежавших солдат, трижды вел их в атаку и отбил два орудия. С Закревским дружески переписывался А. П. Ермолов, обращаясь к нему как к своему, — для Ермолова было важно, что Закревский, получивший чины в бою, способен правильно понять военные проблемы.⁹ В послевоенные годы и Волконский, и Закревский составляли оппозицию Аракчееву, как боевые генералы, которым чуждо увлечение плащом (это противостояние вызвало отсылку Закревского в Финляндию и вскоре за тем последовавшую отставку Волконского).¹⁰ Оба храбрых воина очень плохо вписываются в определение «баба». Разумеется, нельзя исключать, что это слово здесь использовано просто как брань, которая, с точки зрения авторов, понятна простому солдату, на которого рассчитан текст, и способна вызвать презрение. Однако адресаты именно для этой брани выбраны слишком неудачно, чтобы не попытаться поискать другой смысл стихов. И, как кажется, он находится в истории о «власти женщин», о которой применительно к промежутку между 1812 и 1825 годами писал еще Тынянов.¹¹ Не исключено, что стихи намекают на то, что за каждым из храбрых генералов стоит женщина, управляющая им и его должностью. Такие женщины у обоих были. Любовница Волконского, вдова Прасковья Николаевна Жеребцова (урожд. Толстая; 1789—1867), с которой он прожил много лет, была известна тем, что за ней увивались карьеристы, которым она помогала (по некоторым утверждениям, не всегда бескорыстно) добиваться через Волконского чинов.¹² Аграфена Федоровна Закревская (урожд. гр. Толстая;

⁹ См.: Ермолов А. П. Кавказские письма. 1816—1860. СПб., 2014.

¹⁰ См.: Елиссеева О. И. «Не я нужен службе, служба — мне»: Переход русской военной элиты на гражданскую службу после Наполеоновских войн // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2015. № 2. С. 48.

¹¹ Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 375—377; см. также: Елиссеева О. И. «Не я нужен службе, служба — мне». С. 37—38.

¹² См., например: «Торг этот существует издавна, и даже при князе Петре Михайловиче Волконском, который при всех своих пороках был человеком вполне бескорыстным, лица, имевшие на него влияние, торговали придворными чинами. Андрей Иванович Сабуров, например, купил в 1851 году чин гофмейстера, заплатив двадцать тысяч рублей серебром Жеребцовой, любовнице старика Волконского» (Долгоруков П. В. Петербургские очерки: Pamфлеты эмигранта. 1860—1867. М., 1992. С. 145—146). Разумеется, читая и цитируя мемуары Долгорукова, надо принимать во внимание их памфлетную заостренность, не всегда способствующую документальной точности, но сам факт подобных историй про Жеребцову, как кажется, показателен.

1799—1879), «медная Венера», царившая в петербургских и европейских салонах, богатая красавица, выданная в 18 лет за бедного и страдавшего от контузии 35-летнего героя-генерала Закревского по ходатайству Александра I,¹³ также, по-видимому, имела большое влияние на мужа. Не они ли были теми «бабами»: одна — начальником штаба, а другая — комендантом в Або?

На тексте агитационной песни Рылеева и Бестужева пришлось остановиться подробнее не только потому, что это единственный близкий по времени случай сходного употребления грамматической формы «некто = баба», но и потому, что Пушкину песня была хорошо известна и входила в его активный словарь,¹⁴ что могло бы служить аргументом в пользу мнения Измайлова. Если высказанное здесь предположение относительно смысла указанных стихов агитационной песни верно, то этот аргумент начинает работать скорее в пользу версии о генерал-бабе Мерлиной.

Возвращаясь к генеральше и ее распоряжениям в Кисловодске, невозможно не вспомнить еще об одной пушкинской героине, капитанше Мироновой, распорядившейся в крепости и вершившей суд: «Ах, мои батюшки! На что это похоже? как? что? в нашей крепости заводить смертоубийство! Иван Кузмич, сейчас их под арест! Петр Андренч! Алексей Иваныч! подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги в чулан» (VIII, 304). Трудно сказать, была ли у Пушкина, когда он создавал образ комендантши, мысль о колоритной генеральше, с которой он то ли был знаком на Кавказе, то ли лишь слышал о ней,¹⁵ — но что можно сказать определенно, так это то, что и рядом со своей Василисой Егоровной («бабой не робкого десятка» — VIII, 298) добрый Иван Кузмич отнюдь не выглядит «бабой».

А что же генерал Мерлини?¹⁶ О нем известно относительно немного, однако мы знаем, что он участвовал в кампании 1805—1807 годов, получил (по-видимому, за нее) ордена св. Анны 3-й и св. Владимира 4-й

¹³ См.: Елисеєва О. И. «Не я нужен службе, служба — мне». С. 36—37.

¹⁴ См.: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 511 («Литературные памятники»).

¹⁵ М. И. Пущин, сопровождавший Пушкина в его второй поездке на воды в 1829 году, в опубликованном А. Е. Розеном фрагменте записок упоминает, что в Горячеводске «познакомился с генералом Мерлиным и с оригинальной его супругой Екатериной Ивановной» (Розен А. Е. Декабристы на Кавказе // Русская старина. 1884. № 2. С. 336), что дало основание предполагать и вероятность знакомства с ними Пушкина (см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 260).

¹⁶ Станислав Демьянович Мерлини (1775—1833), с 1806 года полковник, с 30 августа 1816 года генерал-майор, с 25 июня 1829 года — генерал-лейтенант.

степени и чин полковника,¹⁷ а с 1810 года служил на Кавказе, занимая пост шефа Белевского пехотного полка, участвовал в покорении Имеретии и успешно распоряжался в ней, за что правитель Имеретии, Мингрелии, Гурии и Абхазии генерал-майор Ф. Ф. Симанович в рапорте главнокомандующему в Грузии генералу от инфантерии Н. Ф. Ртищеву от 24 декабря 1814 года настоятельно рекомендовал представить его к награде. Симанович писал, что Мерлини «сверх настоящей своей обязанности по званию шефа, управляет по делам в Имеретии с возможною благоуспешностью <...> особенные же труды и заслуги свои показал он при прекращении чумы, возникшей было в 1812 году в кр<епоستي> Поти, которая по благоразумным его распоряжениям весьма скоро там прекращена; а затем, по отправлении моем в Тифлис, когда начал он командовать в Имеретии, равно же скоро много способствовал к скорому ее прекращению принятием строгих и приличных мер осторожности, а по случаю существовавших в то же время повсеместно в Имеретии повальных болезней, тяжко испытал он на себе действие оных. Сверх сего по его, яко местного отрядного начальника, распоряжению взята почти без кровопролития, в декабре месяце 1812 года, крепостца Бедиа и прогнаны из Абхазии турки, пришедшие для поддержания собиравшихся бунтовать абхазцев».¹⁸ Из дальнейших рапортов (в том числе собственного рапорта Мерлини от 9 февраля 1816 года) ясно, что он вел и судебные дела, советуясь с местными судьями («мдиван-бегами») и соотнося российские законы с грузинскими, — и делал это, судя по всему, довольно успешно.¹⁹ В отличие от Симановича, неизменно высоко оценивавшего деятельность Мерлини, Ермолов, в 1816 году сменивший на посту грузинского главнокомандующего Ртищева, сразу невзлюбил нашего героя, отзывался о нем крайне негативно, и, по-видимому, в период правления Ермолова Мерлини впал в немилость.²⁰ Здесь не могу

¹⁷ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1873. Т. 5. С. 481.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 487—488. Понятно, что и борьба с эпидемией чумы (то есть введение карантинных мер), и разрешение тяжб, происходящие на лишь недавно завоеванной территории, — дело отнюдь не безопасное, и, похоже, Мерлини удавалось делать это, не вызывая сильных возмущений и без кровопролития.

²⁰ См. письмо Ермолова к А. А. Закревскому от 19 февраля 1817 года: «Мерлини — дрянное существо, ни на что для службы не надобное <...>. Я делаю представление, коим Мерлини лишается бригады. Что за снисхождение к дряни. Ее так много, что нельзя опасаться всея перевести, а надобно когда-нибудь начать» (Ермолов А. П. Кавказские письма. 1816—1860. С. 53). Характерная деталь: Мерлини многократно упоминается в 4, 5 и 7-м томах «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией», но в обеих частях 6-го тома, посвященных времени Ермолова, его имя не встречается ни разу.

избежать искушения немного пофантазировать о причинах неприязни нового начальника. Ермолову, возмущенному «попустительством» своих предшественников в отношении местного населения, считавшему, «что нравы и образ жизни людей, в Кавказской губернии обитающих, имеют более нужды в простом полицейском надзоре, нежели в судебных установлениях»,²¹ и, пусть и с изрядной долей сарказма, писавшему: «Начальнику нет другого средства к поправлению (нравов в войске. — Т. К.), как просить судьбу о чуме. Она часто посещает край сей, но предместники мои не умели воспользоваться благотворительным ее действием. Я постараюсь обратить ее в пользу»,²² — едва ли было по пути с человеком, приложившим много сил для согласования российских судебных решений на Кавказе с местными обычаями и для борьбы с распространением чумы. Но в том же самом письме, где идет речь о чуме и лишении Мерлини бригады, сразу за этим следует характерный для Ермолова пассаж: «...представляю я Загорского в бригадные командиры. Свидетельствуюсь Богом, что он дурак, но по крайней мере за него ходатайствует долговременное служение, и как человек, на которого навел я ужасный страх, он будет слепой исполнитель воли. Здесь полезно завести институт подобных слепых, и будет!»²³ Возникает подозрение, что на Мерлини Ермолову не удалось «навести ужасный страх» и сделать «слепым исполнителем» своей воли. Вновь получить бригаду Мерлини смог лишь в 1821 году (возможно, по следам усмирения бунта, случившегося в Имеретии в 1819—1820 годах). В том же 1821 году он был награжден орденом св. Георгия 4-й степени,²⁴ что говорит о признании его личного мужества, а в 1826—1827 годах принимал участие в персидской кампании.

Как кажется, даже эти довольно случайные и отрывочные сведения, никак не претендующие на полноту биографии (ее составление — дело историков Кавказской войны), дают некоторые основания очистить посмертную репутацию Станислава Демьяновича Мерлини от мало почетного для боевого офицера титула «генерала-бабы», оставив этот (для нее вполне почетный) титул мужественной генеральше и изгнав предательскую редакторскую запятую из пушкинского текста.

Т. А. Китанина

²¹ Ермолов А. П. Кавказские письма. 1816—1860. С. 679.

²² Там же. С. 52—53. Заметим, что эти слова сказаны в том же письме, где идет речь о Мерлини.

²³ Там же. С. 53.

²⁴ Степанов В. С., Григорович П. И. В память столетнего юбилея императорского Военного ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия. (1769—1869). СПб., 1869. № 3538.

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «НАБРОСКАХ ПРЕДИСЛОВИЯ» ПУШКИНА К «БОРИСУ ГОДУНОВУ»

В новом академическом издании непосредственно после текста «Бориса Годунова» напечатаны семь черновых прозаических набросков под общим редакторским заглавием «<Наброски предисловия к “Борису Годунову”>» (АПСС. Т. 7. С. 93–96):

<1> «Дух века требует важных перемен и на сцене драматической...»;

<2> «С величайшим отвращением решаюсь я выдать в свет “Бориса Годунова”...»;

<3> «<С> отвращением решаюсь я выдать в свет [сво<ю><?>] <трагедию>...»;

<4> «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей...»;

<5> «Je me présente ayant renoncé <à> ma manière première...»;

<6> «Lorsque j'écrivais cette tragédie, j'étais seul à la campagne...»;

<7> «Pour une préface. Le public et la critique ayant accueilli...».

История публикации этих набросков изложена в комментариях М. Н. Виролайнен (см.: АПСС. Т. 7. С. 717–719), и мы не будем здесь повторять ее в деталях. Для нас имеет значение то, что долгое время они являлись частью большего по объему корпуса пушкинских текстов, предположительно имеющих какое-то отношение к замыслу предисловия к «Борису Годунову» и объединенных достаточно нейтральным редакторским заглавием «Заметки о Борисе Годунове». Заглавие «<Наброски предисловия к “Борису Годунову”>» вошло в исследовательский и издательский обиход с 1931 года¹ и не было оправдано составом заметок, куда входили также тексты, которые никак не могли трактоваться как наброски собственно предисловия, — два черновых письма к Н. Н. Раевскому-младшему от второй половины июля (после 19-го) 1825 и 30 января или 30 июня 1829 года,² письмо, начинающееся словами «Благодарю вас за участие, принимаемое вами в судьбе “Годунова”...», которое, как считается, Пушкин предполагал напечатать в 1828 году в «Московском вестнике», и отрывок из «<Опровержения на критики>». В вы-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1931. Т. 5. С. 510 (Приложение к журналу «Красная нива» на 1930 г.).

² К вопросу о вероятной датировке этого письма мы вернемся ниже.

шедшем в 1949 году одиннадцатом томе («Критика и публицистика. 1819—1834») так называемого «большого» академического издания эти четыре текста, как имеющие самостоятельное значение, были выведены из состава набросков. Новое издание, «усовершенствовав» решение «большого» академического в подаче текстов,³ перенесло семь небольших отрывков в том драматургии, тем самым окончательно закрепив именно за ними статус свидетельства, что Пушкин действительно предпринимал попытки написать предисловие к своей трагедии.⁴

Так ли это на самом деле? Чтобы ответить на этот вопрос, нам представляется необходимым рассмотреть все высказывания Пушкина о своей трагедии и о драматических принципах, которыми он руководствовался при ее создании в их взаимной связи и в связи с издательской историей «Бориса Годунова», уточнить вероятные датировки разных набросков и, исходя из сделанных наблюдений, попытаться точнее определить их «прагматику».

Особое место в истории интересующих нас текстов принадлежит Николаю Николаевичу Раевскому (1801—1843), сыну известного генерала Н. Н. Раевского (1771—1829) и другу Пушкина еще с лицейских лет поэта, адресату посвящения к поэме «Кавказский пленник» (1822), исторической элегии «Андрей Шенье» (1825) и двух пространных французских писем, в которых обсуждается драматическая система «Бориса Годунова». Пушкин поделился с Раевским своим новым замыслом задолго до завершения работы над трагедией, весной 1825 года. На ответное письмо Раевского от 10 мая 1825 года, где Раевский выражал уверенность, что Пушкину «будет суждено проложить дорогу и национальному театру», и предсказывал «огромное значение» его трагедии для русской литературы (XIII, 172, 535; ориг. по-франц.), Пушкин, в свою очередь, отвечал во второй половине июля (после 19-го) — августе 1825 года (XIII, 196—198, 540—542; ориг. по-франц.).

³ Кроме незначительных уточнений в чтении, исправлена одна несомненная ошибка издания, где набросок <1> напечатан в корпусе как продолжение наброска <4> (примечания к тому соответствуют подаче текстов в основном корпусе, в разделе «Другие редакции, планы, варианты» наброски разделены). Кроме того, отвергнута историческая заметка «<О Гавриле Григорьевиче Пушкине>», введенная в дополнение к корпусу набросков в Справочном томе (XVII, 61—62).

⁴ Автор настоящей статьи, являвшийся контрольным рецензентом тома драматических произведений Пушкина в новом издании, ни в коей мере не снимает с себя долю ответственности за принятые там решения.

В этом письме Пушкина к Раевскому, оставшемся неоконченным и неотправленным,⁵ затронуто несколько принципиальных теоретических литературных проблем: «правдоподобия», исключающегося «самой природой драматического произведения»; драматического характера и объемности шекспировских характеров в противопоставлении однолинейным характерам в драмах Байрона; «правдивости диалога», предполагающей свободную смену стилистических регистров.

Уже на примере этого письма видна характерная «диффузность» пушкинских черновых текстов. Так, тем же временем, что и письмо к Раевскому (летом 1825 года), датируется набросок «<О трагедии>» («Из всех родов сочинений самые (*invraisemblables*) неправдоподобные сочинения драматические, а из сочинений драматических — трагедии...») (XI, 39).⁶ Можно предположить, что этот набросок, вероятно связанный с чтением «Курса драматической литературы» А. В. Шлегеля (*Cours de littérature dramatique*. Paris; Genève, 1814),⁷ предшествовал письму к Раевскому. В свою очередь, рассуждения о байроновских характерах перешли из письма в написанные позднее отрывки «<О драмах Байрона>» («Английские критики оспаривали у лорда Байрона драматический талант...», 1827) и «<О трагедии Олина "Корсер">» («Ни одно из произведений лорда Байрона не сделало в Англии такого сильного впечатления, как его поэма "Корсар"...», 1828) (см.: XI, 51, 64–65).

Оборвавшийся в 1825 году эпистолярный диалог Пушкина с Раевским о «Борисе Годунове» должен был продолжиться спустя четыре года при их личной встрече.⁸ 13 июня 1829 года Пушкин прибыл в лагерь русской армии при Карсе и поселился в палатке Раевского. Друзья тесно общались до 10 июля — дня отъезда Раевского в Тифлис.⁹

⁵ Об этом свидетельствует то, что большой фрагмент этого письма был впоследствии близко повторен во втором письме Пушкина к Раевскому.

⁶ В первом издании Академии наук этот набросок был напечатан дважды: сначала П. О. Морозовым в ряду других мелких заметок о «Борисе Годунове» в примечаниях к тексту трагедии, затем Н. К. Козминным как самостоятельный критический отрывок (см.: *Пушкин А. С. Соч.* Пг., 1916. Т. 4. С. 144–145; Л., 1928. Т. 9, кн. 1. С. 8–9).

⁷ См.: *Пушкинская энциклопедия: Произведения*. СПб., 2017. Вып. 3: Л—О. С. 480–481 (статья Н. А. Дроздова).

⁸ Никаких свидетельств об эпистолярном общении Пушкина с Раевским между 1825 и 1829 годами нет.

⁹ См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т.* М., 1999. Т. 3. С. 65–77.

В числе читавшихся Пушкиным произведений, по воспоминаниям М. В. Юзефовича, был и «Борис Годунов», но знакомство Раевского с трагедией, по-видимому, ограничилось тогда отдельными сценами.¹⁰

19 июля Пушкин записывает в своей «Арзумской» рабочей тетради (ПД 841, л. 12) набросок <2>. Вполне естественно предположить, что вернуться к обсуждению на письме судьбы «Бориса Годунова» и проблем преобразования русской драматической системы Пушкина побудили именно разговоры с Раевским. При этом первая же фраза наброска («С величайшим отвращением решаюсь я выдать в свет “Бориса Годунова”») — АПСС. Т. 7. С. 93) выглядит совершенно неуместной в предисловии. Равно, впрочем, как и вторая («Успех или неудача моей трагедии будет иметь влияние на преобразование драматической нашей системы» — Там же), из которой следует, что неуспех «Бориса Годунова» будет для Пушкина лишь свидетельством незрелости русского литературного сознания.¹¹ Не годясь для начала предисловия, набросок очень похож на начало частного письма, вероятным адресатом которого в данной ситуации, по нашему мнению, должен быть признан Раевский.

С почти буквального повторения той же «неудобной» для предисловия фразы начинается и набросок <3>, который кроме нее содержит и другой пассаж, вряд ли уместный в обращении к широкой публике: «Тр<агедия> моя уже известна почти всем, коих мнениями я дорожу» (АПСС. Т. 7. С. 94). П. В. Анненков при первой публикации обозначил этот набросок как «черновое письмо неизвестно к кому».¹² Тесная связь между набросками <2> и <3> вполне очевидна. В. В. Гиппиус поместил набросок <2> не в основной корпус, а в раздел «Другие редакции, планы, варианты» как первоначальный вариант наброска <3> (XI, 383), Б. В. Томашевский и Ю. Г. Оксман также печатали

¹⁰ Из второго пушкинского письма к Раевскому прямо следует, что адресат не знаком с трагедией в целом.

¹¹ В новом академическом издании неверно указано, что набросок был впервые напечатан в 5-м томе издания П. А. Ефремова 1878—1881 гг. (см.: АПСС. Т. 7. С. 721). Первым его публикатором был П. В. Анненков, считавший, что набросок выражает «основную мысль, которую должно было развить будущее предисловие к “Борису Годунову”», но определивший происхождение и назначение наброска следующим образом: «После долгих рассуждений с приятелями он опять еще пишет для себя в Арзуме...» (Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина // Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 1. С. 217).

¹² Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. С. 132.

его в разделе «Из ранних редакций».¹³ По своего рода «преемственности» с наброском <2> набросок <3>, соответственно, должен датироваться временем после 19 июля 1829 года. Нижняя граница его датировки неясна. Он написан на отдельном листке (ПД 112), на котором также находится черновой набросок двух стихов, относящихся к работе над стихотворением «Кавказ». По визуальному впечатлению, записи на листе появились примерно в одно время. Сам Пушкин датировал «Кавказ» 1829 годом.¹⁴ Перебеленный с правкой автограф стихотворения «Кавказ» с датой «20 сентября», опубликованный в 1908 году Н. О. Лернером и ныне утраченный,¹⁵ датируется болдинской осенью 1830 года.¹⁶ Это, однако, не дает нам оснований для датировки автографа ПД 112 тем же временем:¹⁷ осенью 1830 года Пушкин дорабатывал написанные ранее стихотворения, выставляя в автографе именно болдинскую дату доработки.¹⁸ Во всяком случае, набросок

¹³ См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 630 (то же решение во всех переизданиях десятитомника под редакцией Б. В. Томашевского); *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 6. С. 431.

¹⁴ В списке стихотворений, предназначенных для издания, сентября 1831 г. (ПД 716) (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 19 т. М., 1997. Т. 17 (доп.): *Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы / Отв. ред. Я. Л. Левкович, С. А. Фомичев.* 2-е изд., перераб. С. 197), в цензурной рукописи третьей части «Стихотворений Александра Пушкина» (ПД 420, л. 3 об.) (см.: *Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В.* *Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме: Научное описание.* М.; Л., 1937. С. 169), в третьей части «Стихотворений Александра Пушкина», вышедшей в 1832 г.

¹⁵ *Лернер Н. О.* Неизданные стихи Пушкина // *Весы.* 1908. № 3. С. 57–60.

¹⁶ На этом же листе, согласно свидетельству Лернера, находился автограф написанного в Болдине стихотворения «Труд».

¹⁷ Как это сделано в издании пушкинских болдинских рукописей (см.: *Болдинские рукописи Пушкина 1830 года: Научное описание / Сост. Т. И. Красноробордыко и С. Б. Федотова.* СПб., 2021. С. 36–37 (Временник Пушкинской комиссии. Вып. 35)).

¹⁸ См. дату «7 сентября» в болдинском автографе стихотворения «Делибаш», также написанном в 1829 году, и двойную помету («1824 / Мих<айловское>»; «Болд<ино>. 7 сент<ября>») под текстом стихотворения «Аквилон» (ПД 126) (см.: *Болдинские рукописи Пушкина 1830 года.* С. 32–34). Ср. датировку Т. Г. Цявловской стихотворения «Кавказ»: «Датируется 24 мая — декабрем 1829 г.; отделано, согласно помете в автографе, 20 сентября 1830 г.» (III, 1196). В описании рукописей Пушкина, хранящихся в Пушкинском Доме, Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского автограф ПД 112 датирован 1829 годом (см.: *Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В.* *Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме.* С. 47; исследователи посчитали дату «20 сентября» в болдинском автографе «Кавказа» перешедшей из несохранившегося раннего чернового автографа).

<3> предшествовал по времени наброску <4>, в котором те же пушкинские мысли получили дальнейшее развитие.

<2> С величайшим отвращением решаюсь я выдать в свет «Бориса Годунова». Успех или неудача моей трагедии будет иметь влияние на преобразование драматической нашей системы. Боюсь, чтоб собственные ее недостатки не были б отнесены к романтизму — и чтоб она тем самым не замедлила хода — (АПСС. Т. 7. С. 93).

<3> <С> [**<величай>**шим] отвращением¹⁹ решаюсь я выдать в свет [**<сво<ю><?>>**] <трагедию>, и хотя я вообще всегда был довольно равнодушен <к> успех<у> иль неудач<е> своих сочинений, но, признаюсь, неудача «Бориса Годунова» будет мне чувствител<ьна>, а я в ней почти уверен (АПСС. Т. 7. С. 93).

<4> Долго не мог я решиться напечатать свою драму. Хоро<ший> иль худой успех моих стихот<в>о<рени>й, благосклонное или строгое решение журналов о какой-нибудь стихотворной повести донныне слабо тревожили мое самолюбие. Критики слишком лестные не ослепляли его, читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнение критика, понять со всевозможным хладнокровием, в чем именно состоят его обвинения. — И если никогда не отвечал я на оные, то сие происходило не из презрения, но единственно из убеждения, что для нашей литературы il est indifférent²⁰, что такая-то глава «Онеги<на>» выше или ниже другой. Но, признаюсь искренно, неуспех драмы моей огорчил бы меня, ибо я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедий Расина и что всякий неудачный опыт может замедлить преобразование нашей сцены (АПСС. Т. 7. С. 94).

Процитированные Пушкиным в наброске <3> слова Монтеня («Как Монтань, могу сказать о своем сочине<нии>: *C'est une oeuvre de bonne foi*»²¹ — АПСС. Т. 7. С. 93) также в скрытом виде перешли в набросок <4> («По крайней мере, труды мои были ревностны и добросовестны». — АПСС. Т. 7. С. 94).

Набросок <4> находится в тетради ПД 839 (л. 45—47 об.), первая часть которой (до л. 44 включительно) занята беловой рукописью «Полтавы», с которой печаталось отдельное издание поэмы 1829 года. Следовательно, он не мог быть написан ранее

¹⁹ Край листа с началом первой строки оборван, но дает возможность восстановить текст.

²⁰ безразлично (франц.).

²¹ Это добросовестное произведение (франц.).

9—10 ноября 1829 года, времени возвращения Пушкина в Петербург после кавказской поездки,²² поскольку в момент отъезда Пушкина из Петербурга 10 марта 1829 года рукопись находилась еще в типографии («Полтава» вышла из печати 27 или 28 марта 1829 года²³). Набросок <4> — единственная черновая запись, появившаяся в тетради непосредственно после автографа «Полтавы». Остальные делались с обратной стороны тетради (в перевернутом положении) и начинаются с мая 1830 года.²⁴ Набросок, несомненно, предшествовал им и отделен от них каким-то временным промежутком. Нам кажется вероятным, что он был записан вскоре после того, как Плетнев отдал Пушкину тетрадь, и предположительно может быть отнесен к середине или второй половине ноября 1829 года.

Видеть в этом наброске начало предисловия к печатному изданию трагедии не позволяет его вторая часть, где Пушкин неожиданно переходит к самооправданию в «дворянской спеси»:

Нашед в истории одного из предков моих, игравшего важную роль в сию несчастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, соп атюге, но [без всякой дворянской спеси]. Изю всех моих подражаний Байро<ну> дворянк<ая> спесь была самое смешное. Аристокрацию нашу составляет дворянство новое — древнее же пришло в упадок, права <его> уровнены с правами прочих сост<ояний>, великие имения давно раздроблены, уничтожены, и никто, даже самые потомки и проч. (АПСС. Т. 7. С. 94—95).

Вряд ли можно полагать, что Пушкин собирался выступить с этим рассуждением в печати. К трагедии оно не имеет никакого отношения, но вполне вписывается в контекст недавней встречи с Раевским. М. В. Юзефович вспоминал: «В своем тесном кругу бывали у нас с Пушкиным откровенные споры. Я был ярый спорщик, он тоже. Раевский любил нас подзадоривать и сравливать. Однажды Пушкин коснулся аристократического начала, как необходимого в развитии всех народов; я же щего-

²² См.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 3. С. 108.

²³ См.: *Синявский Н., Цявловский М.* Пушкин в печати. 1814—1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. 2-е изд., испр. М., 1938. С. 61.

²⁴ Два первых текста, записанных в этом положении в конце тетради (перебеленный с правкой автограф стихотворения «Поэт и толпа» и беловой автограф стихотворения «Когда в объятия мои...»), предшествующие записям мая 1830 года, появились там существенно раньше, еще во время работы над беловой рукописью «Полтавы» — в ноябре—декабре 1828 года.

ля тогда демократизмом. Пушкин наконец с жаром воскликнул: «Я не понимаю, как можно не гордиться своими историческими предками! Я горжусь тем, что под выборною грамотой Михаила Федоровича есть пять подписей Пушкиных». Тут Раевский очень смешным сарказмом обдал его, как ушатом воды, и спор наш кончился».²⁵

Некоторые темы рассмотренных коротких набросков оказываются более полно развиты и, так сказать, «теоретизированы» в тексте, традиционно датирующемся 1828 годом и получившем в «большом» академическом издании редакторское заглавие «<Письмо к издателю “Московского вестника”>» («Благодарю вас за участие, принимаемое вами в судьбе “Годунова”...» — XI, 66–69). В нем речь также идет о преобразовании русской драматической системы, и Пушкин прямо формулирует принципы романтической (шекспировской) драмы, пренебрегающей двумя классическими единствами (места и времени) и строящейся только на единстве действия.

Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе отца нашего Шекспира и принес ему в жертву пред его алтарь два классические единства, едва сохранив последнее. <...> Отказавшись добровольно от выгод, мне представляемых системой искусства, оправданной опытами, утвержденной привычк<ою>, я старался заменить сей чувствительный недостаток верным изображением лиц, времени, развитием историч<еских> характеров и событий... (XI, 66–67)

Кроме того, Пушкин заявляет об отказе от единства слога, открывающем дорогу реформе драматического стиха:

...есть единство, о котором фр<анцузская> крит<ика> и не упоминает (вероятно, не предполагая, что можно оспаривать его необходимость), единство слога — сего 4-го необходимого

²⁵ Юзефович М. В. Памяти Пушкина // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 103. Возможно, воспоминания об этом эпизоде определили появление соответствующей темы и в «<Романе в письмах>». Оправдание «аристократизма» вложено там в уста Владимира, «внука бородатого миллионщика»: «Говоря в пользу аристократии, я не корчу англ<ийского> лорда, [как дипломат Сев<ерин>, внук портного и повара]; мое происхождение, хоть я им и не стыжусь, не дает мне на то никакого права. Но я согласен с Лабрюером: *Affecter le mépris de la naissance est un ridicule dans le parvenu et une lâcheté dans le gentilhomme* <Подчеркивать пренебрежение к своему происхождению — черта смешная в выскочке и низкая в дворянине — франц.>» (VIII, 49, 53, 573).

условия фр<анцузской> трагедии, от которого избавлен театр исп<анский>, англ<ийский> и немецкий. Вы чувствуете, что и я последовал столь соблазнительному примеру.

Что сказать еще? Почтенный александрийский стих переменял я на пятистопный белый, в некоторых сценах унизился даже до презренной прозы... (Там же)²⁶

Впрочем, так называемое «<Письмо к издателю “Московского вестника”>» корреспондирует и с другими текстами. Письмо сохранилось в двух автографах — черновом (ПД 298) и белом первых двух абзацев (ПД 299). Перебеленный текст обрывается после вопроса: «Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы» (XI, 66). Далее в черновом автографе следует фраза: «Нет ничего смешнее que le changement des règles reçu<es> etc.²⁷» (XI, с. 338). Помета «etc.» позволяет предположить здесь цитирование или переработку какого-то записанного в другом месте фрагмента. Близкая фраза находится в письме к Раевскому 1825 года: «Rien de plus inutile à mon avis, que les petits changements de règles reçues...»²⁸ (XIII, 197). Далее в том же письме Пушкин иронизирует над Альфиери, якобы думавшем перевернуть систему классической трагедии отказом лишь от одного из ее структурных элементов (речей *à parte*). Непонятно, имел ли в виду Пушкин, делая помету «etc.», только это свое замечание или предполагал использовать французский текст 1825 года в большем объеме. Возможно, с возникшими в этот момент затруднениями и была связана остановка в перебелке текста, а после и вообще в его доработке.

Обратимся теперь к еще не рассматривавшемуся нами наброску <1>, начинающемуся словами: «Дух века требует важных перемен и на сцене драматической...»:

²⁶ Ср. в наброске <4>: «Приступаю к некоторым частным объяснениям. Стих, употребленный мною (пятистопный ямб), принят обыкновенно англичанами и немцами. <...> Есть шутки грубые, сцены престопадные. Хорошо, если поэт может их избежать, поэту не должно быть площадным из доброй воли — если же нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем-нибудь иным» (АПСС. Т. 7. С. 94).

²⁷ чем перемена принятых правил и проч. (франц.).

²⁸ Нет ничего бесполезнее, на мой взгляд, чем мелкие изменения принятых правил (франц.).

Поэт, живущий на высотах создания, яснее видит, может быть, и недостатки справедливых требований, и то, что скрывается от взоров волнуемой толпы, но напрасно было бы ему бороться. Таким образом, Lopez de Vega, Шекспир, Расин уступали потоку; но гений, какое направление не изберет, останется всегда гений — суд потомства отделит золото, ему принадлежащее, от примеси (АПСС. Т. 7. С. 93).

Читая жаркие споры о романтизме, я вообразила, что и в самом деле нам наскучила правильность и совершенство классической древности и бледные, однообразные списки ее подражателей, что утомленный вкус требует иных, сильнейших ощущений и ищет их в мутных, но кипящих источниках новой, народной поэзии. <...> Искренно признаюсь, что я воспитан в страхе почтеннейшей публики и что не вижу никакого стыда угодить ей и следовать духу времени (XI, 66).

В принципе, это сопоставление дополнительно проясняет пушкинскую мысль, с изложения которой начинается «<Письмо к издателю “Московского вестника”>»: русской публике, по видимости, наскучило следование «классическим» (иначе говоря, французским) образцам, публика требует иных ощущений, источники которых находятся в национальной поэзии; чтобы угодить вкусу публики, поэт должен следовать движению времени; этого нельзя достичь мелким изменением принятых донныне чуждых правил, но только радикальным преобразованием устарелых форм и поиском новых, более соответствующих словесности своего народа.

Набросок <1>, написанный на отдельном листе (ПД 1086), не имеет никаких внешних оснований для датировки, но он, как показывает его зачеркнутое начало («Не стану оправдывать правила коими я руководствовался в составлении [сво<ей>] сей трагедии» — АПСС. Т. 7. С. 383), прямо связан с объяснением драматических принципов «Бориса Годунова» и, по всей вероятности, должен, как и наброски <2>, <3> и <4>, предшествовать «<Письму к издателю “Московского вестника”>»: мысль, развитая в нем на примере литературных образцов, переведена Пушкиным в письмо в модус собственной авторской интенции.

Перейдем к последовательности текстов. Датировка «<Письма к издателю “Московского вестника”>» январем—февралем 1828 года (XI, 537) создает некоторое логическое противоречие: более пространный и более обработанный текст предшествует разрозненным черновым наброскам на ту же тему, ни один из которых

не содержит к нему отсылок. Это противоречие снимается, если поставить принятую датировку, равно как и адресацию, под сомнение и предположить обратную хронологическую последовательность пушкинских записей.

Определение письма «Благодарю вас за участие...» как «<Письма к издателю “Московского вестника”>» основано в первую очередь на письме В. П. Титова к М. П. Погодину от 11 февраля 1828 года: «Пушкин (NB. отведя глаза в сторону) сказывал, что позволил перепечатать “Москву”, взбесясь на опечатки “М<осковского> в<естника>”, а господа пчелинцы воспользовались и присовокупили примечание.²⁹ — Он готовит вам письмо о Б<орисе> Годунове; что он мне читал, славно; хочет приготовить еще смешную статью о “Корсаре” и о способе переделывать поэмы в романт<ические> трагедии».³⁰ На наш взгляд, однако, письмо Титова не содержит непреложного указания на уже начатую в этот момент Пушкиным статью, посвященную именно его трагедии. Во-первых, слова «что он мне читал, славно», выделенные точкой с запятой в самостоятельный период, не относятся к упоминаемому ранее «письму», да и трудно представить, чтобы Пушкин стал знакомить Титова с незавершенной статьей. Во-вторых, по справедливому замечанию М. А. Цявловского, возможно, речь идет «об историческом Борисе Годунове, о котором у Пушкина с Погодиным были споры».³¹ Датировка текста, публикуемого как «<Письмо к издателю “Московского вестника”>», началом 1828 года, косвенным образом вроде бы поддерживается бумагой его автографов (№ 104 и 194 по описанию Л. Б. Модзалевского и Б. В. Томашевского³²): все сохранившиеся на этих сортах бумаги

²⁹ Речь идет об отрывках из седьмой главы «Евгения Онегина» (строфы XXXVI—XXXVIII и XLIV—LIII под заглавием «Москва»), первоначально опубликованных с ошибками в № 1 «Московского вестника» за 1828 год, а затем перепечатанных в «Северной пчеле» (1828, № 17, 9 февр.) с издательским примечанием, где указывалось на «неприсойные ошибки» напечатавшего их «одного журнала».

³⁰ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1889. Кн. 2. С. 182; Пушкин по документам архива М. П. Погодина / Публ. М. Цявловского // Литературное наследство. М., 1934. Т. 16—18. С. 697. В пушкинских бумагах сохранилась относящаяся к этому времени заметка, печатающаяся в современных изданиях под редакторским заглавием «<О трагедии Олина “Корсер”>» (см. о ней: Пушкинская энциклопедия. Вып. 3. С. 481—483 (статья Е. О. Ларионовой)).

³¹ Пушкин по документам архива М. П. Погодина. С. 697—698.

³² См.: Модзалевский Л. Б., Томашевский Б. В. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском Доме. С. 117.

рукописи Пушкина датируются февралем—мартом 1828 года.³³ Но и этот аргумент должен отступить все же перед более сильным — самим содержанием письма.

Дело в том, что фраза, с которой начинается письмо («Благодарю вас за участие, принимаемое вами в судьбе “Годунова”»: ваше нетерпение видеть его очень лестно для моего самолюбия; но теперь, когда, по стечению благоприятных обстоятельств,³⁴ открылась мне возможность его напечатать, предвижу новые затруднения, мною прежде и не подозреваемые»), не могла быть написана ранее 1829 года. «Борис Годунов» был запрещен к публикации в декабре 1826 года. Категорически отказавшись идти на любые компромиссы по приспособлению текста к печати, Пушкин два года не предпринимал никаких попыток вернуться к этому вопросу. В начале 1828 года, таким образом, никакой «возможности» напечатать «Годунова» перед Пушкиным не открывалось. «Стечение благоприятных обстоятельств» случилось только в начале 1829 года. Что это были за «непредвиденные» обстоятельства, можно лишь гадать. Вероятно, поэт был обнадежен и прекращением 31 декабря 1828 года, после своего письменного объяснения с царем, следствия по делу о «Гаврилиаде», и ставшим ему известным благожелательным приемом «Полтавы». Так или иначе, уезжая 10 марта из Петербурга, Пушкин передал Жуковскому для снятия чистой копии и повторной подачи в высочайшую цензуру пересмотренный и исправленный текст «Бориса Годунова» и сохранял надежду на публикацию трагедии до 21 января 1830 года, когда рукопись ее была вновь возвращена ему Бенкендорфом с предложением «переменить в оной еще некоторые, слишком тривиальные места» (XIV, 59).³⁵ Письмо «Благодарю вас за участие...», несомненно, относится ко времени между февралем или началом марта 1829 г. — серединой января 1830 г., то есть к тому же хронологическому промежутку, что и мелкие наброски, и, по-видимому, должно быть признано самым поздним из всех рассмотренных нами выше текстов.

³³ Это черновые рукописи статей «<О трагедии Олина “Корсер”>» (ПД 297) и «<Возражение на статью “Атenea”>» (ПД 301) и письма к Е. М. Хитрово от 6 и 10 февраля 1828 года (ПД 492, ПД 493) и к П. А. Осиповой от начала марта 1828 года (ПД 495).

³⁴ В черновом автографе: «непредвиденных и благоприятных обстоятельств» (XI, 336).

³⁵ Историю публикации «Бориса Годунова» см. подробнее: *Ларионова Е. О.* «Борис Годунов»: Проблема критического текста // Пушкин и его современники. СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 279–302.

В пользу последнего утверждения говорит то, как изменяется от набросков к письму оценка Пушкиным своей трагедии. В наброске <2> Пушкин еще со сдержанным оптимизмом относится к будущему успеху «Бориса Годунова» («Хотя успех “Полтавы” ободряет меня...» — АПСС. Т. 7. С. 93), в наброске <3> — со скепсисом («неудача “Бориса Годунова” будет мне чувствительна», а я в ней почти уверен» — Там же), в письме же о несвоевременности и литературной «неуместности» «Бориса Годунова» говорится как о вопросе практически решенном («Я начал подозревать, что трагедия моя есть анахронизм» — XI, 67). В набросках Пушкин связывает с успехом или неуспехом трагедии реформу русской сцены и ход романтических преобразований в современной русской литературе («Боюсь, чтоб собственные ее недостатки не были бы отнесены к романтизму — и чтоб она тем самым не замедлила хода —»; «Но, признаюсь искренно, успех драмы моей огорчил бы меня, ибо я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедий Расина и что всякий неудачный опыт может замедлить преобразование нашей сцены» — АПСС. Т. 7. С. 93, 94), в письме отрицается сама возможность этих преобразований («...Я начал подозревать, что я жестоко обманулся, думая, что в нашей словесности обнаружилось стремление к романтическому преобразованию»; «Нововведения опасны и, кажется, ненужны» — XI, 67, 68). В набросках речь идет о принятом решении «выдать в свет» «Бориса Годунова», в письме Пушкин уже почти готов отказаться от этого намерения (ср. в черновом автографе: «Ваше нетерпение видеть его напечатанным для меня лестно, но признаться я не думаю так еще скоро выдать в свет мою трагедию» — XI, 336).

Наращение пушкинского пессимизма к концу 1829 года можно, думается, связать с читательской рецепцией «Полтавы», казавшейся Пушкину скорее отрицательной и вызывавшей у него болезненную реакцию. «Полтава», произведение с выраженным драматическим началом, в котором решалась драматургическая по природе задача «развить и объяснить настоящий характер» исторического лица,³⁶ следовавшая «истинному правилу трагедии» — «правдоподобию положений и правдивости диалога»,³⁷ продолжавшая в творчестве Пушкина линию «Бориса Годунова» и свидетельствовавшая о дальнейшем развитии

³⁶ Предисловие Пушкина к отдельному изданию поэмы 1829 г. (V, 335).

³⁷ «La vraisemblance des situations et la vérité du dialogue — voilà la véritable règle de la tragédie» — выражение из письма Пушкина к Раевскому 1825 года (XIII, 197).

пушкинского шекспиризма, рассматривалась критиками и публикой преимущественно в дилемме классицизма и романтизма, приравненного к байронизму ранних пушкинских поэм. Неудача «Полтавы» предсказывал непонимание «Бориса Годунова».³⁸ Возможно также, что именно читательским приемом «Полтавы» вызван в пушкинском письме пассаж, где он отмежевывается от дефиниций, утвердившихся в литературном сознании эпохи: «...какуюсь, что я в литературе скептик (чтоб не сказать хуже) и что все ее секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону».³⁹ Обряды и формы должны ли суеверно поработать литературную совесть?» (XI, 66).⁴⁰

Обратимся теперь к предположительному адресату письма. Издатель журнала «Московский вестник» М. П. Погодин мало подходит на эту роль.⁴¹ Было бы странно со стороны Пушкина, во-первых, адресовать слова «Вы читали в 1 кн. “М<осковского> в<естника>” отрывок из “Бор<иса> Год<унова>”, сцену летописца» редактору журнала, эту сцену напечатавшего, во-вторых, жаловаться на то, что никто не понял характер Пимена, «трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании» (XI, 68), и никак не упоминать восторженный отзыв о сцене в «Обзрении русской словесности за 1827-й год» С. П. Шевырева, только что появившийся в № 1 «Московского вестника» за 1828 год.⁴²

³⁸ О шекспиризме «Полтавы» см.: Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2020. Вып. 4: П–Р. С. 244–246 (статья Е. О. Ларионовой).

³⁹ Далее в черновом автографе следовала фраза, опущенная при переборке: «Ужели невозможно быть истинным поэтом, не будучи ни закоснелым классиком, ни фанатическим романтиком?» (XI, 337).

⁴⁰ Последний фрагмент пушкинского письма («Хотите ли знать, что еще удерживает меня от напечатания моей трагедии? Те места, кои в ней могут подать повод применения<м>, намек<ам>, allusions...» и т. д.) также предположительно мог быть вызван «применениями» «Полтавы», читавшейся на фоне декабрьского восстания 1825 года, современных русских побед в Персии и Турции и пушкинских «Стансов» («В надежде славы и добра...», 1826).

⁴¹ Версия, что письмо могло быть адресовано Погодину, кажется, принадлежит Б. А. Модзалевскому (см.: *Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. А. Модзалевского. М.: А., 1928. Т. 2. С. 234*), сохранившему, однако, в своем издании адресацию письма Н. Н. Раевскому (см. ниже).

⁴² «Но всего важнее, всего утешительнее появление сцены из “Бориса Годунова” между Пименом и Григорием, которая сама в себе представляет целое, особое произведение. В тесных границах непродолжительного разговора изображен не только характер летописца, но и вся жизнь его. Это создание есть неотъемлемая собственность поэта, и что еще отраднее — поэта русского, ибо характер Пимена носит на себе благородные черты народности» (цит. по: Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб., 2001. С. 35).

Вообще же Пушкин пишет так, словно обращается к человеку, с произведением не знакомому, во всяком случае, не знакомому вполне (тогда как Погодин хорошо знал полный текст).

П. А. Ефремов в издании 1882 года поместил письмо «Благодарю вас за участие...» в корпус переписки, указав на «соотношение» его с письмами к Н. Н. Раевскому 1825 и 1829 годов и высказав мнение, что оно также адресовано Раевскому.⁴³ Эта адресация была впоследствии принята П. О. Морозовым,⁴⁴ В. И. Сантовым в издании «Переписки Пушкина»⁴⁵ и, правда уже с большими оговорками, Б. А. Модзалевским.⁴⁶ Учитывая прослеженный «генезис» письма, нам эта адресация кажется очень вероятной.

Итак, первые четыре из семи так называемых «<Набросков предисловия к «Борису Годунову»>», как нам представляется, не могут быть отнесены к замыслу предисловия к трагедии. Написанные во второй половине 1829 года, они как бы «поглощаются» письмом «Благодарю вас за участие...». Оно, следуя нашим рассуждениям, должно быть датировано серединой — второй половиной ноября 1829 года, исходя из верхней датировки наброска <4> и датировки французских набросков <5> и <6>, к которым мы теперь обратимся.

Два французских наброска (<5> и <6>) записаны в рабочей тетради ПД 842 на листе 4, то есть вскоре после того, как эта тетрадь была заведена Пушкиным после возвращения в Петербург (9 или 10 ноября 1829 года). Наброски записаны не одновременно. Сначала в верхней части листа, в ходе последовательного заполнения тетради, появился <5>; перо и чернила совершенно сходны с за-

⁴³ Пушкин А. С. Соч. / Под ред. П. А. Ефремова. М., 1882. Т. 7. С. 273; то же в двух последующих изданиях под редакцией Ефремова — 1887 и 1903 годов.

⁴⁴ Пушкин А. С. Соч. и письма / Под ред. П. О. Морозова. СПб., 1903. Т. 3. С. 247; Т. 7. С. 173–174.

⁴⁵ Пушкин А. С. Соч.: Переписка / Под ред. и с примеч. В. И. Сантова. СПб., 1908. Т. 2. С. 15–22.

⁴⁶ Пушкин А. С. Письма. Т. 2. С. 29–33; 234–235. Модзалевский писал: «Это письмо лишь предположительно можно отнести к Н. Н. Раевскому, как лишь предположительно его можно считать и вообще письмом, а не наброском журнальной статьи в форме письма» (Там же. С. 234). П. А. Ефремов и П. О. Морозов датировали письмо 1827 годом, на основании того что, упоминая № 1 «Московского вестника», Пушкин не указывает года журнала; В. И. Сантов и Б. А. Модзалевский — мартом—апрелем 1827 года (основываясь на ошибочных представлениях о цензурной истории «Бориса Годунова» и произвольном допущении, что «Раевский, бывший тогда на Кавказе, успел прочесть помещенную в 1-м № Московского вестника» (он вышел 1 января) «сцену в келье», а Пушкин успел получить письмо Раевского, написанное по этому поводу, и сбросил на него ответить; в мае же месяца поэт уже сам стал мечтать о поездке на Кавказ к Н. Н. Раевскому» (Там же. С. 234–235).

писями «Медока», открывающего эту тетрадь, и с началом поэмы «<Тазит>» на листе 5. Несколько позднее на свободной части листа был записан набросок <6>. Само их расположение на одном листе друг за другом говорит, однако, что они фиксируют два «приступа» к одному и тому же тексту. В обоих набросках имеются переключки с письмом «Благодарю вас за участие...» (так называемым «<Письмом к издателю “Московского вестника”>»). В наброске <5> Пушкин выражает уверенность, что его новая авторская «манера» не встретит понимания у читателей: «Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue. — Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie» (АПСС. Т. 7. С. 95).⁴⁷ Набросок <6> содержит прямое указание на текст письма, выраженное обычной пушкинской пометой «etc.»:

«<Письмо к издателю
“Московского вестника”>»

<6>

С 1820 года будучи удален от московских и петербургских обществ, я в одних журналах мог наблюдать направление нашей словесности. Читая жаркие споры о романтизме, я вообразил, что и в самом деле нам наскутила правильность и совершенство классической древности и бледные, однообразные списки ее подражателей... <...> Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования... <...> ...я начал подозревать, что я жестоко обманулся, думая, что в нашей словесности обнаружилось стремление к романтическому преобразованию (XI, 66–67).

Lorsque j'écrivais cette tragédie, j'étais seul à la campagne, ne voyant personne, ne lisant que les journaux etc. — d'autant plus volontiers que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scène; je vis que j'étais dans l'erreur (АПСС. Т. 7. С. 95).⁴⁸

Наброски <5> и <6>, таким образом, видимо, написаны после письма «Благодарю вас за участие...». При этом их вряд ли также

⁴⁷ Я не гонюсь за благосклонностью моды. — Я добровольно покидаю ряды ее любимцев и смиренно благодарю за ту благосклонность, с какой она встречала мои слабые опыты в течение десяти лет моей жизни (франц.).

⁴⁸ Когда я писал эту трагедию, я был один в деревне, никого не видал, читал одни журналы и т. д. — тем охотнее, что я всегда полагал романтизм единственно пригодным для нашей сцены; я убедился, что ошибался (франц.).

можно определить как наброски предисловия к трагедии: набросок <6> завершается утверждением: «J'éprouvais une grande répugnance à livrer au public ma tragédie — je voulais au moins la faire précéder d'une préface et la faire accompagner de notes. — Mais je trouve tout cela fort inutile» (АПСС. Т. 7. С. 95).⁴⁹ Здесь, кроме французского варианта «неудобной» для предисловия фразы из набросков <2> и <3>, содержится прямой отказ от предисловия. Реконструируя последовательность заполнения тетради ПД 842, Я. Л. Левкович уже высказала предположение, что набросок <6> является заготовкой письма к Н. Н. Раевскому. Однако исследовательница традиционно относила второе французское письмо Пушкина к Раевскому к 1829 году, поэтому набросок <6> получил у нее следующее объяснение: «В 1830 г., решив выпустить трагедию без предисловия, он должен был объяснить — очевидно, тому же Раевскому — свой отказ».⁵⁰ Для иного взгляда на связь этих текстов следует остановиться на втором французском письме Пушкина к Н. Н. Раевскому.

Проблема его датировки связана с невнятной пушкинской пометой под текстом: «1829 / [S. Pб.] 30 j<нрзб>». Таким образом, указание на Санкт-Петербург как место написания зачеркнуто, а месяц написан неразборчиво, возможны чтения: janvier (январь), juin (июнь) или juillet (июль). П. В. Анненков, публикуя впервые это письмо, колебался между январем и июнем 1829 года: «...мы теперь имеем одно только несомненное указание года, а указания места и числа недостает. С равной основательностью можно думать, что Пушкин написал его до отправления в Арзрум, когда он был в Петербурге, или в самом Арзруме, где он находился в июне месяце 1829».⁵¹ В. П. Гаевский, В. И. Срезневский, В. И. Саитов и Б. Л. Модзалевский читали месяц как «janvier» (январь),⁵² в «большом» академическом собрании сочинений была принята двой-

⁴⁹ Я испытывал великое отвращение, оттого что моя трагедия будет представлена публике, — я хотел по крайней мере предварить ее предисловием и сопроводить примечаниями. — Но нахожу все это совершенно бесполезным (франц.).

⁵⁰ Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 842 // Пушкин: Исследования и материалы. А., 1991. Т. 14. С. 154.

⁵¹ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. С. 133. Чтение «juillet» Анненковым не рассматривалось.

⁵² См.: Гаевский В. П. Из пушкинской переписки: Письма Пушкина о «Борисе Годунове» // Вестник Европы. 1881. № 2. С. 649; Срезневский В. И. Автографы Пушкина, поступившие в библиотеку Императорской Академии наук в 1903 году // Пушкин и его современники. СПб., 1904. Вып. 2. С. 9; Пушкин А. С. Соч.: Переписка. Т. 2. С. 86; Пушкин А. С. Письма. Т. 2. С. 63, 331.

ная дата.⁵³ Б. В. Томашевский и Ю. Г. Оксман, оба исключившие это письмо из корпуса переписки, вернулись к дате «30 января 1829».⁵⁴

Дату «30 июня 1829», несомненно, следует отвергнуть, как время личного общения Пушкина с Раевским, когда писать развернутое письмо о трагедии не было надобности. Однако дата «30 января 1829» тоже неприемлема, поскольку письмо по содержанию вообще не подходит к 1829 году. Первая его фраза («Вот моя трагедия, раз уж вы непременно хотите ее иметь...» — XIV, 46, 395; ориг. по-франц.) предполагает, что вместе с письмом Раевскому посылается рукопись «Бориса Годунова». Экземпляр трагедии, с которым Пушкин был бы готов (даже и временно) расстаться, мог у него оказаться только после 21 января 1830 года, когда Бенкендорф возвратил ему поданные в III Отделение на повторную высочайшую цензуру переписанный исправленный текст «Бориса Годунова» и первоначальную рукопись «михайловской» редакции. То, что Пушкин собирался послать Раевскому именно «михайловскую» рукопись, сохранив у себя более поздний, переработанный текст, следует из его оговорки по поводу «площадного» стиля некоторых сцен: «...что касается грубых непристойностей, не обращайтесь на них внимания: это писалось наскоро и исчезнет при первой же переписке» (Там же).⁵⁵ В подготовленной в 1829 году рукописи эти места, несомненно, уже были смягчены. Что же касается авторской даты «1829» под текстом письма, то ее следует считать опiskeй, вполне понятной в январе 1830 г. В пользу этого предположения, как нам представляется, говорит и исправление в помете: Пушкин замечает

⁵³ «30 января или 30 июня 1829 г. Петербург или Арзам» (XIV, 46). Из положения в корпусе относительно других писем можно заключить, что редакция (подготовка текста Д. П. Якубовича, редактор тома Н. В. Измайлов) склонялась к дате «30 июня 1829», впоследствии принятой также Я. А. Левкович (см.: Левкович Я. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД, № 842. С. 154) и в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» (Т. 3. С. 74).

⁵⁴ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. С. 163; здесь и во всех переизданиях десятитомника под редакцией Б. В. Томашевского напечатано в составе набросков предисловия к «Борису Годунову»; Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. С. 295; здесь помещено под заглавием «Письмо о "Борисе Годунове"» в том «Критика и публицистика» с мало обоснованным пояснением: «Статья эта является литературной переработкой неоправленного письма к Н. Н. Раевскому, написанного летом 1825 г.» (Там же. С. 534).

⁵⁵ Это касается некоторых выражений в прозаических сценах «Корчма на литовской границе» и «Равнина близ Новгорода-Северского». Вторую сцену Пушкин, кстати, точно не читал Раевскому при их свидании летом 1829 года: в авторизованной копии ПД 892, сделанной в Москве осенью 1826 года, — единственной рукописи «Бориса Годунова», которая могла быть у Пушкина с собой во время кавказской поездки, — переписаны только начальные реплики (описание копии см.: АПСС. Т. 7. С. 578–579).

ошибку, но случайно вычеркивает указание на место (которое, казалось бы, трудно перепутать) вместо указания на год. Таким образом, нам представляется возможным датировать это письмо 30 января 1830 года (в июне или июле ошибка в годе представляется маловероятной, да и ситуация с предисловием к трагедии получила некоторое развитие, о чем будет сказано ниже). В этом письме Пушкин прямо говорит об отказе в данный момент писать предисловие («Создавая моего "Годунова", я размышляя о трагедии — и если бы вздумал написать предисловие, то вызвал бы скандал...»), хотя не исключает в принципе для себя такой возможности («Прошу вас, сохраните его, так как оно мне понадобится, если черт меня попутает написать предисловие». — XIV, 48, 396; ориг. по-франц.).

Линейка текстов, начатая 19 июля 1829 года, завершается 30 января 1830 года. Первые шесть набросков, напечатанные в томе нового собрания сочинений Пушкина после текста «Бориса Годунова», не имеют отношения к якобы готовившемуся Пушкиным предисловию. Все они так или иначе, по нашему мнению, связаны с эпистолярным обращением Пушкина к Н. Н. Раевскому. Конечно, этот замысел носил программный характер, как свидетельствуют оба его более или менее развернутых варианта, русский («Благодарю вас за участие...») и французский (письмо от 30 января 1830 года), почти полностью лишенные характеристик частного письма (включая и традиционное обращение к адресату). Однако можно с уверенностью сказать, что он не предполагал публикации.

Последний набросок <7> («*Pour une préface...*») должен быть вообще исключен из нашего рассмотрения. В новом издании он обоснованно датирован второй половиной 1835-го — 1836 годом (см.: АПСС. Т. 7. С. 731) и напечатан в числе предполагаемых набросков предисловия лишь по некоторой издательской «инерции». Он, действительно, предназначался «для предисловия», но предисловия к чему? Во всяком случае, из его текста никак не следует, что речь идет о «Борисе Годунове».

Ни письмо, ни трагедия не были посланы Раевскому.³⁶ Возможно, Пушкин не очень понимал, где в настоящее время находится

³⁶ Это подтверждается и тем, что «михайловская» рукопись, которую Пушкин планировал послать с письмом, в какой-то момент оказалась у барона Е. Ф. Розена, который 19 июля 1831 года писал С. П. Шевыреву, что перевел всю трагедию «с рукописи автора» (Из бумаг Степана Петровича Шевырева // Русский архив. 1878. Кн. 2. № 5. С. 47). Перевод Розена неизвестен, но из отрывков, впоследствии включенных в его статью о «Борисе Годунове» в «Dorpat. Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst, besonders Russland» (Dorpat, 1833. Bd. 1), два — песня Ксении и сцена «Ограда монастырская» — указывают именно на «михайловскую» редакцию трагедии.

адресат. 24 марта 1830 года из Москвы Пушкин испрашивал через Бенкендорфа высочайшего разрешения, если Раевский придет в Полтаву, навестить его там, но получил отказ (XIV, 73, 75, 403–404; ориг. по-франц.).

В заключение следует сказать о том, как развивалась тема предисловия к трагедии дальше. 4 или 5 мая 1830 года Пушкин, получив наконец позволение печатать «Бориса Годунова» под своей личной ответственностью, спрашивает Плетнева: «Милый! победа! Царь позволяет мне напечатать *Годунова* в первобытной красоте... <...> Думаю написать предисловие. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично ли мне, Ал<ександру> Пушкину, являясь перед Россией с Борисом Годуновым, заговорить об Фаддее Булгарине? кажется, неприлично. Как ты думаешь? реши». В этом же письме Пушкин отвечает на предложенные Плетневым в письме от 29 апреля 1830 года условия договора с А. Ф. Смирдиным: уступить Смирдину право на все ранее изданные произведения на четыре года. «Заключай условия, какие хочешь, только нельзя ли вместо 4 лет 3 года — выторгуй хоть 6 месяцев. Не продать ли нам Смирдину и трагедию?» (XIV, 89–90⁵⁷). По-видимому, в связи с договором со Смирдиным в пушкинской рабочей тетради ПД 839 появляются два плана издания собрания сочинений, в первом из которых, написанном 12 или 13 мая 1830 года, фигурирует «Трагедия с *Notами* и предисл<овием>».⁵⁸ Можно полагать, что предисловие к трагедии на этом этапе мыслилось Пушкиным как полемический текст, и его желание «раздавить Булгарина» вполне понятно из обстоятельств последних месяцев: скандала вокруг булгаринского «Дмитрия Самозванца», в котором находили прямые заимствования из «Бориса Годунова», появления в «Северной пчеле» пасквильного «Анекдота» (11 марта 1830) и разгромной рецензии на седьмую главу «Евгения Онегина» (22 марта и 1 апреля 1830).⁵⁹ Однако это намерение не встретило отклика у Плетнева: «Важность предисловия должна гармонировать с самою трагедиею, что можно сделать только ясным и верным взглядом на истинную поэзию драмы вообще, а не предикою из темы о блудном сыне Булгарине...» И далее Плетнев предлагал Пушкину план целого «трактата о Шекспире» (XIV, 93).

⁵⁷ Уточнение датировки предложено Я. А. Левкович (см.: Левкович Я. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 839: (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2003. Т. 16–17. С. 60–61).

⁵⁸ См.: Рукою Пушкина. С. 184–185; Левкович Я. А. Рабочая тетрадь Пушкина ПД 839: (История заполнения). С. 63.

⁵⁹ Подробнее см.: Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб., 2001. С. 450–452 (примеч. Е. О. Ларионовой).

Из дальнейшей переписки можно заключить, что в намерения самого Пушкина не входило никакое теоретическое объяснение и обоснование своей пьесы, однако он вполне допускал подобное предисловие. Только автором его должен был стать сам Плетнев. В письме к Плетневу из Болдина от 9 сентября 1830 года Пушкин пишет: «Что моя трагедия? я написал маленькое элегическое предисловие, не прислать ли тебе его? Вспомни, однако ж, что ты обещал мне свое: дельное, длинное» (XIV, 113). «Маленькое элегическое предисловие», написанное Пушкиным, до нас не дошло, и усилия разных исследователей примерить к этому определению тот или иной из семи рассмотренных выше набросков следует признать бесперспективными. Как нам представляется, оно было связано с посвящением трагедии Жуковскому, от чего Пушкин в последний момент отказался. Около 29 октября он писал Плетневу из Болдина: «Я хотел ее посвятить Жуковскому со следующими словами: я хотел было посвятить мою трагедию Карамзину, но так как нет уже его, то посвящаю ее Жуковскому. Дочери Карамзина сказали мне, чтоб я посвятил любимый труд памяти отца. Итак, если еще можно, то напечатай на заглавном листе

Драгоценной для Россиян
памяти
Николая Михайловича
Карамзина...»
и т. д. (XIV, 118)

Е. О. Ларионова

«ЧТО-ТО СЛЫШИТСЯ РОДНОЕ...» О пушкинских стилизациях народных песен

В 1831 году А. С. Пушкин с С. А. Соболевским задумывали издать собрание русских народных песен. Спустя четыре года, передавая П. В. Киреевскому свои записи, Пушкин предупредил: «Там есть одна моя, угадайте!»¹ Из этих песен — с примечанием: «Нельзя ручаться, чтоб эта песенка не была составлена самим Пушкиным», — П. В. Анненковым была напечатана такая:

¹ Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851–1860 годах / Вступ. ст. и примеч. М. А. Цявловского. [Л.], 1925. С. 53.

Уродился я несчастлив, бесталанлив:
 Приневомили меня, малёшенька женили;
 Молода была жена, я глупенек,
 Стал я молодцем — жена стала старенька.
 Полюбилась мне молодка молодая,
 Иссушила мое сердце ретивое.
 Как вечер меня молодка огорчила,
 Мне несносную насмешку насмеяла:
 — Отступися, мне сказала, отвяжися,
 У тебя своя жена, с ней и целуйся! —
 Во бору ли, во сыром ли стук, треск:
 Бурлачки сосну подрубливают,
 Подрубливают, поваливают;
 Из сыра бора по дугу волокут,
 По крутому бережку покатывают,
 Середь лодочки устанавливают,
 Тонкий парус навешивают,
 Уплывают вниз по Волге по реке.
 Вы постойте, добры молодцы, погодите,
 Вы с собой меня возьмите, посадите,
 Разлучите с опостылой со женою.²

В подтверждение авторства Пушкина можно добавить следующие соображения:

— зачин песни не только перекликается с таковым в одной из «Песен западных славян» («Соловей»), — но и с характерным бытовым обычаем, отраженным в «Истории села Горюхина»: «Мужчины женивались обыкновенно на 13-м году на девицах 20-летних. Жены били своих мужей в течении 4 или 5 лет. После чего мужья уже начинали бить жен; и таким образом оба пола имели свое время власти, и равновесие было соблюдено» (VIII, 136). О крестьянском обычае ранних браков упоминала и няня Татьяна: «Мой Ваня / Моложе был меня, мой свет, / А было мне тринадцать лет» (VI, 59).

² Пушкин А. С. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1857. Т. 7. С. 97. Н. О. Лернер считал эту песню подлинно пушкинской, с чем согласился Б. В. Томашевский и В. И. Чернышев. Но это вызвало возражение у М. Н. Сперанского, чью точку зрения принял М. А. Цявловский (см.: Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. 2-е изд. / Отв. ред. Я. А. Левкович, С. А. Фомичев. М., 1997. С. 408). Между тем возражения Сперанского, кратко сформулированные в примечании к его статье, никак нельзя признать основательными (см.: Сперанский М. Н. К вопросу о песнях, записанных Пушкиным // Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. 38–39. С. 97–98).

— в концовке же данной песни воссоздана контрастная — по сравнению с народной песней «Ах ты молодость, молодость...» — картина, где муж почему-то отправлял на сооруженном корабле жену любимую, что определяло несколько странную концовку:

...А уж корабль бежит, как сокол летит,
А жена то сидит, точно барыня.
Уж я вскрикну ли громким голосом:
«Воротись, жена, моя барыня,
А мы будем жить лучше прежнего,
А я буду любить лучше старого!»
— Не обманывай ты, распостылый муж!
Что не греть солнцу зимой против летнего,
Не светить месяцу летом против зимнего,
Не любить тебе меня пуше прежнего!³

* * *

Одним из ранних подражаний народной песне у Пушкина стало стихотворение:

В твою светлицу, друг мой нежный,
Я прихожу в последний раз.
Любви счастливой, безмятежной
Делю с тобой последний час.
Вперед одна в надежде томной
Не жди меня средь ночи темной,
До первых утренних лучей
Не жги свечей...

В таком виде стихотворение напечатано В. Е. Якушкиным⁴ и в Большом академическом Полном собрании сочинений Пушкина (см.: II, 230), где совмещены беловой автограф первого четверостишия (ПД 830, л. 49 об.) и окончательный текст второго четверостишия из чернового автографа (ПД 831, л. 42 об.). В новом академическом издании в основном корпусе напечатано лишь первое четверостишие (АПСС. Т. 2. Кн. 2. С. 147), а редакционная сводка (не вполне точная)⁵ чернового автографа

³ Рукою Пушкина. С. 398.

⁴ См.: Якушкин В. Е. Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцовском музее в Москве // Русская старина. 1884. № 4. С. 99.

⁵ Третья строка здесь напечатана «Утех отрады безмятежной», в противовес окончательной правке: «Любви отрады безмятежной».

помещена в составе вариантов (Там же. С. 448). Казалось бы, такое решение вполне корректно. Но полный текст стихотворения все же теряется в корпусе черновиков, а между тем Н. О. Лернер справедливо считал:

Стихотворение не закончено поэтом, но и в неотделанном наброске оно поражает художественной цельностью, гениальной простотой, теплотой и нежностью. По-видимому, в нем говорится о разлуке, предстоящей влюбленным, и чувство щемящей тоски превосходно выражено тем, что последний стих жалобно обрывает пьесу, — словно внезапно порвалась струна...⁶

Топос зажженной свечи — знак ожидания девицей своего любимого. Как в народной песне, так и в литературных обработках ее темы чаще всего воссоздавалась ситуация разрыва любовных отношений — по вине «добра молодца». Наиболее полный свод подобных источников, которые могли быть известны, дан А. С. Лобановой.⁷ Следует предложить некоторые уточнения в комментарий пушкинского стихотворения.

Автограф его в Первой кишиневской тетради (ПД 831) твердо датируется началом июня 1821 года и украшен мужским и двумя женскими портретами, в которых можно по сходству с атрибутированными портретами в той же тетради⁸ угадать Н. С. Алексева и М. Е. Эйхфельдт.

В. В. Вересаев писал:

Н. С. Алексеев был в связи с хорошенькой молдаванкой Марией Егоровной Эйхфельдт, рожденной Мило, прозванной за восточный тип лица «еврейкою». Муж ее был чиновник горного ведомства, сухой и ученый немец, флегматик, равнодушный ко всему и к самой жене своей и неравнодушный только к пуншу; он любил засесть с знакомым за столик с поставленным чайником и бутылкой рома. Алексеев крепко любил г-жу Эйхфельдт; чтобы не разлучаться с нею, он отвергал выгодные места в Одессе, лишь бы оставаться в Кишиневе. Пушкина он из ревности боялся познакомить со своею возлюбленной. По этому поводу

⁶ Лернер Н. О. Примечания к стихотворениям 1821 года // Пушкин А. С. [Полн. собр. соч.] / Под ред. С. А. Венгерова, СПб., 1908. Т. 2. С. 584–585. Далее Лернер указал на сходство пушкинского наброска со стихотворением Н. Г. Цыганова, автора русских песен, которые «еще живут в народе».

⁷ См.: Лобанова А. С. Об источнике и замысле одного пушкинского фрагмента // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1993. Вып. 25. С. 114–121.

⁸ См.: Жуйкова Р. Г. Портретные рисунки Пушкина: Каталог атрибуций. СПб., 1996. С. 73–74, 375–376. № 104–106, 856–858.

написано послание к нему Пушкина: «Мой милый, как несправедливы твои ревнивые мечты». В послании этом двадцатидвухлетний Пушкин уверяет друга, что для него, Пушкина, ленивого и равнодушного уже «прошел веселый жизни праздник», что он «позабыл любви призывы» и что над ним уже не властен томный взор и приветный лепет красавиц молодых. Пушкину, однако, удалось познакомиться с г-жою Эйхфельдт, и ревнивому Алексееву пришлось переживать неприятные минуты. Впоследствии он напоминал Пушкину их «дружеское соперничество и незлобное предательство» и писал: «...несмотря на названия “лукавого соперника” и “черного друга”, я могу сказать, что мы были друзья-соперники и жили приятно!»⁹

Можно предположить, что поводом для создания стихотворения «В твою светлицу, друг мой нежный...» послужило решение властей о переводе (с повышением) Н. С. Алексеева на службу в Одессу, им, однако, отвергнутое, к неудовольствию Пушкина, также увлеченного очаровательной Марией.

Образцом для Пушкина послужила народная песня:

Дорогая моя хорошая
Ты душа ль моя красна девица,
Моя прежняя полюбовница,
Не сиди, мой свет, долго вечера,
И не жги свечи воску ярова,
Ты не жди меня до бела света;
Я задумал, мой свет, жениться,
Я приехал к тебе проститься;
За любовь твою поклонится.¹⁰

Едва ли справедливо мнение, что стихотворение не было окончено. Пушкин попросту не считал нужным указывать причину разлуки влюбленных. Показательно, что в обработке того же сюжета в русской песне М. И. Глинки также «последний стих жалобно обрывает пьесу, — словно внезапно порвалась струна»:

Ах ты, душечка, красна девица,
Не сиди ты в ночь под окошечком,
Ты не жги свечи воску ярого,
Ты не жди к себе друга милого,
Ты не жди.¹¹

⁹ Вересаев В. В. Спутники Пушкина. М., 1993. Т. 1. С. 257.

¹⁰ Собрание разных песен М. Д. Чулкова. М., 1770. Ч. 1. С. 167–168. № 157.

¹¹ Глинка М. И. Полн. собр. романсов и песен. Л., 1955. С. 332.

* * *

В третью главу «Евгения Онегина» была включена шаловливая «Песня девушек», нарушая — в большей степени, нежели «Письмо Татьяны», — строгую строфическую структуру произведения. Песня иронически предварена описанием барского наказания и явно не соответствует переживаниям героини перед ее встречей с возлюбленным.¹²

В саду служанки, на грядках,
Сбирали ягоды в кустах
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели,
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!)

Песня девушек

Девицы, красавицы
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь, девицы,
Разгуляйтесь, милье!
Затяните песенку,
Песенку заветную,
Заманите молодца
К хороводу нашему,
Как заманим молодца,
Как завидим издали,
Разбежимся, милье,
Забросаем вишеньем,
Вишеньем, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Песенки заветные,
Не ходи подсматривать
Игры наши девичьи.

(VI, 71–72)

Можно увидеть противоречие в самом сюжете песенки, которая поется для того, чтобы заманить добра молодца, а заканчивается его шутивным наказанием — забрасыванием ягодами, сохранность которых была предусмотрена барским приказом.

¹² Поэтому Пушкин намечал было заменить эту песню грустной «Вышла Дуня на дорогу...».

Отмечено: «Если принять во внимание также то, что “Песня...” напоминает хороводную, а такие песни отличаются драматическим элементом (пение сопровождается показом, действием), что сближает песню с игрой, то получается, что девушки изображают своеобразный ритуал обольщения, приворота и одновременно признания в любви <...>. Можно сказать, что “Песня девушек” дает Татьяне образец любовного поведения, отличный от знакомого ей: няни и ее матушки. И совсем не схожий с поведением самой Татьяны. В этот момент юная героиня не внемлет уроку».¹³

Можно вспомнить, что в южные поэмы также включались песни, усугубляя их местный, инонациональный колорит. Простонародная же «Песня девушек» контрастно оттеняет обычаи «полупросвещенных европейцев». Показательна в этом отношении строфа XXXV второй главы романа. В современных изданиях она публикуется по беловому автографу полностью:

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицын, когда народ
Зевая слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три;
Им квас как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.

(VI, 47)

В прижизненных же изданиях романа эта строфа выглядела иначе:

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на маслянице жирной
Водились русские блины.

.....

¹³ Вольская Е. Я. Песня девушек // Онегинская энциклопедия: В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 270–271. См. также: Альми И. Л. О приеме песенных вставок в романтических поэмах и в «Евгении Онегине» // Болдинские чтения. Нижний Новгород, 1993. С. 86–97.

.....
.....
.....
.....
.....
.....

Им квас, как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.¹⁴

Цензуру могла бы насторожить лишь строка «Зевая слушает молебен», но Пушкин не случайно предпочел выкинуть половину строфы.

Мастерская стилизация Пушкина не прижилась в фольклоре — возможно, потому что была напечатана в контексте большого произведения.

С. А. Фомичев

¹⁴ Пушкин А. С. Евгений Онегин: Роман в стихах. СПб., 1833. С. 62.

IV. ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

РУССКАЯ ГОФМАНИАНА

I.
Е. Р. ОБАТНИНА

РЕМИЗОВ И ГОФМАНЫ¹

Биография Модеста Людвиговича Гофмана (1887–1959) связана со значительными явлениями отечественной литературы первой половины XX века. Его имя прочно вписано в историю русского символизма, пушкиноведения, непосредственно в историю Пушкинского Дома и в континуум русского зарубежья. Обстоятельства командировки Гофмана в столицу Франции в 1922 году, завершившейся эмиграцией, раскрыты в эталонной по историко-литературному вкладу публикации Т. И. Краснобородько «Письма М. Д. Гофмана к Б. А. Модзалевскому», в которой, в частности, при содействии Владимира Ростиславовича Гофмана были введены в научный оборот фрагменты парижского дневника его деда.²

В контексте русской литературной жизни за рубежом М. А. Гофман получил признание не только благодаря своей причастности к петербургской академической школе пушкинистов, но также как

¹ Автор статьи сердечно благодарит Владимира Ростиславовича Гофмана за помощь в подготовке настоящей публикации и предоставление ценных материалов семейного архива.

² Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть I (1904–1921) / Публ. Т. И. Краснобородько, при участии В. Р. Гофмана // Ежегодник Рукописного отдела на 2000 год. СПб., 2004. С. 180–238; Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть II (1922–1926) / Публ. Т. И. Краснобородько // Ежегодник Рукописного отдела на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 797–943.

литературный критик современной прозы и поэзии. Профессионального филолога с широким кругом знаний, автора литературоведческих очерков, посвященных специфическим особенностям русского символизма, с радушием принимали на страницах эмигрантской периодической печати.

В качестве «пролога» к нашему рассказу послужит случай, связанный с сотрудничеством Гофмана в журнале «Благонамеренный», который под редакцией Д. А. Шаховского был начат изданием в 1926 году. Содержание двух вышедших номеров показывает, что образованный здесь раздел под названием «Архив» формировался персонально для двух авторов-публикаторов — А. М. Ремизова и М. А. Гофмана.³ Известный писатель, приобщившись к русской зарубежной диаспоре, начиная с книги «Россия в письменах» — одной из первых, изданных в Берлине (1922), манифестировал идею сохранения живого народного языка. Так появился специфический жанр, основанный на композиционном приеме «текста в тексте» и представляющий читателю образцы письменной бытовой культуры XVI—XIX веков — от надписей на печных изразцах до семейной переписки и торговых соглашений. В свою очередь, филолог-архивист Гофман, до недавнего времени сотрудник Пушкинского Дома, обладал всеми профессиональными качествами специалиста по рукописному наследию пушкинской эпохи и подготовил для двух первых номеров «Благонамеренного» неизвестные материалы знаменитого парижского «музея» А. Ф. Онегина.⁴ Не менее продуктивно оба приглашенных автора проявили себя и как рецензенты современных эмигрантских изданий в разделе «Библиография», систематически печатаясь под узнаваемыми криптонимами «А. Р.» и «М. Г.».⁵

Если Ремизов, которому в журнале была отведена роль консультанта, был инициатором рецензирования отдельных книг, то Гофман, случалось, писал по заказу редакции. Сохранившаяся переписка подтверждает единодушие Шаховского и Гофмана в совместной работе, за исключением одного незначительного, на

³ См.: *Мартынов Г. Г.* Материалы к росписи содержания сериальных изданий русского зарубежья (после 1917 г.) // Петербургская библиотечная школа. 2003. № 3. С. 24—34.

⁴ Подробнее о работе Гофмана с материалами коллекции Онегина, а также историю передачи парижского «музея» в Пушкинский Дом см.: *Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть II (1922—1926).* С. 797—822.

⁵ См. также авторизацию публикаций Гофмана: *Шруба М.* Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе / Под ред. О. Коростелева. М., 2018. С. 268, 553—554.

*М. Л. Гофман. Фото 1935 г. Париж.
Архив В. Р. Гофмана. Публикуется впервые.*

первый взгляд, эпизода, который зафиксировал неожиданный сбой в налаженной работе.⁶ Так, для первого номера «Благонамеренного» ему выпало написать о творчестве недавно появившегося в Париже

⁶ См. письма Гофмана (1925–1926 гг.) в кн.: *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Биография юности: Установление единства. Париж, [1977]. С. 288.

поэта Дмитрия Кобякова, в конце 1925 года выпустившего под маркой своего издательства «Птицелов» книгу стихов под названием «Керамика: Тринадцать вещей 1924 года».⁷

Выбор редактора не вдохновил критика. Гофман подошел к поэтическому самовыражению новоявленного монпарнасса с меркой беспощадного литературного ригориста. Лакуна в переписке двух корреспондентов указывает на то, что Шаховской отреагировал на присланный вердикт попыткой смягчить общий тон критических суждений. В сохранившемся ответном письме Гофмана фактически прозвучал отказ от публикации уже написанной рецензии, который в латентной форме сопровождался заявлением о том, что его участие в разделе «Библиография» можно было считать досрочно завершенным: «Если Вы питаете слабость к Дм. Кобякову, — писал Гофман Шаховскому, — выбросьте мою рецензию о нем в свою корзину. Столько написал Вам, что теперь могу просить мою душу на покаяние — по крайней мере на год».⁸

Деликатность Шаховского по отношению к Кобякову, не вызвавшая сочувствия Гофмана (по всей вероятности, уже знакомого с экспансией этого поэта на собраниях парижского Клуба писателей⁹), — несомненно, была связана с авторитетом Ремизова, как мы уже упомянули, принимавшего деятельное участие в формировании литературно-эстетической платформы его издательского начинания.¹⁰ Имя Кобякова то и дело возникало в их переписке, из которой следовало, что поэт, имевший амбициозные

⁷ Подробнее о Д. Ю. Кобякове см.: *Соболев А., Тименчик Р.* Венеция в русской поэзии: Опыт антологии. 1888–1972. М., 2019. С. 713–716.

⁸ *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Биография юности. С. 300.

⁹ Д. Кобяков стал активистом Союза молодых поэтов и писателей, участвуя практически во всех творческих вечерах, организованных в зале Клуба писателей на rue Denfert-Rochereau, 79. Первое заседание, на котором присутствовал поэт, прошло 21 февраля 1925 г. В этот вечер М. А. Гофман прочел доклад «Три сосны русской поэзии» ([Б. п.] Клуб молодых литераторов // Последние новости (Париж). 1925. № 1480. 20 февр. С. 4). На организационном собрании Союза, состоявшемся 21 мая, Кобяков был утвержден в составе правления Клуба молодых литераторов. О двойственном отношении к Кобякову в кругах молодого поколения литераторов осталось немало свидетельств, в частности, дневники его сверстников: *Кнорринг И.* Повесть из собственной жизни: Дневник: В 2 т. / Подгот. текста Н. Н. Кнорринга, Н. М. Черновой; Вступ. ст., коммент. И. М. Невзоровой. М., 2009. Т. 1; *Софиев Ю.* Вечный юноша: Дневник. Алматы: Седьмая верста, 2012.

¹⁰ Подробнее см.: *Обатнина Е. Р.* Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая: «Эстетический разложение» // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 14–27.

планы на издательскую деятельность в Париже, был рекомендован в качестве потенциального союзника «Благонамеренного».¹¹ Ремизов настолько покровительствовал своему новому знакомому, что даже создал литературную легенду, согласно которой его молодой подопечный возводился в статус современного «носителя» исторической памяти.¹² Пассаж о Кобякове — потомке «поганого хана Кобяка» — исторической личности времен Золотой Орды, увековеченной на страницах «Слова о полку Игореве», открывал очерк Ремизова «Купчая», специально приготовленный для первого номера «Благонамеренного». Упомянув о преследователе князя Святослава, Ремизов писал:

...последний в роде, последний поганый хан Кобяк, поэт Дмитрий Кобяков не серым волком по степи рыщет, а в Париже на железной дороге на товарной станции сцепщик вагонов, и так черный-половчанин! — а от мазута, копоти и пыли что уж чернее не бывает, и дети зовут его гаалчком, ныряет под вагонами со своими стихами.¹³

Шаховскому, движимому идеей объединения традиции и новаторства, литературной классики и новых явлений, импонировал художественный прием писателя, однако отзыв Гофмана о книге стихов Кобякова явно вступал в противоречие с созданным в «Купчей» образом талантливого поэта с древней родословной. Дилемма дипломатического свойства не могла не встать перед редактором: отказаться от рукописи Ремизова невозможно, но и пренебречь мнением рецензента, рискуя потерять дружеское расположение известного филолога, также недопустимо.

Как подтверждается содержанием первого номера «Благонамеренного», в безвыходной, казалось бы, ситуации было принято паллиативное решение, продиктованное, скорее, уважением к замыслу Ремизова о связи современности и давних исторических времен, чем милосердием к его protégé. Рецензия Гофмана появилась в разделе «Библиография» в виде литературной реплики, подпи-

¹¹ См. об этом: *Обатнина Е. Р.* К истории русской зарубежной печати: Идейный вектор журнала «Ухват» — неявное и очевидное // *Литературный факт.* 2021. № 3 (21). С. 280–282.

¹² С легкой руки Ремизова поэт приобрел и литературное имя, которым подписывал свои авторские сборники: Дмитрий Кобяков. См. подробнее: *Обатнина Е. Р.* Дмитрий Кобяков и Алексей Ремизов: Свойства памяти // *Сборник трудов по материалам конференции «Emigrantica продолжается»: Памяти О. А. Коростелева»* (в печати).

¹³ *Ремизов А.* Россия в письменах: Купчая. 1742–1746 // *Благонамеренный* (Брюссель). 1926. № 1. С. 135–136.

санной криптонимом «Р. Г.».¹⁴ Заметка начиналась с многоточия и содержала в себе прозрачный для парижских поэтов намек на одну из недавно выпущенных в свет поэтических «тетрадей» (подсказкой здесь служило упоминание о «тринадцати» стихотворениях). Никому не известный критик, пользуясь пространством цитированием стихотворных перлов из сборника «Керамика», категорически и хладнокровно вынес карающий приговор новому поэтическому дарованию:

...хочу сказать несколько, очень немного, слов, не называя ни ее (имеется в виду название поэтической «тетради», — Е. О.), ни имени автора, дабы не заставлять краснеть лишний раз в случае, если он когда-нибудь станет грамотнее (впрочем, на это, кажется, мало надежды). Стихи тяжелые, скучные, нудные, аритмичные, агармоничные, амелодичные <...> в таких плохих стихах бросается в глаза грозное явление современности, которое мы подмечаем в стихах и более даровитых поэтов: стихотворное фокусничество при отсутствии элементарной грамотности и варварская расправа с синтаксисом русского языка.¹⁵

Реконструируемая нами история появления в печати рецензии Гофмана под однократно использованной подписью «Р. Г.» не сохранила документальных источников, раскрывающих мотивацию выбора псевдонима. Остается также тайной, кто из двух участников эпистолярного диалога был инициатором этой литературной «маски». Однако опубликованный обмен письмами литературоведа и редактора позволяет нам назвать подлинное имя, послужившее сокрытию имени настоящего. Ростислав Гофман (1915—1975), десятилетний сын Модеста Людвиговича, в переписке последнего с Шаховским за 1925 год упоминался как лицо, кровно заинтересованное в сотрудничестве отца с редакцией журнала, располагавшейся в Брюсселе. Так, Гофман-старший, сообщая о начале рецензирования по списку, полученному от редактора, полушутя передал просьбу ребенка: «...он решил, что у Вас, в связи

¹⁴ В росписи Г. Г. Мартынова (см. примеч. 3) на с. 30 криптоним «Р. Г.», зафиксированный в первом номере журнала «Благонамеренный», ошибочно атрибутирован как принадлежащий Р. Б. Гулю, который хотя и подписывался аналогичными литерами в берлинских периодических изданиях «Руль», «Накануне», «Новая русская книга», но в 1925—1926 годах не имел контактов с Д. А. Шаховским. В авторитетном библиографическом справочнике М. Шрубы псевдоним «Р. Г.» закономерно внесен в список нераскрытых псевдонимов, зафиксированных в журнале Шаховского (см.: *Шруба М.* Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе. С. 514). См. также примеч. 5.

¹⁵ Благонамеренный. 1926. № 1. С. 166.

с изданием «Благонамеренного», должна быть обширная корреспонденция, а потому просит у Вас для своей коллекции марок».¹⁶

По нашим предположениям, имя, выбранное для подписи к недоброжелательной рецензии, в своем подтексте должно было послужить настоящему автору своего рода «охранной грамотой» в отношениях с Ремизовым, креатурой которого являлся Кобяков. С одной стороны, оппоненты Ремизова воспользовались «моделью» его собственного литературного поведения, а именно подменой подлинных имен именами хоть и реальными, но актуальными в ином временном или семантическом поле.¹⁷ С другой стороны, расчет был не только остроумным, но и точным: Ростислав Гофман, именуемый отцом и в кругу друзей Ростиком,¹⁸ в доме Ремизовых снискал безграничную любовь и внимание.

Для писателя отношения с Гофманом имели свою историю, обращенную к воспоминаниям о «старине допотопной»¹⁹ — расцвете символизма и «симпозионах» Вяч. Иванова на Таврической. Их знакомство и частые встречи пришлось на 1906–1907 годы.²⁰ Дать признательности начинающего писателя Ремизова секретарю издательства «Оры» Гофману (в то время еще студенту историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета) за поддержку в разразившемся скандале, связанном с «еретической» интерпретацией евангельской истории в легенде «О страстях Господних», отразилась в печатном посвящении «Модесту Гофману» в составе авторского сборника «Лимонарь сиречь: Луг духовный» (СПб., 1907).²¹

¹⁶ Иоанн (Шаховской), архиеп. Биография юности. С. 293.

¹⁷ В частности, о подобном приеме, используемом в заметках, написанных для периодической печати, см.: Обатнина Е. Р. Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть вторая: Были и небыли парижских будней // Литературный факт. 2020. № 4 (18). С. 27.

¹⁸ Модест Гофман, приехавший в Париж с маленьким сыном, в своих письмах, адресованных Б. А. Модзалевскому, писал в феврале 1924 г.: «Кланяется Вам Ростик, который становится большим, умным и хорошим мальчиком (я с ним занимаюсь, и он уже очень многое знает)» (Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть II (1922–1926). С. 64).

¹⁹ Ср. инскрипт Ремизова, адресованный А. А. Блоку в 1920 году: Библиотека А. А. Блока: Описание. Л., 1985 / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина. Л., 1985. Кн. 2. С. 211; воспроизведение автографа: <http://pushkinskijdom.ru/remizov/Bibliografiay/pages/Addition/addition11.html>

²⁰ Фиксация встреч Ремизова с М. А. Гофманом устанавливается по: Кузмин М. А. Дневник 1905–1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000 (по указ.).

²¹ См.: Гофман М. А. Петербургские воспоминания // Новый журнал (Нью-Йорк). 1955. № 43. С. 120–133. Посвящение Гофману в первом издании «Лимонаря», очевидно, ввиду эсхатологичности названной легенды, было послано другому художественному переложению народного источника, получившему название «О месяце и звездах и откуда они такие: Христова повесть».

Новый виток сближений произошел в эмиграции, когда в ноябре 1923 года Ремизов с женой перебрались из Берлина в Париж.²² С этого времени их встречи, полноправным участником которых становится и сын историка литературы, образуют привычный обиход парижского бытия.

Письма Гофмана в Петроград зафиксировали посещение 4 апреля 1924 года первого ремизовского выступления в Париже на ставших впоследствии традиционными вечерах авторского чтения: «Я веду в Париже, — делился Гофман с Модзалевским, — такой замкнутый образ жизни (иногда даже забываешь, что в Париже), что, когда в прошлую пятницу вышел в люди (был на вечере Ремизова), мое появление вызвало всеобщее удивление...»²³

Связывали писателя с М. А. Гофманом и деловые отношения: в частности, по просьбе Ремизова была опубликована рецензия на роман «Взвихренная Русь», в которой литературовед, кстати, занял характерную для него позицию объективного рецензента, подвергнув новую романную форму писателя существенным критическим замечаниям.²⁴

²² Свидетельство берлинских встреч заключается в шуточной заметке, составленной Ремизовым для вымышленной хроники культурных событий эмиграции: «Известному пушкинианцу, профессору и академику Модесту Гофману посчастливилось найти редчайшую рукопись середины XVIII века, проливающую свет на происхождение “Русалки”, и пачку писем того же времени, несомненно принадлежащих перу поэта. В Берлин выехал в спешном порядке проф<ессор> Юрий Верховский для экспертизы» (*Саркофагский [Ремизов А. М.] Из жизни художников в Берлине // Голос России. 1922. № 1079. 8 окт. С. 8.*)

²³ Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть II (1922—1926). С. 924. Согласно программе, анонсированной в «Последних новостях», собравшиеся в зале отеля «Лютеция» в исполнении писателя услышали его собственные сочинения — «китайский рассказ, сказки, монолог из “Трагедии об Иуде, принце искиариотском”» (см.: [Б. п.] Вечер А. М. Ремизова // *Последние новости. 1924. № 1212. 4 апр. С. 3.*)

²⁴ *Гофман М. А. [Рец. на кн.:] Ремизов Алексей. Взвихренная Русь. Изд. Таир. Париж, 1927 // Последние новости. 1927. № 2325. 4 авг. С. 3.* Ср. также сохраненные в памяти впечатления В. В. Перемилловского, который 7 августа 1927 года писал Ремизову в связи с публикацией критического отзыва Гофмана на роман «Взвихренная Русь»: «...на днях в “П<оследних> новостях” прочел рецензию Мод<еста> Гофмана на Вашу книгу <...> так и вспомнился “когда-тошний” скромный юноша, зазывавший к себе писателей, выпрашивавший у них посвящение себе, на дыпочках, в сюртуке, перед профессором ходивший... Сейчас-то на дыпочках, поди, больше ни перед кем не ходит. Но, вообще, стал лучше (судя по работам по Пушкину)» (*Amherst College. Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1, Box. 4. Folder 12.* Далее ссылки на материалы архива приводятся сокращенно: Amherst, с указанием шифра).

Как уже отмечалось, Ростик был сразу привлечен у Ремизовых и вырослел буквально у них на глазах. Сохранилось несколько недатированных эпистолярных документов, написанных старательным юношеским почерком на листах персональной почтовой бумаги с оттиском «M. Hofmann / 4, Rue Bernard / Paris VII»:

<1936>

Христос Воскресе!

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, папа и я поздравляем Вас и Серафиму Павловну с Праздником.

У папы к Вам большая просьба — не могли бы Вы сообщить ему имя, отчество и адрес Mme Kwill²⁵?

У меня тоже просьба — не могли бы Вы одолжить мне Бесовское Действо.²⁶ Мне очень хотелось бы его прочесть.

Папа и я наперед Вам очень благодарны. Если можно, напишите папе адрес Mme Kwill, за книгой же может быть решите мне зайти (когда?).

Уважающий Вас,

Ростик.²⁷

<1937>

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович,

Мне очень нужно с Вами поговорить по одному очень важному и очень спешному делу по поручению Серг<ея> Мих<айловича> Лифаря и папы.²⁸

Если позволите, зайду к Вам в среду между 6-тью и 7-мью вечера.

Искренне преданный Вам и уважающий Вас

Р. Гофман.²⁹

²⁵ Неустановленное лицо.

²⁶ Речь идет о пьесе, первая публикация которой состоялась после постановки в театре В. Ф Комиссаржевской (Санкт-Петербург) 4 декабря 1907 года: Бесовское действо над неким мужем, а также Прение Живота со Смертью: Представление для публкии в 3х д. с прологом и эпилогом Алексея Ремизова. СПб.: Театр и искусство, 1908. В эмиграции писатель располагал переизданием пьесы: Бесовское действо: Представление в трех действиях с прологом и эпилогом. Пг.: Театральный отдел Народного комиссариата по просвещению, 1919. 48 с. (Русский театр. № 11).

²⁷ Amherst. Series 1. Box. 7. Folder 7.

²⁸ По всей вероятности, подразумевалось участие Р. Гофмана в пушкинских торжествах. Ср.: «Мои ближайшие помощники, полными юношеского порыва и энтузиазма, были: мой брат Леонид и сын проф. М. А. Гофмана, Ростислав» (Лифарь С. Моя зарубежная Пушкиниана, Париж, 1966. С. 54).

²⁹ Amherst. Series 1. Box 7. Folder 7.

Глубокоуважаемый

Алексей Михайлович,

мне очень нужно с Вами поговорить по
одному очень важному и очень серьезному делу
по поручению Серг. Мих. Мещеряе и мамки.

Если позволите, зайду к Вам в
среду между 6-ю и 7-ю вечера.

Искренне преданный Вам
и уважающий Вас

Р. Ремизов

В ремизовской мемуарной прозе 1930–1940-х годов отец и сын упоминаются как представители близкого дружеского круга. Впервые писатель представил младшего Гофмана в рассказе «Забывтый юбилей», напечатанном в рождественском выпуске газеты «Последние новости» 1930 года, из которого, например, выяснилось, что о филателистической страсти маленького Ростика Ремизов знал уже не хуже его отца и Д. А. Шаховского. Образ ребенка представлен здесь речевой экспозицией, созданной в лучших традициях ремизовского детского рассказа:³⁰

³⁰ См., в частности: Брусянин В. В. Страшные сказки жизни: (Собрание сочинений Ал. Ремизова) // Брусянин В. В. Дети и писатели: Литературно-общественные параллели: (Дети в произведениях А. П. Чехова, Леонида Андреева, А. И. Куприна и Ал. Ремизова). М., 1915. С. 146–203.

— Знаете, что я хочу вам предложить, — вдруг поднялся, говорили, это и есть Иван Козлок, но я очень хорошо видел, что это Ростик Гофман, которому африканский доктор³¹ подарил какие-то необыкновенные «людоедские» марки, и видно было, Ростик большое сделал усилие и победил свою застенчивость, — хотите я вам подарю котенка: мать русская, т. е. здешняя, а отец сибирский. Или лучше за франк, тут так не принято.³²

Подчеркивая крепкую связь Гофмана-старшего и Гофмана-младшего, Ремизов не случайно отмечает участие Ростика во всех делах Модеста Людвиговича и даже их взаимозаменяемость.³³ Вместе Гофманы были «втянуты» в сюжетные хитросплетения романа «Учитель музыки», ставшего бурлескным отражением парижской литературной жизни русской диаспоры. В 1931 году на страницах только начавшего выходить обновленного «Сатирикона» появилась одна из глав под названием «Юнёр».³⁴ Тема «русской гофманианы» витает уже над всем повествованием. Размышления героя-рассказчика Полетаева были таковы: «Может быть, — думал я, — этот Гофман родственник тому Гофману,

³¹ Речь идет о Владимире Николаевиче Унковском (1888–1964) — медике по образованию, журналисте, получившем благодаря Ремизову прозвище «африканский доктор», под которым он стал постоянным «проходным» персонажем прозы писателя. Прозвище отражало обстоятельства биографии Унковского. В 1920 году он эмигрировал сначала в Грецию, затем через Константинополь перебрался в Сербию, где до 1924 года служил врачом сербского полка; после отставки весной 1925 года приехал в Париж. Не найдя работы, завербовался на службу во французскую колонию Западной Африки. После короткой стажировки по тропической медицине в Дакаре в сентябре был назначен полномочным санитарной частью Дагомен (после 1975 г. Бенин), расположенной в столице Порто-Ново (биографические сведения изложены в письме Унковского Ремизову от 19 сентября 1925 г. — Amherst. Series 1. Box 4. Folder 1a). См. о нем также: *Грачева А. М.* О писателе Федоре Сологубе, белетристе Владимире Унковском и редакторе Алексее Ремизове // *Русская литература.* 2013. № 4. С. 76.

³² Цит. по: *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. М., 2002. Т. 9: Учитель музыки. С. 105–106.

³³ В частности, рассказ М. А. Гофмана о его девятилетнем сыне, буквально спасшего его в самые трудные моменты их эмигрантской одиссеи, см.: Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть II (1922–1926). С. 296–297.

³⁴ Сатирикон. 1931. № 20. 15 авг. С. 10–13; № 21. 20–22 авг. С. 7–10. Реакция современников на ремизовский автобиографизм, предполагающий упоминания имен реальных лиц из его окружения, была неоднозначной. По всей вероятности, старший Гофман не входил в число поклонников подобных экспериментов.

Милому Акимому на добрую
память и в знак дружбы.
12. VII. 44. Ю. Фриш

Р. М. Гофман. Фото 1944 г. Париж.
Архив В. Р. Гофмана. Публикуется впервые.

а если и не родственник, его знатное волшебное имя делает его любопытным: имена даются неспроста».³⁵

³⁵ Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9. С. 197.

В «Юнёре» писатель проводит прямые сопоставления младшего и старшего. Возникает даже путаница: с которым из Гофманов беседовал Полетаев — с тем ли, кто еще в Петербурге 1900-х годов писал «Историю русской литературы», а может быть, с ребенком, который «заботится о своем отце» и едва ли не выполняет обязанности его личного секретаря?³⁶ Развитие темы Гофманов как спутников жизни находим и в романе «Мышкина дудочка» (1953), в сцене, описывающей одну из встреч 1940-х годов в ремизовской квартире на rue Voileau с повзрослевшим Ростиславом. С некоторой долей хронологических преувеличений писатель создает идиллию неразрывной, почти семейственной связи:

Я вышел с Ростиком на кухню. Мне хотелось расспросить о его отце и чем занят? Модеста Людвиговича Гофмана я знал в возрасте Ростика, еще до моей первой книги «Посолонь»,³⁷ а уж и тогда написал он «Историю русской литературы» — здесь, в Париже, издана по-французски в «переработанном виде».³⁸ А Ростик с тех пор, как ходить научился, не пропускал ни одного моего весеннего вечера — двадцать чтений по крайней мере, и на всех вечерах я ему делал особенный «обезьяний» бантик — знак первого и самого главного распорядителя.³⁹

Однако отмеченный нами субъективный взгляд Ремизова на историю отношений с Гофманами не был беспочвенен. В 1935 году литераторы Парижа организовали в поддержку

³⁶ См.: Там же. С. 197–198.

³⁷ Ремизов А. Посолонь. М.: Золотое Руно, 1907. Ср. поздний комментарий Ремизова к петербургскому окружению Вяч. Иванова: «Модест Людвигович Гофман, ему было лет 15, ходил он в голубой распашонке и представлял “отрока” при Вяч. Иванове, я не слыхал, чтобы он сказал хоть слово, всегда молча на цыпочках, а между тем однажды мы были у него, и он показывал такой вот огромный ворох бумаги — свое сочинение: “история русской литературы”» (Ремизов А. М. Дневниковые записи Ремизовой-Довгелло Серафимы Павловны, прокомментированные и переписанные Ремизовым в одну общую тетрадь в апреле 1945 г. Книга II. Санкт-Петербург, Берлин, Париж, 1908–1937; 1945, апрель. Автограф // Государственный музей истории русской литературы им. В. И. Даля, ф. 156, оп. 2, ед. хр. 288, л. 14).

³⁸ Несколько искаженные сведения об участниках издания см. в: Hofmann M. Histoire de la littérature russe: Depuis les origines jusqu'à nos jours / En collab. avec G. Lozinski et C. Motchoulski; Avec cinquante et un portraits hors-texte. Paris: Payot, 1934.

³⁹ Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 85.

бедствующему писателю очередной вечер чтения в квартире редактора журнала «Звено».⁴⁰ Готовясь к выступлению, Ремизов в черновых записях к вступительному слову, обращенному к хорошо ему знакомой аудитории, вновь упоминал своего юного друга и помощника:

Вечер устраивается по несчастью. Это само собой разумеется, но я вынужден с первого же слова напомнить об этом. Вслух читать я очень люблю и читал бы без конца...⁴¹ Вечер чтения без никаких — и какую надо иметь высокую культуру или какой книжный навык, чтобы целый вечер слушать одного чтеца.

Африканский доктор прямо мне заявил, что без музыки не согласен. Имея семнадцатилетний дагомейский опыт,⁴² он вызвался «самолучно выступить соло на трубе: «действует ошеломляюще». Труба, да еще и дагомейская, нет, это мне не под силу; я люблю виолончель, но и этого мне не дано, в детстве я пел альтом, передать голосом кларнет или альпийский рожок — постараюсь. Вот вам и будет музыка!

Ростик, чуть ли не со дня рождения своего бывавший на моих вечерах, самый верный из слушателей, слышавший в моем

⁴⁰ Ср. опубликованное объявление о том, что 23 ноября 1935 года «в частном доме» состоялся закрытый вечер чтения Ремизова, на котором писатель прочел новый рассказ «Судьба Ивана Федоровича Шпоньки» (Возрождение (Париж). 1935. № 3830. 28 ноября.). В организации вечера принимал участие Л. И. Шестов. Именно философ заблаговременно сообщил писателю, что жена редактора журнала «Звено» М. М. Винавера — Роза Георгиевна Винавер объявила о согласии предоставить для чтений собственную квартиру (см.: А. М. Ремизов и Л. И. Шестов: Из переписки писателя и философа: (1933—1938) / Publ., comment. et notes de K. Ruzhinskaite // Revue des Etudes Slaves. 2013. T. 84, fasc. 1/2. С. 293).

⁴¹ Ср. анонсы собственных выступлений, в которых писатель противопоставляет свой подход к словесному материалу приемам артистов: «В традиции писателей чтение — под актера. Известны, как чтецы: Гоголь, Писемский, Горбунов, Всеволод Крестовский. Но это актерское чтение, выразительное и красочное, вносит свой ритм “игры”, с обязательными и неизбежными паузами, и от словесного ритма ничего не остается. Ремизов читает (Последние новости. 1931. 31 марта. № 5486. С. 3); «В “игре” и “чтении” — различные ритмы, по природе своей никогда не смешивающиеся и друг друга исключают. Сколько прекрасных стихов загубили актеры своим чтением-игрой и сколько чудесных прозаических страниц зафальшивлены актерствующими чтецами. “Чтение должно быть вовсе не крикливое, не в жару и горячке; напротив, оно может быть даже очень спокойное, но в голосе чтеца послышится неведомая сила, свидетель истинно растроганного внутреннего состояния”. Эти слова Гоголя, превосходного чтеца, — свидетель Тургенев, — завет чтецу» (Amherst, Series 1. Box. 12. Folder 1).

⁴² См. о нем примеч. 31.

исполнении Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Лескова, Писемского и Слепцова, сказал мне, что, когда он был маленький, теперь ему двадцать, можно было, [слушать чтение хоть четыре часа, но — зчркн.] но теперь — как же без танцев? С детства имея страсть к полетам [2 сл. зчркн.], он предложил, хотя бы в антракте, выступить в виде Икара. — Я ведь [?] постараюсь!» — [сказал Ростик — зчркн.]. Я научился с годами ценить и тень доброго чувства, в доброе чув<ство> Ростика я верю. Но как передать гениальн<ого> «Икара» Лифаря?⁴³ [ни Ростик<у> ни мне — зчркн.]. Придется читать без танцев.

Я прочитаю мою память о первых именах...⁴⁴

Составленные Ремизовым аннотации к собственным чтениям, нередко использовавшиеся для объявлений в печати, отражают его метод типологического сближения литературных форм и образов в произведениях русской классической прозы. Принцип формирования программы состоял в сопоставлении художественных текстов по какому-либо общему признаку. В этом творческом направлении писатель искал союзников либо оппонентов, аргументы которых позволяли бы ему развивать свои исследования, впоследствии нашедшие продолжение в книге «Огонь вещей» (1954). Нечто вроде приглашения к историко-литературной дискуссии, на наш взгляд, прочитывается в подтексте одного ценного письма Ремизова, сохранившегося в семейном архиве Гофманов:

25 IV 1939

Дорогой Ростик.

Зайдите к нам (все вечера дома, кроме этой субботы).

Кланяюсь Вашему папе. *Понравился ли ему*

Аристарх Фалалеевич Мурлыкин?⁴⁵

⁴³ Речь идет об одноактном спектакле «Икар» (хореография, сценография и исполнение заглавной партии — С. Лифарь; декорации и костюмы — П. Ларт); премьера спектакля состоялась 9 июля 1935 года на сцене Grand Opéra. Ср. также в воспоминаниях Ремизова: «Мне навсегда останется гениальное воплощение Лифаря “Икара” — в веках из веков сложенного мифа о человеческом полете — об этом подлинно “безумстве храбрых”. Я видел живого летящего Икара! — слышу древний голос о грани человеческой силы — “смирись, гордый человек!” — и чувствую всю обжигающую скорбь сброшенного с недостижимых “зодиакальных” высот гордого человека, свернувшегося без крыл жалким зайчонком» (цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 290).

⁴⁴ Amherst, Series 1. Box. 12. Folder 1. Автограф, озаглавленный: «Сегодня вечер чтения А. Ремизова», завершается скорописью.

⁴⁵ См. примеч. 51.

Жаль, что не слышал Сергей Михайлович!⁴⁶ Расскажите ему эту повесть, Пушкин ее прочитал дважды.

Алексей Ремизов

<подписи над рисунком> Я / Ростик / Овчина-Оболенский⁴⁷ / СП. Р⁴⁸
роскошный автомобиль⁴⁹ / два места на четырех⁵⁰

Послание, адресованное, по сути, обоим Гофманам, написано по следам прошедшего 22 апреля 1939 года авторского вечера чтений. В преддверии своего выступления писатель разместил анонс программы, в полной мере раскрывающий контекст процитированного выше письма, содержание которого осталось бы непроявленным в отрыве от печатного объявления:

22 апреля в Лас-Казе А. Ремизов вторую половину вечера начнет «Лафертовской маковницей» А. Погорельского (А. А. Перовского). Пушкин в письме от 27 марта 1825 г. к Л. С. Пушкину: «Душа моя, что за прелесть — Бабушкин кот! Я перечел два раза и одним духом всю повесть, теперь только и брежу Ар<истархом> Фал<аленчем> Мурлыкиным. Выступаю плавно,

⁴⁶ В последующие годы Р. М. Гофман выполнял обязанности личного секретаря С. М. Анфара.

⁴⁷ Оболенский Андрей Владимирович, князь (1900–1975) — сын известного общественного и политического деятеля князя В. А. Оболенского (1869–1951); участник Добровольческой армии; после поражений армии в Крыму эмигрировал; в 1922–1924 годах жил и учился в Праге; осенью 1924 года переехал в Париж; познакомился с Ремизовым через сестер Ольгу и Наталью Черновых; один из ближайших друзей Ремизова в Париже, помощник в решении бытовых проблем; прототип нескольких персонажей романа «Учитель музыки» (Козлок, Багдахал); в романе «Мышкина дудочка» (Париж, 1953) скрыт под именем «Овчина»; «кавалер обезьяньего знака первой степени» (*Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная палата в лицах и документах. СПб., 2001. С. 353). Источником прозвища «Овчина», по-видимому, послужили материалы родословной Оболенских, среди предков которых был воевода Иван Федорович Овчина Телепнев-Оболенский, казненный по приказу Ивана Грозного в 1547 году; упоминается в книге И. Е. Забелина «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях» (М., 1869). См. также: Девять писем А. М. Ремизова [А. В. Оболенскому, А. М. Оболенской] / Публ. и коммент. Л. А. Мнухина // Мнухин Л. А. Итоги и истоки: Избранные статьи. Болшево, 2008. С. 266–271.

⁴⁸ Серафима Павловна Ремизова-Довгелло (урожд. Довгелло; 1876–1943) — жена Ремизова; специалист по древнерусской палеографии.

⁴⁹ Возможно, речь идет об автомобиле Г. В. Чижова (псевд. Г. Холмский), который, работая таксистом, доставлял Ремизова и его жену на выступления. На рисунке изображено четверо. По-видимому, вся компания не поместилась в обещанный Холмским «роскошный» автомобиль.

⁵⁰ Архив В. Р. Гофмана. Париж.

зажмурив глаза, повертывая голову и выгибая спину. — Погорельский ведь Перовский, не правда ли?»⁵¹ Билеты продаются в «Последних Новостях», в Тургеневской библиотеке (13, rue de la Bюшери), в тэнтюрери⁵² «Сириус» (35-тер, rue Лафонтен) и у Рами (56, rue Пуссэн).⁵³

Не случайно основным героем собранных нами архивных и историко-литературных материалов оказался Ростислав Гофман — ребенок, воспитанный «под сенью» русской литературы, глубокое понимание которой передалось ему от отца-филолога и во многом в общении с Ремизовым. Возвращаясь к «прологу» нашего рассказа, позволим себе утверждать, что атрибутированная нами неизвестная рецензия Модеста Гофмана 1926 года может считаться фиктивным литературным дебютом его сына. Случайным образом этот малозаметный эпизод из литературной жизни русской литературной эмиграции высветил проекцию последующего пути Гофмана-младшего. По каталогу Национальной библиотеки Франции (Bibliothèque nationale de France) выявляется внушительная библиография книг на французском языке, благодаря которой Ростислав Модестович во Франции обрел имя известного переводчика русской прозы, исследователя русской музыки и балета. В период с 1945 по 1949 год он много и плодотворно сотрудничал со своим отцом. Приведем в кратком библиографическом списке результат этого совместного труда, посвященного сохранению и утверждению русской культуры на европейском пространстве:⁵⁴

1. Исследования:

Hofmann, M. et Hofmann R. Première Méthode de russe. Paris, C. Klincksieck (Impr. nationale), 1945.

Hofmann, Modeste et Rostislav. Gogol, sa vie et son œuvre. Paris, Corrêa (impr. de Béresniak), 1946.

⁵¹ Ср.: «Душа моя, что за прелесть Бабушкин Кот! Я перечел два раза и одним духом всю повесть и теперь только и брежу Тр<ифоном> Фал<алеичем> Мурлыкиным. Выступаю плавно, зажмурив глаза, повертывая голову и выгибая спину. Погорельский ведь Перовский, не правда ли?» (вероятный источник цитирования: *Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. А. Модзалевского. М.; Л.: ГИЗ, 1926. Т. 1. С. 125–126* (письмо к А. С. Пушкину от 27 марта 1825 г.)). Ремизов поправил ошибку Пушкина в имени героя Погорельского.

⁵² От teinturier (франц.) — химчистка.

⁵³ Последние новости. 1939. № 6590. 13 апр. С. 3.

⁵⁴ Частично перечисленные нами издания приводятся в комментариях Т. И. Краснобородко к публикации второй части писем М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому (см. примеч. 2).

Hofmann, Modeste et Rostislav. Pouchkine et la Russie. Paris, Éditions du Chêne, 1947.

Hofmann, Modeste, Hofmann, Michel-Rostislav. Le drame de Pouchkine. Paris, Corrêa, 1948.

2. Сборники и отдельные издания русской классики:

La Vie en Russie / Choix de textes accentués des grands écrivains russes du XIXe et du XXe siècle par M. Hofmann et R. Hofmann. Paris, C. Klincksieck (Impr. nationale), 1945.

Gogol', Nikolaj. Les âmes mortes / Traduite du russe par Rostislav Hofmann; [avant-propos de Modeste Hofmann]. Paris, Corrêa, 1946

Gogol', Nikolaj. Le Journal d'un fou: Nouvelles / Traduction de Rostislav Hofmann. Introduction de M. Hofmann.

Pouchkine, Alexandr. Romans et nouvelles. Les Récits de Belkine. Le Nègre de Pierre le Grand / Avec des introductions de M. Hofmann. Traduction de Rostislav Hofmann. Paris, Éditions du Chêne (Impr. de Macleval), 1947.

Pouchkine, Alexandr. Doubrovsky. La Dame de pique. Les Nuits égyptiennes / Avec des introductions de M. Hofmann. Traduction de Rostislav Hofmann. Paris, Éditions du Chêne (Impr. des Arts et manufactures), 1947.

Tourgueniev, Ivan. Eaux printanières / Traduction de Rostislav Hofmann; [avant-propos de Modeste Hofmann]. Paris, Corrêa, 1947.

Dostoevskij, Fedor. Les Frères Karamazov. Tome 1–2 / Traduction nouvelle de Rostislav Hofmann; préface d'Edmond Jaloux; édition, annotée par Modeste Hofmann. [Paris], Bordas, 1948.

Dostoevskij, Fedor. Crime et châtiment / Traduction de R. Hofmann et S. Quévremont; préface de André Billy; édition, annotée par Modeste Hofmann. [Paris], Bordas, 1948.

Tourgueniev, Ivan. Roudine; Assia; Pounine et Babourine / Traduction nouvelle de R. Hofmann; préface de Modeste Hofmann; édition illustrée et annotée. [Paris], Bordas, 1949.

В многотомном эпистолярии ремизовского архива⁵⁵ нам удалось найти подтверждение того, что творческие планы Гофмана-младшего распространялись не только на русскую классику, но и, в частности, на произведения известного писателя-эмигранта, дружеские отношения с которым в послевоенные годы не только не угасти, но даже приобрели новое наполнение. В 1946 году

⁵⁵ Корреспонденция эмигрантского периода в американском архиве писателя представляет собой собрание самодельных конвертов с письмами современников.

в печати появилась первая глава будущей книги «Иверень» под названием «В сырых туманах».⁵⁶ В одном из писем этого времени повзрослевший воспитанник Ремизова сообщил:

<1946, 18 марта>⁵⁷

Глубокоуважаемый и дорогой Алексей Михайлович, большое, большое Вам спасибо за присылку книг (вторая, к сожалению, никогда не была у нас в оригинале).

С радостью приступаю к переводу *Сырых туманов* — очень трудно, но и очень интересно — и, конечно, прежде чем начинать, приду просить Ваших советов и ритмических указаний.⁵⁸

Вообще же мечтаю перевести *Лимонарь*.

Хотелось бы порыться во французском средневековии — невозможно себе представить, чтобы у них не было бы той же самой чертовщины, что у нас, а в таком случае можно найти массу прекрасных соответствий.

Все пятеро кланяемся Вам.

Преданный Вам и любящий Вас,

Р. Гофман⁵⁹

Это послание было написано уже не на отцовской почтовой бумаге, как письма Ростика-подростка, а на именной, с логотипом «R. Hofmann / 106, Rue Lecourbe / Paris XVe». Его писал возмужавший глава семейства, численность которого (вместе с Гофманом-старшим) увеличилась до пяти человек: в 1945 году у Ростислава и его жены Татьяны Викторовны (урожд. Голуновой) родились мальчики-близнецы — Андрей и Владимир.

⁵⁶ Ремизов А. На заповедной земле: Глава из неизданной повести «В сырых туманах» // Советский патриот. 1946. № 100. 20 сент. С. 3.

⁵⁷ Письмо датировано по почтовому штемпелю на конверте (Amherst. Series 1. Box 9. Folder 3).

⁵⁸ Возможно, речь идет о рукописи главы «В сырых туманах», присланной для перевода на французский язык ранее, чем текст появился в печати на русском языке. Такая практика была объяснима в связи с упадком русской печати в Париже в послевоенное время. На русском языке рассказ из главы «В сырых туманах» был впервые опубликован полгода спустя: Ремизов А. На заповедной земле: Глава из неизданной повести «В сырых туманах» // Советский патриот. 1946. № 100. 20 сент. С. 3. Только через семь лет в печати появилась расширенная редакция главы: Ремизов А. В сырых туманах. [1. На заповедной земле; 2. Несбыточные происшествия] // Новый журнал = The New Review (Нью-Йорк). 1953. № 34. С. 88—115. История неосуществленного перевода проясняется в декабрьском письме Ростислава Гофмана к Ремизову и представляет собой самостоятельный историко-литературный сюжет, связанный с послевоенной творческой деятельностью Ремизова.

⁵⁹ Amherst. Series 1. Box 9. Folder 3.

*М. Л. Гофман с внуками Владимиром и Андреем.
Фото 1947 г. Париж. Архив В. Р. Гофмана. Публикуется впервые*

Как следует из письма, вечера ремизовских чтений не прошли для Гофмана-младшего бесследно — от писателя передалось ему знание о ритмической основе художественного произведения. Как историку-музыковеду, ему была понятна аналогия чтения

литературных текстов и музыкальной партитуры. По всей вероятности, памятным для него осталось выступление писателя, состоявшееся десять лет назад, на котором он, как обычно, выполнял свои обязанности распорядителя вечера, отличаясь от рядовых слушателей особым «драконическим» знаком.⁶⁰ По традиции, накануне писатель разместил в «Последних новостях» анонс с изложением основной идеи подготовленной литературной программы. В частности, в этом «предуведомлении» объяснялось: «Отдельное слово имеет свой напев, слова — свой лад, ряд слов — ритм. Всякое произведение выговаривается по-своему и только выговаривание, а никакая игра (представление) сохраняет ритм произведения».⁶¹

В своем письме молодой Гофман отметил в числе присланных Ремизовым книг французское издание повести «Крестовые сестры», выпущенное с предисловием Р. Роллана.⁶² Во-видимому, именно эта «вершина» дореволюционного творчества писателя осталась пробелом в круге чтения Ростислава Модестовича. Подарок с памятным инскриптом сохранился в парижском архиве наследников:

À Monsieur R. Hofmann
Alexei Remizoff

Тут темь-тьмуца и отчаяние,
не хотелось бы вновь
проходить этот путь жизни.

Но никогда не было такого острого
чувства: ведь глядел наперед,
а не как сейчас

<глаголическая литера «червь»>

12 III 1946⁶³

* * *

Еще только приступая к исследованию контактов Ремизова с Гофманами, мы опирались лишь на два известных источника,⁶⁴ полагая, что упоминавшиеся в переписке намерения Гофмана-младшего подготовить французские переводы произведений писателя остались

⁶⁰ Упоминание о «драконическом» распорядительном знаке см. в анонсе, составленном Ремизовым: [Б. п.] Чтение А. М. Ремизова // Последние новости. 1936. № 5486. 31 марта. С. 3.

⁶¹ Там же.

⁶² *Rémizov A. La maison Bourkov: Roman / Trad. R. et Z. Vivier; Lettre-préface de R. Rolland: «Alexei Rémizov» de R. Vivier. Paris: Ed. du Pavois, 1946.*

⁶³ Архив В. Р. Гофмана, Париж. См. также историю создания повести в комментариях И. Ф. Даниловой: *Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 4: Плачущая канава. С. 481–485.*

⁶⁴ Каталог BNF и Библиография Е. Синани-Маклеод (см. примеч. 65).

неосуществленными. Его сын, Владимир Ростиславович, помогая нам уточнить список переводческого наследия Ростислава Модестовича, несколько раз упомянул о романе «Идиот», вышедшем в свет на французском языке в 1947 году. Действительно, в парижском «Сhêne» был издан роман Достоевского с предисловием Ремизова. Однако, по нашим представлениям, Гофман-младший к этой книге не имел ни малейшего отношения.

На обложке издания читаем: *Dostoïevski* <sic!>. *L'Idiot: roman / Trad. et préface de Alexis Remizoff et Vladimir André.* Paris, éd. Du Chêne, 1947. Vol. 2.⁶⁵ В качестве предисловия здесь послужило эссе «Скверный анекдот: Потайная мысль Достоевского из каторжной памяти», в русском переводе опубликованное в 1950 году под заголовком «Звезда-полюнь: К "Идиоту" Достоевского».⁶⁶ Для полного представления о книге нам не хватало информации о неизвестном авторе перевода. После небольшой паузы, взятой Владимиром Ростиславовичем, как мы теперь понимаем, для эффектного раскрытия интриги, он не без удовольствия рассказал маленькую семейную тайну о том, что загадочный Владимир Андрэ на самом деле был выдумкой Ростислава Гофмана, который в издании 1947 года подписал свой перевод как романа Достоевского, так и ремизовского предисловия к нему единственным в своем роде псевдонимом, составленным из имен его сыновей-близнецов Владимира и Андрея; в то время мальчикам было всего два года от роду.⁶⁷

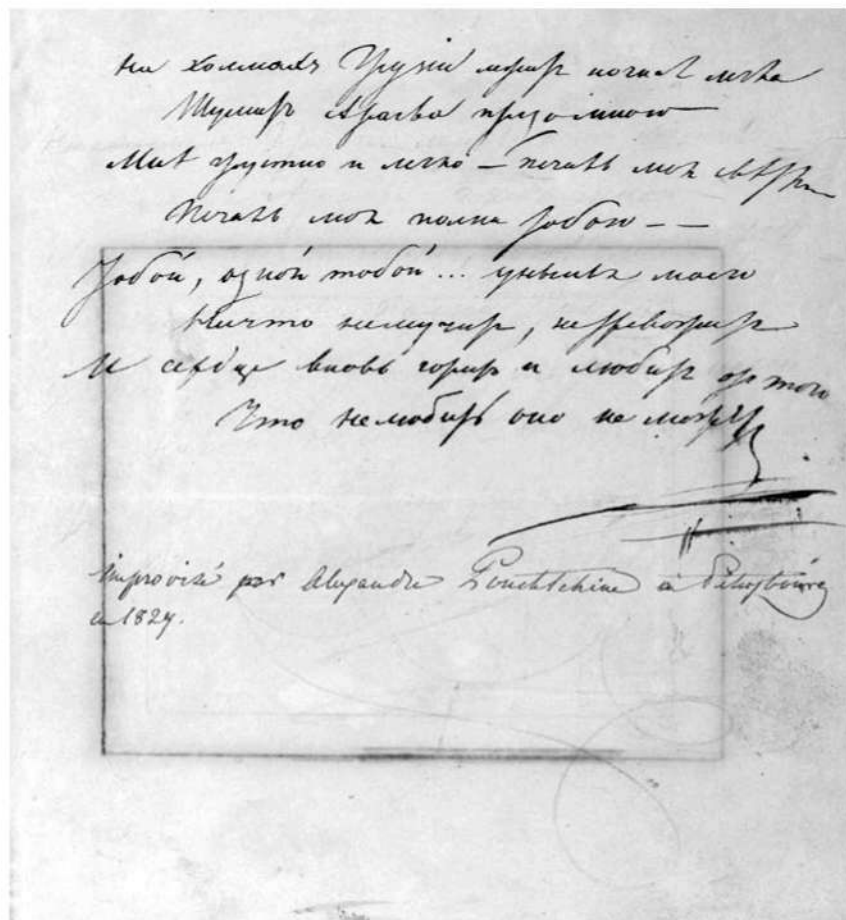
Неожиданное библиографическое открытие, прибавившее к списку переводчиков Ремизова Р. М. Гофмана, навело нас также на мысль о том, что Гофман-младший, очевидно знавший историю подписи «Р. Г.» на страницах журнала «Благонамеренный», возвел курьезный прецедент «детского» псевдонима в литературную традицию.

Две забавные тайны семейства Гофманов, косвенным образом связанные с именем и творчеством Ремизова, возвращают нас к высказыванию писателя: «...этот Гофман родственник тому Гофману, а если и не родственник, его знатное волшебное имя делает его любопытным: имена даются неспроста».

⁶⁵ См. также: *Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov / Établie par Hélène Sinany; Sous la dir. de T. Ossorguine.* Paris: Institut d'Études Slaves, 1978. P. 113.

⁶⁶ См.: Новоселье (Нью-Йорк). 1950. № 42/44. С. 9–29.

⁶⁷ Очевидно, мотивом сокрытия имени здесь послужили сугубо практические причины. Годом ранее роман «Идиот» уже был выпущен в свет под настоящим именем переводчика в другом издательстве: *Dostoïevsky Fédor. L'Idiot: Roman / Trad. du russe par R. Hofmann.* [Paris:] Bordas, 1946.

II.
В. Р. ГОФМАН
ПРИВЕТСТВИЕ

Дорогая Татьяна Ивановна,
мы с Вами познакомились в 2000 году, во время подготовки
к публикации замечательного автографа Пушкина «На холмах
Грузии...» из альбома Каролины Собаньской.

Автограф я приобрел в 1994 году. Вместе с Вами, Татьяна,
мы его изучили и подтвердили принадлежность альбому Со-
баньской. Научная история автографа была с Вашей помощью

написана и опубликована в сборнике «Пушкин и его современники». ⁶⁸

Несколько лет спустя мне как скульптору потребовалось приобретение мастерской, и я решил расстаться с автографом. Своей задачей я поставил найти спонсора, который согласился бы купить и передать этот раритет Пушкинскому Дому. Автограф был приобретен Внешторгбанком (ВТБ).

Татьяна, помните, Вы тогда волновались, что ВТБ передаст новонайденную пушкинскую рукопись «На холмах Грузии...» в Москву, а не в Петербург. Тогда мы с Вами решили держать «пари» на «обед с блинами»! И я выиграл: автограф был принят в России на самом высоком правительственном уровне и, действительно, торжественно передан в Пушкинский Дом, где и хранится поныне. ⁶⁹

Татьяна, Вы меня пригласили к себе на блины! Спасибо за чудесный прием. — Всех благ Вам, дорогая Татьяна!

Владимир Гофман
25 октября 2022 г. Париж

⁶⁸ Гофман В. Р. Новый автограф стихотворения Пушкина «На холмах Грузии...» из альбома Каролины Собаньской // Пушкин и его современники. СПб., 2002. Вып. 3 (42). С. 247–254.

⁶⁹ ПД 1174. Об этом автографе см. также новейшее исследование: *Вироланен М. Н.* «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»: (От автографа к поэтике) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2022. Вып. 36. С. 122–133.

Т. С. ЦАРЬКОВА

АЛЬМАНАХ «26 МАЯ»*

Среди неразобранных и необработанных материалов, принятых на хранение нашими предшественниками — архивистами Пушкинского Дома — и не внесенных в книги учета, ровно сто лет пролежал сборник «26 мая». Нам встретилось в печати только одно упоминание о нем — в обширном комментарии Т. И. Краснобородько по поводу дат празднования дня рождения А. С. Пушкина в публикации записных книжек Б. Л. Модзалевского: «Прежде Пушкинский Дом (как и вся научно-литературная общественность) поминал Пушкина в день его рождения и 26 мая — (по старому календарю (с этой датой был связан неосуществленный замысел ежегодного пушкинодомского альманаха “26 мая”), и 8 июня — по новому календарю (с поправкой на XX, а не на XVIII век...))».¹

Планируемый сборник включал 51 завершённую работу (все они были отредактированы Б. Л. Модзалевским) и три подборки документов — «заготовки» для ещё не состоявшихся в то время публикаций (копии писем А. Майкова, В. Стасова, А. Бородина, трех записок Л. Мея к Н. Щербине, неизданные стихотворения А. Апухтина).

Предваряло статьи и публикации вступление Б. Л. Модзалевского, которое приведем в его полном виде с сохранением орфографии и пунктуации подлинника:

* Приношу глубокую благодарность за консультации Александру Владимировичу Дубровскому, Светлане Алексеевне Ипатовой, Татьяне Ивановне Краснобородько, Валентине Александровне Лукиной, Владимиру Владимировичу Турчаненко, Лидии Константиновне Хитрово.

¹ Модзалевский Б. Л. Записные книжки 1920–1928 гг. / Публ., примеч. и коммент. Т. И. Краснобородько и Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 144.

Ко времени устроенной Пушкинским Домом отчетной Выставки под названием и по программе «Пушкин и его современники», сотрудники и друзья Дома задумали издать небольшой сборник или, по-старинному, альманах из мелких, еще неизвестных в печати поэтических произведений и других писаний литературных деятелей Пушкинской эпохи и самого Пушкина.

С этой целью из числа отобранных в рукописных собраниях Пушкинского Дома для помещения на Выставке автографов крупных и мелких писателей первых четырех десятилетий XIX века (т. е. за годы жизни и литературной деятельности Пушкина) решено было напечатать в задуманном альманахе наиболее интересные в каком либо отношении и еще не изданные рукописи в соответствующей обработке научных сотрудников и друзей Пушкинского Дома.

Альманах этот, названный в честь и в память [вечно] светлого дня рождения Пушкина, «26 Мая», — ныне предлагается благосклонному вниманию читателей, просвещенных любителей Отечественной словесности.

Подбор небольших по объему материалов и тот комментарий, которым они сопровождаются, имеют главнейшею целью напомнить читателю ряд уже частично забытых имен былых литературных деятелей разных рангов и удельного веса, но в общем своем целом рисующих эпоху и представляющих тот фон, на котором зародилась, росла и развивалась и, наконец, распустилась пышным, прекрасным и неувядаемым цветом поэтическая деятельность Пушкина.

Просматривая альманах и прочитывая тот, далеко не равноценный материал, который рассыпан на его страницах, современный читатель совершит небезынтересную, на наш взгляд, прогулку по полям былой Русской словесности, припомнит образы давно отошедших в вечность деятелей литературы и их интересы, которые волновали и занимали их сто лет тому назад.

Начиная с молодого С. Аксакова и уже дряхлого Державина, минуя таких писателей, как «Сафо наших дней» Анна Бунина, «злой паук» Каченовский, автор «слезных» комедий Ильин и сатирик Милонов, он познакомится по письмам с душевной чуткостью Боратынского, от юношеских опытов князя Одоевского перейдет к напыщенному театру — псевдоклассику Кокошкину, злобному Воейкову, оригиналу Кюхельбекеру, дойдет затем до остроумного князя Вяземского и прекраснородушного и ясного Жуковского, встретится с «Северной Коринной» княгиней Зинаидой Волконской и дядей поэта, певцом «Буянова» Василием Львовичем Пушкиным, рядом с которым найдет и самого бессмертного его племянника, выступающего перед нами с необыкновенною яркостью и живостью в еще неизвестном

доселе письма к своему другу Дельвигу... Профессор Никитенко, искусственно-пламенный Кукольник, государственный муж граф Сперанский, появляются перед нами с шутивным письмом о поэте Илличевском, лицейском товарище Пушкина, а потом снова сам Пушкин с четверостишием, еще не издавшем печати; поэт Ознобишин, Шевырев, — впоследствии академик; «черная мурашка» Олин, скромный литератор Бутовский, пишущий о своей кузине — знаменитой «Кавалерист-девице», остроумный водевиалист Ленский, изысканная поэтесса Павлова, стихотворец, друг поэтов Коншин и, наконец, автор популярного в свое время «Тарантасса» граф Соллогуб — все они со своими корреспондентами, — вот имена, которые приведут на память внимательному читателю судьбы и направления Русской литературы Пушкинской поры. Он не найдет здесь, этот читатель, многих и многих талантливых и рядовых писателей, — но это не по невниманию к ним составителей альманаха, и не по недостатку материалов о них, а по скудости бывших в их распоряжении издательских возможностей и по причине полного расстройств типографского дела в современной России. Составители, однако, полагают, что своим небольшим и неполным альманахом они служат достаточно поминальную тризну по былому Отечественной словесности и пробуждают в тех, кто будет просматривать альманах, чувство доброго воспоминания как о самом Пушкине, так и о всех тех, кто так или иначе, как предшественник или как последователь тяготеет к великому поэту и находится в сфере лучей его немеркнущей и вечной славы.

Б. М.

Из этого вступления очевидно, что альманах, по замыслу Модзалевского, должен был быть «пушкинским», но так не случилось. Вот перечень работ, расположенных по архивным правилам в алфавитном порядке имен авторов:

1. Абрамович Д<митрий Иванович>. Лермонтов. Письмо к С. Н. Карамзиной. 9 л.
2. Азадовский М<арк Константинович>. Замечательная История русской литературы. С письмом Б. Л. Модзалевскому. 1922. 8 л.
3. Айзеншток Иеремия <Яковлевич>. Поэма Шевченко «Черница Марьяна». 45 л.
4. Беляев Михаил <Дмитриевич>. Ушаков. Письмо к Н. И. Гречу. 26 л.
5. Беляев Михаил <Дмитриевич>. Неизданные страницы Островского. 28 л.
6. Блок Г<еоргий Петрович>. Д. П. Ознобишин. Стихотворение «Судьба бережет тех, кого она лишает славы». 5 л.

7. Гаршин Евгений <Михайлович>, Я. П. Полонский — певец свободы и народник. Критический набросок. 12 л.
8. Гельд Г<ерман Готфридович>, «Фиолетта» или «Фюлиетта»? (К истории одной опечатки в тексте Тургенева). 1 л.
9. Евгеньев-Максимов <Владислав Евгеньевич>, Из переписки А. Н. Островского с Н. А. Некрасовым. 11 л.
10. Ильинский А<еонид Константинович> <Н. И.> Гнедич. Письмо к графу Д. И. Хвостову. 5 л.
11. Клеман Михаил Карлович. Текст лицейских стихов Пушкина. Корректурa. 2 л. и конв.
12. Кленский Михаил Петрович. Чехов. 76 л.
13. Козмин Н<иколай Кирович>, <М. Т.> Каченовский. Письмо к И. И. Мартынову. 5 л.
14. Козмин Н<иколай Кирович>, Бутовский. Письмо к А. И. Михайловскому-Данилевскому. 11 л.
15. Коплан Борис <Иванович>, И. В. Сленин. Письмо к А. И. Михайловскому-Данилевскому. 6 л.
16. Коплан Борис <Иванович>, Княгиня Зинаида Волконская. Письмо к Шаликову. 8 л.
17. Коплан Борис <Иванович>, Стихотворение Жуковского «Улучины прекрасной» и его краткая история. Авг. 1923. 18 л.
18. Коплан Борис <Иванович>, План издания сочинений М. Н. Муравьева, написанный В. А. Жуковским. 1923. 20 л.
19. Коплан Борис <Иванович>, <Н. М.> Коншин. Неизданное стихотворение. Воскресный благовест. 5 л.
20. Коплан Борис <Иванович>, С. Н. Глинка. Стихотворение, посвященное А. А. Прокоповичу-Антонскому. 5 л.
21. Коплан Борис <Иванович>, К<аролина> Павлова и <Н. Ф.> Щербина. Эпиграмма на Н. В. Сушкова. 9 л.
22. Коплан Борис <Иванович>, П. И. Вейнберг. Стихотворные шутки. 16 л.
23. Котляревский Н<естор> А<лександрович>, «Декабрьское выступление...». 6 л.
24. Лященко Аркадий <Иоакимович>, <Ф. В.> Булгарин. Письмо к Н. И. Гречу. 22 л.
25. Лященко Аркадий <Иоакимович>, И. П. Котляревский. Письмо к Н. И. Гнедичу. 17 л.
26. Макаров А<лександр Николаевич>, М. М. Сперанский. Письмо князю А. С. Меншикову. 6 л.
27. Милютин Е., <А.> В. Филимонов. Басня и письмо. 15 л.
28. Милютин Е., <А.> Владимир Соловьев. Письмо к К. Д. Кавелину. <1875>. 7 л.
29. Модзалевский Борис Львович. Предисловие. 6 л.
30. Модзалевский Борис Львович <за подписью В. Модзалевская>, К биографии Каролины Павловой. 8 л.

31. Модзалевский Борис Львович. Мятлев. Пародия на его стихи. 10 л.
32. Модзалевский Борис Львович. Граф В. А. Соллогуб. Стихи в альбоме. 4 л.
33. Модзалевский Борис Львович. Некрасов. Два письма к П. А. Плетневу и К. Д. Кавелину. 8 л.
34. Модзалевский Борис Львович. М. П. Садовский. Автобиографическая заметка. 7 л.
35. Мотовилова Мария <Николаевна>. Виктор Павлович Гавевский (1826—1888). 1923, дек. 18. 30 л.
36. Неустановленный автор. Три записки Л. А. Мея к Н. Ф. Щербине. 3 л.
37. Неустановленный автор. Апухтин. Неизданные стихотворения. <1850-е—1873 гг.>. 29 л.
38. Неустановленный автор. Рукописные копии писем А. Майкова, В. Стасова, А. Бородина <предназначавшиеся к публикации в сборнике?>. 10 л.
39. Орлеанский Н<иколай Михайлович>. <А. В.> Никитенко. Письмо к А. П. Керн. 6 л.
40. Переселенков Степан Александрович. Два отрывка из рукописей А. Н. Островского. 19 л.
41. Покровская Е<лена Борисовна>. Граф <Д. И.> Хвостов. Эпиграмма. 8 л.
42. Пушкарева З<инаида Викторовна>. <Письмо П. П.> Свиньина <к А. И. Михайловскому-Данилевскому>. 16 л.
43. Семенников Владимир <Петрович>. В. В. Попугаев — один из последователей Радищева. Ода на уничтожение цензуры. 12 л.
44. Семенов Леонид. По поводу альманаха Пушкинского Дома «Радуга». 10 л.
45. Томашевский Борис <Викторович>. Рукописи Островского, хранящиеся в Пушкинском Доме. 17 л.
46. Устимович <Петр Митрофанович>. <А. Г.> Родзянко. Письмо и стихотворное послание <к А. И. Михайловскому-Данилевскому>. 15 л.
47. Устимович <Петр Митрофанович>. Неизданное письмо М. П. Погодина к К. Д. Кавелину. 1922, апр. 27. 15 л.
48. Чернышев В<асилий Ильич>. В. А. Пушкин. Письмо к Н. И. Гнедичу. 3 л.
49. Чернышев В<асилий Ильич>. Н. И. Пирогов. «Идеал женщины». 28 л.
50. Шахматова Софья <Алексеевна>. В. Н. Олин. 6 л.
51. Энгельгардт Бор<ис Михайлович>. <И. И.> Лажечников. Письмо к О. М. Сомову. 4 л.

52. Энгельгардт Бор<ис Михайлович>. Загоскин. Ответ на письмо В. И. А...вой. 4 л.
53. Яковлев Николай Васильевич. <Н. И.> Ильин. Письмо к А. С. Шишкову. 4 л.
54. Яковлев Николай Васильевич. Островский — переводчик «Антония и Клеопатры» Шекспира. 1923, марта 15. 20 л.

В сохранившемся альманахе из перечисленных во вступлении отсутствуют имена и произведения Е. А. Баратынского, А. Ф. Воейкова, П. А. Вяземского, Ф. Ф. Кокошкина, Н. В. Кукольника, В. К. Кюхельбекера, Д. Т. Ленского, В. Ф. Одоевского. Нет письма Пушкина к А. А. Дельвигу; а пушкинское четверостишие «Когда Потемкину в потемках...» было опубликовано Б. Л. Модзалевским в другом сборнике,² то есть отсутствует половина из названных героев-литераторов. А. В. Никитенко и М. М. Сперанский представлены в других жанрах, а отвергнутые М. Т. Каченовский³ и П. П. Ильин все-таки вошли в корпус.

Создается впечатление, что вступление писалось Модзалевским под первоначальный замысел. Уже позднее появились писатели и поэты, определившие литературную жизнь второй половины XIX века: Островский, Некрасов, Чехов, Апухтин и многие другие; в реально складывающейся книге даже отразилось новейшее время — рецензия М. К. Азадовского (1922).

Альманах «26 мая» в целом не состоялся; однако небезынтесной представляется эдиционная судьба отдельных из перечисленных выше статей и публикаций.

В ближайшие к тому времени годы Пушкинский Дом подготовил и издал ряд книг — преимущественно к юбилейным датам. Так, к столетию А. Н. Островского была издана книга «Островский: Новые материалы, письма, труды и дни, статьи. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук» (М.; Пг.: ГИЗ, 1924). Из альманаха туда перешли следующие материалы:

1) *Беляев М. Д.* Неизданные страницы Островского. С. 1—42.

По сравнению с рукописью внесена (возможно, редактором) дополнительная сноска: «Текст “Неизданных страниц Островского” печатается нами с точным соблюдением орфографии и пунктуации подлинника» (с. 9).

² *Модзалевский Б. Л.* Пушкин: Новые тексты // Атеней: Историко-литературный временник. Л., 1924. Кн. 1—2. С. 5.

³ «Злой паук Каченовский» и «черная мурашка Олин» — цитаты из эпиграмматического стихотворения Пушкина «Собрание насекомых» (1829 г.).

2) Два отрывка из рукописей Островского. Редакция и вводная статья С. А. Переселенкова. С. 43—52.

Изменена только последняя фраза предисловия: «Откуда заимствовано содержание этой шутки, догадаться трудно» (с. 44); ср. в рукописи: «Откуда заимствована она (шутка. — Т. Ц.), на что указывает автор, догадаться трудно».

3) *Томашевский Б. В.* Рукописи Островского, хранящиеся в Пушкинском Доме. С. 98—107.

Наблюдается значительная правка по сравнению с сохранившимся в составе материалов альманаха автографом. По отношению к двум пьесам — «Сердце не камень» и «Без вины виноватые» — термин «автограф» последовательно заменен на «список»; добавлен абзац: «Настоящий список, очевидно, воспроизведен в копии Главного Управления по делам печати, хранящейся в Центральной Библиотеке Русской Драмы Петроградских Драматических Театров (см. «Памяти А. Н. Островского», с. 168—171)».⁴ Наблюдаются и другие аналогичные изменения текста, представленного Томашевским в альманахе, ср.: «Рукопись не вся писана рукой Островского» (в материалах альманаха) и «одной рукой» (в опубликованном тексте); «результат зачеркивания Островского» и «результат зачеркивания списка» (с. 103).

4) *Яковлев Н. В.* Островский — переводчик «Антония и Клеопатры» Шекспира. С. 178—198.

На с. 180—181 опубликованного текста расширена цитация стихотворного текста перевода: введены цитаты из сцен I, V, VI, VII. По сравнению с черновой рукописью проведена авторедакторская работа. К тому же Яковлев добавил в заключительную часть публикации (с. 198) письмо Островского к А. Ф. Дамичу от 28 июля 1885 года, касающееся оплаты за начало перевода пьесы Шекспира (публиковалось ранее в 1921 и 1923 гг.).

5) *Евгеньев-Максимов В. Е.* Из переписки Островского с Некрасовым. С. 199—208. Без существенных разночтений с рукописью.⁵

⁴ Поляков А. Материалы для изучения текста произведений А. Н. Островского // Памяти Островского. Пг., 1923. С. 135—172.

⁵ В сборнике «Островский: Новые материалы...», кроме обозначенных, предназначавшихся для альманаха «26 мая», были опубликованы и другие статьи пушкин домцев: *Модзалевский Б. А.* 1) Связка писем Островского. С. 209—243; 2) О братьях и сестрах Островского. С. 244—296; *Томашевский Б. В.* «Дополнения к “Хронологической канве”». С. 409—442; *Измайлов Н. В.* Рукопись драматической хроники «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». С. 53—97.

В сборник «Некрасов: Неизданные стихотворения, варианты и письма. Из рукописных собраний Пушкинского Дома при Российской Академии наук» (Пг.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1922) из предназначенных для альманаха «26 мая» вошла следующая публикация:

6) *Модзалевский Б. Л.* Некрасов и Плетнев (новые письма). С. 242—268.

Значительная публикация: в нее включены пять писем Некрасова к П. А. Плетневу (от 1 января 1856 г., от 12 марта и 3 ноября 1858 г., от 1 и 2 апреля 1859 г.); кроме того, две записки, адресованные Ипполиту Александровичу Панаеву, свидетельствующие о поддержке Некрасовым Николая Васильевича Успенского, тогда молодого писателя, студента, двоюродного брата Глеба Успенского; три письма Некрасова и Ивана Ивановича Панаева, соредактора Некрасова по «Современнику» (от 25 февраля, 3 марта и 3 апреля 1859 г.) и письмо Ив. Ив. Панаева (от 30 марта 1859 г.). Все письма сопровождаются обстоятельными комментариями. Впрочем, письма от 10 января 1856 года, предназначавшегося для публикации в альманахе «26 мая», по странной забывчивости (?) Б. Л. Модзалевского в этой подборке нет; впервые оно появилось в печати только в 1930 году.⁶

«Пушкинский сборник памяти профессора С. А. Венгерова» (М.: Пг., 1922 (на титуле), 1923 (на обложке)):

7) *Клеман М. К.* Текст лицейских стихов Пушкина. С. 1—12.

Это единственная работа в альманахе «26 мая», которая была представлена в корректуре. Под ней стоит дата — 1917 г. Разночтений с корректурой в опубликованном тексте нет.

«А. П. Чехов: Затерянные произведения. Неизданные письма. Новые воспоминания. Библиография» (Л.: Атений, 1925):

8) *Кленский М. П.* Затерянные рассказы и статьи. Предисловие. С. 13—14. Публикация мелких произведений Чехова из периодики с отсылками к первым публикациям. С. 15—40.

⁶ См.: *Некрасов Н. А.* Собр. соч. и писем. М., 1930. Т. 5. С. 235. Другие публикации пушкинодомцев в сборнике «Некрасов: Неизданные стихотворения...»: *Модзалевский Б. Л.* 1) Несколько дополнений к текстам Некрасова. С. 118—134; 2) Некрасов и Никитенко. С. 159—226; *Котляревский Н. А.* Некрасов. С. 5—59; *Гофман М. А.* «Кому на Руси жить хорошо»: Из рукописей Некрасова. С. 60—104; *Яковлев Н. В.* 1) «Филантроп». С. 105—117; 2) Некрасов и Лонгинов. С. 227—241; *Коплан Б. И.* К текстам Некрасова: Из рукописных преданий. С. 135—158; *Козмин Н. К.* Некрасов, Полонский и А. Майков. С. 269—302.

Без разночтений с материалами «26 мая».

«Декабристы: Неизданные материалы и статьи. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии наук» (М., 1925):

9) *Котляревский Н. А.* «Декабрьское выступление...». С. 9–12 (1-я паг.).

В рукописи — без названия. Над статьей надпись: «От Пушкинского Дома»; она носит характер посвящения памяти Нестора Александровича Котляревского, первого директора Пушкинского Дома, ушедшего из жизни 12 мая 1925 года. Печаталась без разночтений с автографом.

10) Особо следует отметить маленькую, в полстраницы, заметку Г. Г. Гельда «“Фиолетта” или “Фюлиетта”? (К истории одной опечатки в тексте Тургенева)». Нам не удалось установить, была ли она опубликована. Однако, по свидетельству тургеноведов, опечатка в тексте очерка «Поездка в Альбано и Фраскати» из «Литературных и житейских воспоминаний», допущенная в посмертном издании собрания сочинений Тургенева, была исправлена в позднейших изданиях в соответствии с высказанным замечанием Гельда.

Появлению перечисленных публикаций немало способствовал Борис Львович Модзалевский, который был составителем и редактором большинства названных сборников. В 1928 году Модзалевский умер — и после этого альманах «26 мая» почти на сто лет стал неприкосновенным.

Однако филологическая работа продолжалась. К автографам классиков в процессе подготовки академических изданий обращаются исследователи следующих поколений. Так, в шестом томе собрания сочинений Лермонтова письмо поэта к Софии Николаевне Карамзиной от 10 мая 1841 года сопровождается комментарием: «Автограф обнаружен в 1934 году в архиве кн<язя> Н<иколая> С<ергеевича> Голицына (т. е. спустя 12 лет, как его обнаружил Б. Л. Модзалевский! — *Т. Ц.*). Впервые опубликовано А. Н. Михайловой в “Лит. наследстве” (т. 19–21, 1935, с. 514)». ⁷ То есть спустя 13 лет с того времени, когда была подготовлена публикация Дмитрия Ивановича Абрамовича с примечанием Б. Л. Модзалевского: «Оно <письмо> найдено Б. Л. Модзалевским в архиве князя Н. С. Голицына, поступившем в Пушкинский Дом из Рязани». Д. И. Абрамович работал в Отделе рукописей Публичной библиотеки и был арестован в 1921 г.

⁷ *Лермонтов М. Ю.* Соч.: В 6 т. М.; Л., 1957. Т. 6. С. 758–759.

В новейшем собрании сочинений В. А. Жуковского пропущено его стихотворение позднего периода «У излучины прекрасной...». О нем (и, в частности, об истории его поступления в Пушкинский Дом) есть краткая информация в ценной работе Л. К. Хитрово «Тексты стихотворений В. А. Жуковского (по архивным материалам Пушкинского Дома)».⁸ Автограф был послан Якову Карловичу Гроту Павлом Александровичем Висковатовым; Лидия Константиновна приводит четыре строфы этого стихотворения и цитату из письма Висковатова. Но за 90 лет до этого автограф (не датированный), вероятно, был в лучшем состоянии, и Борис Иванович Коплан смог прочесть и последние две строфы — его сравнительно большая статья должна была появиться в альманахе «26 мая».

Еще один, третий по счету пример. С 2000 года выходят тома 20-томного собрания сочинений и писем Владимира Соловьева. В первом томе «Сочинений» в подробном комментарии к статье «О действительности внешнего мира и основании метафизического познания (ответ К. Д. Кавелину)» Б. В. Межуев с архивной ссылкой на Рукописный отдел Пушкинского Дома⁹ приводит письмо Соловьева к своему оппоненту Константину Дмитриевичу Кавелину от 29 марта 1875 года — разумеется, не зная о том, что это письмо стало темой невышедшей публикации Е. А. Милотиной почти век назад.

Наконец, при первом обращении к рукописям еще не атрибутированного альманаха, обнаружив ироническую заметку М. К. Азадовского «Замечательная история русской литературы» (1922) — отклик на вышедшую в Нью-Йорке в 1919 году «Краткую историю русской литературы», — мы предложили К. М. Азадовскому подготовить ее публикацию, что он и сделал с присущими ему тщательностью и эрудицией.¹⁰

Полагаем, что представленный материал можно считать — с большой долей условности — в некотором роде предшественником «Ежегодника» Рукописного отдела. Идея создания периодического, ежегодно выходящего издания Рукописного отдела

⁸ Оpubл. в изд.: Пушкин и его современники. СПб., 2009. Вып. 5 (44). С. 77–98.

⁹ РО ИРЛИ, ф. 20, № 676, л. 1–2.

¹⁰ См.: Неизвестная заметка М. К. Азадовского / Публ. К. М. Азадовского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб., 2013. С. 622–632. В настоящее время все статьи альманаха прошли научно-техническую обработку и доступны исследователям. Архивный шифр: Р. 1, оп. 43, № 103–156.

Пушкинского Дома, являющего миру ценнейшие автографы, собранные, хранимые и изучаемые учеными этого Дома, была воспринята и осуществлялась с 1969 года Николаем Васильевичем Измайловым и Ксенией Дмитриевной Муратовой. До 1981 года «Ежегодник» выходил регулярно. Затем наступила десятилетняя пауза, объясняемая, с одной стороны, незаинтересованностью руководства, но — главным образом — тяжелыми экономическими условиями в стране периода перестройки, сопровождавшейся той самой «скудостью издательских возможностей», о которой во вступлении к альманаху «26 мая» писал еще в 1922 году Б. А. Модзалевский. С 1990 года «Ежегодник» возобновлен, традиция предшественников продолжена.

V. ХРОНИКА

ТАТЬЯНИН МИР

Таня Краснобородько неотторжима от самого сокровенного, что есть в Пушкинском Доме, — от рукописей Пушкина и книг его личной библиотеки. Но она же — лицо Пушкинского Дома, посол Пушкинского Дома, поскольку у Пушкинского Дома есть посольская миссия и в России, и в мире. Именно она принимает в хранилище пушкинских рукописей людей известных, могущественных — Солженицын, Ростропович, принц Уэльский Чарльз, — и заставляет их полюбить Пушкинский Дом.

Только она на протяжении последних десятилетий продолжает оставаться всеобщей любимицей в Пушкинском Доме. Она же — главный, неоспоримый авторитет. Ее мнение всегда оказывается решающим в любой спорной ситуации.

Таня — замечательный ученый, и научные труды Краснобородько превосходны, но обаяние ее голоса, ее интонаций, ее вдохновенного напора, которыми всегда сопровождаются ее рассказы о пушкинских рукописях, о Пушкине, о Пушкинском Доме, поднимают общение с ней на ту высоту, до которой науке не добраться.

Пушкинский Дом нельзя представить без пушкинских рукописей, без Петербурга и без Тани Краснобородько. Отсутствие всего остального можно было бы пережить.

Всеволод Багно

К ПОРТРЕТУ ХРАНИТЕЛЯ

«Тень Пушкина меня усыновила...»

А. Ф. Онегин

Пушкинский фонд — сердце Пушкинского Дома. Его документы имеют фундаментальное значение не только для истории литературы, но и для русской культуры в целом, и на человеке, который является его хранителем, лежит высокая миссия — беречь для настоящего и грядущих поколений светоносные и живые рукописи Первого поэта России. Не вызывает сомнений, что тот, кто по праву занимает это место, — избранник, и должен быть наделен особыми дарованиями, необходимыми для такого служения.

8 января 1985 года Татьяна Ивановна Краснобородько, назначенная вместе с А. В. Дубровским на должность хранителя Пушкинского фонда, переступила порог Рукописного отдела. Она очень быстро и органично вошла в его «труды и дни». Надежная, совестливая, наделенная острым и глубоким умом, — к ней сразу стали обращаться за советом в сложных житейских и профессиональных ситуациях. Все сознавали, что перед нами, несмотря на молодость, вполне сложившийся, зрелый человек и ученый.

Очень быстро произошло становление Татьяны Ивановны как архивиста. Пользуясь методическими пособиями и прибегая к помощи опытных сотрудников, она изучила все, что необходимо знать хранителю: правила архивной обработки, документацию вверенного ей фонда и сопутствующие документы научно-справочного аппарата отдела. Но были у нее и другие наставники. Занимаясь историей Пушкинского фонда, отыскивая сведения для комментариев к своим работам, Татьяна Ивановна дни за днями проводила в читальном зале Архива Академии наук, куда были переданы

делопроизводственные документы Пушкинского Дома ранних лет. Акты о поступлении рукописей, музейных предметов, книжных собраний, письма и рапорты главного хранителя Пушкинского Дома Б. А. Модзалевского, отчеты о командировках М. А. Гофмана, П. М. Устимовича и других, — всего не перечислить. За этими бумагами стояли судьбы первых сотрудников и собирателей Пушкинского Дома, нередко трагические.

На протяжении лет Татьяна Ивановна много писала о первоначальном периоде формирования Пушкинского Дома. Среди важнейших работ на эту тему — публикация дневника Б. А. Модзалевского 1908 года,¹ в котором запечатлены события, связанные с его поездкой в Париж для описания пушкинского музея А. Ф. Онегина; подготовленные ею к печати вместе с Л. К. Хитрово записные книжки Бориса Львовича² с отдельным обширным и чрезвычайно ценным комментарием; статья «Парижский Пушкинский музей и его хранитель»³ и др. Так, постепенно накапливая и усваивая опыт тех, кто собирал и изучал рукописное наследие Пушкина, она стала живым звеном в цепи преемственности, ответственной и компетентной продолжательницей начатого ими дела.

Благодарность предшественникам, учителям и наставникам — очень важное качество Татьяны Ивановны, но нужно назвать еще одну яркую, поистине определяющую черту ее характера. В связи с этим хочется вспомнить забавный эпизод из нашей молодости. В 1987 году в Ленинград вернулась из эмиграции живая легенда — поэтесса Ирина Одоевцева. Заведующая и двое сотрудников Рукописного отдела побывали у нее, договорились о передаче архива и с тех пор продолжали навещать в доме на Невском, 13. Ирина Владимировна любила тестировать своих визитеров «по Фрейдю», и этот ее излюбленный тест сразу же был испытан на молодежи отдела. Один из вопросов — «какой образ возникает первым при слове “вода”?» — означал отношение человека к феномену жизни. Отвечали по-разному, но чаще всего варьировались «бескрайнее море», «широкая река», была даже вода из-под крана.

¹ Дневник Б. А. Модзалевского 1908 г. / Вступ. ст., подгот. текста, примеч. Т. И. Краснобородько // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1999. Вып. 9. С. 450—465.

² Модзалевский Б. А. Из записных книжек 1920—1928 гг. / Публ. Т. И. Краснобородько и Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 7—191.

³ Парижский Пушкинский музей и его хранитель // Санкт-Петербург — Франция: Наука, культура, политика. СПб., 2010. С. 284—304.

Татьяна Ивановна ответила оригинально: «Капля чистой воды — круглая, сверкающая!»

Одна из наших сотрудниц заметила: «Она вся в этом ответе, ведь капля, в которой отражается универсум, — это образ совершенства». Можно улыбнуться или возразить, но именно этот зрительный образ, заменяющий собою множество поясняющих слов, всплывал в памяти не раз в течение многих лет при мысли о том, что стремление к красоте, ясности и законченности, одним словом — к совершенству, определяет творческий и научный метод Татьяны Ивановны. Взять хотя бы выставки, которых она сделала за свою хранительскую жизнь великое множество. Масштабные международные и миниатюрные, на одну-две витрины, посвященные памятным годовщинам поэта — дням его рождения и смерти, которые Татьяна Ивановна ежегодно устраивает в Пушкинском зале нашего Литературного музея (среди них: «Александр Пушкин. Последний путь», «“Год неблагодарный!..” Поэтические отклики 1837 года на гибель Пушкина», «...в 1799 году, Мая 26-го, в четверг, в день Вознесения»). Эти выставки — и большие, и малые — объединяет артистизм замысла, детальная продуманность концепции и исполнения, которая выражается в манере раскладки рукописей и документов, информативной полноте и прекрасном стиле этикеток и сопроводительных текстов, изящном подборе иллюстраций, и главное — в чувстве меры, в гармонии и согласованности всех перечисленных элементов. Сверкающие капли...

При разговоре о выставках неизбежно вспоминается одна из них, которая в 1995 году была устроена по инициативе Т. И. Краснородько в Литературном музее Института — «Тень Пушкина меня усыновила...» (к 150-летию со дня рождения А. Ф. Онегина). Чтобы воссоединить на время экспонирования разрозненные части огромного онегинского собрания, перевезенного из Парижа в Ленинград в 1928 году и — увы! — расчлененного, вопреки выраженной воле Александра Федоровича, трудились многие представители Пушкинского Дома, Эрмитажа, Русского музея — ученые, дизайнеры, художники; но движущей силой проекта, приведшей замысел к блистательному воплощению, была творческая энергия хранителя Пушкинского фонда. Атмосферу первого пушкинского музея воссоздавали многочисленные фотографии. Драгоценные экспонаты — рукописи, книги, портреты и документы — занимали несколько залов второго этажа. Этот незабываемый праздник науки и культуры был данью благодарности первому хранителю пушкинского наследия. Впоследствии по

материалам выставки был подготовлен каталог, который можно смело назвать образцовым.⁴

Еще одна существенная деталь, характеризующая Татьяну Ивановну как хранителя: когда дело идет о фонде, для нее нет разделения на важные и неважные виды работ. Сегодня она показывает рукописи принцу Уэльскому, нынешнему королю Англии Карлу III, а на завтра с тряпкой и ведром обеспыливает свое хранилище; осуществляет грандиозные научные проекты — факсимильные издания рабочих тетрадей и болдинских рукописей поэта — и заменяет ветхие обложки, нумерует листы, прокладывает автографы микалентной бумагой. Год за годом делается то, что А. Блок называл «муравьиной работой культуры»: создание фонда электронных копий документов, обеспечение реставрации рукописей и книг из личной библиотеки поэта, выдача материалов исследователям, тысячи консультаций, интервью в прессе, на радио и телевидении, блестящие экспертизы автографов, занятия по пушкинской текстологии для аспирантов Пушкинского Дома, студентов российских и иностранных университетов, учителей-словесников, передача экземпляров факсимильных изданий рукописей поэта в пушкинские музеи, научные и вузовские библиотеки многих городов России.

Яркое впечатление оставляют в памяти экскурсии по фонду, научные доклады Татьяны Ивановны и импровизированные — за чашкой чая — рассказы на разнообразные литературные темы. Завораживает прекрасный русский язык, насыщенный старинными оборотами, меткими, образными выражениями; отсутствуют необязательные слова и междометия, нет кружения, нащупывания, приближения к цели: каждое высказывание точно выражает мысль. И нужно заметить, что богато одаренная от природы Татьяна Ивановна приложила немало усилий для совершенствования своей речи: как Пушкин во время оно заглядывал в академический словарь, так и она не расстается с Далем и другими полезными пособиями по русскому языку.

При мысли о нашей многолетней сотруднице в памяти всплывает строка Ахматовой: «щедро взыскана дивной судьбою». В одном из интервью Татьяна Ивановна сказала главное о себе как хранителе:

Мне выпала такая судьба — это больше чем удача, это огромный дар — сохранять бесценное. Это первая и последняя

⁴ «Тень Пушкина меня усыновила...»: Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина: Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997.

буква в моих обязанностях. Я отвечаю за то, чтобы рукописям Пушкина ничто не угрожало, чтобы были соблюдены все условия — и хранения, и использования, и распространения. В мою задачу входит, как писал Пушкин о няне в Михайловском, «кропотливый ее дозор», которому вверяется его имение. Моя главная роль сводится к тому, чтобы этот дозор был постоянным, кропотливым, внимательным. Тут нужны острый глаз и бережные руки. <...> Пушкин принадлежит всем. Но в эту конкретную минуту он в твоих руках. Удивление перед тем, что это досталось мне, не проходит с годами, и не дай Бог, если оно исчезнет. Я помню о каждом моем предшественнике на этом месте, дорожу тем, что сделали они, и должна помнить, что из моих рук это будет кому-то передано. Сохранять благоговейное отношение — мой профессиональный долг.

В преддверии грядущей в 2024 году славной даты — сорокалетия беспорочного служения Татьяны Ивановны Пушкинскому Дому — остается пожелать ей крепкого здоровья, творческого долголетия и благодатных сил в несении тяжелого и радостного креста Хранителя.

*С уважением и любовью
сотрудники Рукописного отдела
Пушкинского Дома*

Текст подготовила А. В. Герашко

ПУШКИНОДОМКА

Удивительным образом в 1995 году сошлись две даты: 90-летие создания Пушкинского Дома и 150-летие создателя и хранителя Пушкинского музея в Париже Александра Федоровича Онегина (1845–1925).

По случаю юбилея 10 февраля 1995 года в Большом зале Филармонии состоялся концерт Мстислава Леопольдовича Ростроповича «на устройство Пушкинского Дома». Обыкновенно пишут, что концерт прошел по личной инициативе музыканта. Однако, без сомнения, мысль эту заронила в нем Татьяна Ивановна Краснородько, рассказывая Мстиславу Леопольдовичу об истории Пушкинского Дома. Это было возрождением старой традиции благотворительных концертов, которые давались вплоть до 1908 года. Афиша с автографом Ростроповича и сейчас висит в комнате Рукописного отдела, где работает Татьяна Ивановна. Часть средств от этого концерта пошла на устройство онегинской выставки.¹

Сейчас уже трудно вспомнить, кто был инициатором ее создания — Татьяна Ивановна или Сергей Александрович Фомичев. Да, наверное, это и неважно. Несомненно одно: именно Татьяна Ивановна стояла в центре этого уникального проекта. Ее погружение в материалы архива и биографии А. Ф. Онегина помогло и нам, музейщикам, искать и выявлять в музейных фондах уникальные живописные и графические портреты, рисунки, фотографии, мемориальные предметы, поступившие в Пушкинский Дом в 1928 году. В свою очередь, Татьяна Ивановна, знакомясь с материалами

¹ Выставка «Тень Пушкина меня усыновила...» открылась в Пушкинском Доме в декабре 1995 года в Большом конференц-зале и двух выставочных залах.

музейных фондов, углубляла свои знания и представления о своем герое, кем он, без сомнения, для нее стал.

Идея названия выставки — «Тень Пушкина меня усыновила...» — также принадлежала Татьяне Ивановне и родилась благодаря ее знакомству с иконографией Онегина из музейного собрания. На фотографии Онегина 1895 года, подаренной им Борису Львовичу Модзалевскому в Париже в 1908 году, можно прочитать следующую дарительную надпись: «Тень Пушкина меня усыновила, / Онегиным из гроба нарекла. / Вокруг меня “газетки” возмутила / И в жертву мне Бориса обрекла. / (Но не “Бориса Годунова” / А Модзалевского милбова)... Paris Май Июнь 1908. А. Онегин». Так первая строчка этой надписи, отсылающая к цитате из «Бориса Годунова», с наибольшей полнотой отразила понимание Онегиным своего предназначения. Она же стала названием и символом выставки.

Экспозиционное пространство начиналось в Большом конференц-зале. Важнейшей его частью стала представленная в центре зала история поступления онегинского собрания в Пушкинский Дом. Для этого раздела экспозиции Татьяной Ивановной были отобраны уникальные материалы, отразившие все этапы передачи собрания: от идеи, высказанной Онегиным в письме к А. Н. Веселовскому 1903 года, содержащей важные условия, включенные в Договор Онегина с Академией наук 1909 года, до письма 1922 года советского торгпреда М. И. Скобелева, сообщавшего о важности сохранения коллекции для России и мерах, предпринятых для возобновления договора 1909 года.

Важным документом этого раздела был дневник Модзалевского 1908 года о его поездке в Париж к Онегину для составления охранной описи музея. Отчет Бориса Львовича с подробной характеристикой собрания и резолюцией вел. кн. Константина Константиновича подтвердил несомненность его приобретения. Таким образом, в заключении договора Академии наук с Онегиным в следующем, 1909 году ключевая роль принадлежала именно Модзалевскому, который сумел завоевать доверие «недоверчивого» хранителя. После визита Бориса Львовича в Париж Онегин и Модзалевский более не встречались, но еще в течение 15 лет переписывались вплоть до смерти Александра Федоровича.

На выставке между колоннами большого зала разместились витрины, сделанные в 1910 году для Пушкинского музея Александровского лица по проекту архитектора И. А. Фомина. В них экспонировались раритеты онегинского собрания: рукописи Пушкина, материалы дуэли и смерти поэта, книжная «пушкиниана», русские и зарубежные автографы и др. В витринах вдоль стен

были представлены рукописи, документы, изобразительные материалы, относящиеся к В. А. Жуковскому.

При входе в следующий зал висела карта Парижа, на которой был выделен дом 25 по улице Мариньян, в котором располагалась квартира Онегина, где и был им устроен музей. Посетители выставки — это те же гости Онегина, приходившие когда-то в музей по объявлению в русской газете «Парижский листок». И это тоже была идея Татьяны Ивановны. В этом зале мы попытались воссоздать уголок одной из комнат онегинской квартиры на основе подлинной мебели и личных вещей хранителя. Портреты, выполненные маслом и акварелью (многие в подлинных рамах, заказанных Онегиным), гравюры и литографии, фотографии украсили стены. В этом же зале была представлена изобразительная пушкиниана, в том числе живописные и скульптурные портреты Пушкина, художественная коллекция Жуковского — собственно, все то, что наполняло трехкомнатную квартиру на улице Мариньян. В онегинских шкафах экспонировались прижизненные издания поэта, альманахи, книжные раритеты. Последние, по замыслу Татьяны Ивановны, были дополнены счетами парижских переплетных мастерских. Отдельные изобразительные материалы предоставил Всероссийский музей А. С. Пушкина, куда часть онегинской коллекции была передана в 1953 году.

Наконец, третий зал отдали на откуп молодым художникам с Пушкинской улицы, которые сделали выразительную современную экспозицию, на которой были представлены юбилейные материалы, изготовленные к 100-летию со дня рождения поэта, так называемый китч.

Во время подготовки выставки Татьяна Ивановна включилась в работу не только на уровне концепции, отбора рукописных материалов, но и как экспозиционер, предлагая свою подачу материала, обусловленную не только содержанием рукописей, но и эмоциональными комментариями Онегина на конвертах, папках, копиях автографов, переписанных его рукой. Невозможно забыть, как во время экскурсий Татьяна Ивановна цитировала «хранителя»: «Его Сиятельство Граф Нулин», «Archi-драгоценность» — это об отрывке из «Кишиневского дневника», или «Святые пальцы Пушкина...» — о рисунке поэта на черновом автографе стихотворения «О бедность! затвердил я наконец...» и др.

Вообще экскурсии, которые водила по выставке Татьяна Ивановна, забыть невозможно. Ее сопереживание, влюбленность в Онегина, порой трогательного, наивного, иногда недоверчивого и раздражительного, позволяла представить и его самого, и его

«музейчик». Ее рассказ об Онегине и его музее сочетал в себе научную строгость и глубину с доступностью и яркостью изложения.

Подлинные пушкинские автографы можно было увидеть только в день открытия выставки: для постоянного экспонирования художник Ю. В. Клопов изготовил высококачественные муляжи рукописей. И это также было заботой Татьяны Ивановны как хранителя. Высококласная работа художника позволила в дальнейшем использовать эти виртуозно сделанные копии и в других выставочных проектах.

Все открытия, сделанные во время подготовки выставки, нашли затем отражение в научном каталоге,² для которого Татьяна Ивановна написала вступительную статью под говорящим названием «Хранитель». Необходимо отметить, с каким пониманием и восхищением она пишет об этой стороне личности своего героя, перечисляя папки для рукописей с владельческой надписью «Puchkiniana А. Ф. Онегина», роскошные марокеновые переплеты книг, заказанные им рамки, паспарту и др. Перед читателем предстает образ хранителя, который «тратил почти все свои средства на чистку, реставрацию, переплет, оформление экспонатов, и под его присмотром лучшие парижские мастера придавали предметам музея нарядную, “вкусную” форму».³

В статью Татьяной Ивановной были включены фрагменты писем, воспоминаний, в значительной своей части неопубликованных. Отдельно она поместила статью А. Дермана «В гостях у А. Ф. Онегина»⁴ — забытую публикацию 1941 года. Живые свидетельства современников Онегина, посещавших его музей, погружали читателя в атмосферу онегинской квартиры на ул. Мариньян, 25, и образ создателя музея и его хранителя становился ближе и живее. Вот как описывала своего героя Татьяна Ивановна: «Он был замкнут, мнителен и самолюбив, слаб человеком раздражительным и неуживчивым. Только немногие близкие люди знали, как он одинок, как ранима его душа, как чутко к чужой боли его сердце, как он “самоотвержен в дружбе”».⁵

В 1997 году онегинское собрание экспонировалось в Москве в залах Государственного музея А. С. Пушкина. Тот же коллектив, который работал над выставкой в Пушкинском Доме, отправил-

² «Тень Пушкина меня усыновила...»: Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина: Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997.

³ *Краснобродько Т. И.* Хранитель // «Тень Пушкина меня усыновила...». С. 14.

⁴ Там же. С. 21–24.

⁵ Там же. С. 10.

ся в Москву почти в полном составе и за неделю (а это была Страстная неделя) выставка была смонтирована и открыта. Там же прошла презентация каталога. Издание было осуществлено итальянским издательством «Эдитриче Композитори» при поддержке М. Понзеллини; фотографии экспонатов делал И. Джонс, дизайн каталога был выполнен Т. Пламриджем.

В том же году Татьяна Ивановна написала статью «Пушкинский Дом Александра Онегина» для журнала «Наше наследие»,⁶ найдя новые краски для описания своего героя и его «музейчика». Название статьи было по-своему символическим: ей удалось соединить настоящий Пушкинский Дом и уже не существующий Пушкинский музей Онегина в одно целое, вписав последний в историю Пушкинского Дома.

Другим крупным совместным проектом музея, осуществленным вместе с Татьяной Ивановной, была выставка 1999 года «Имя Пушкинского Дома в Академии наук...». Работа над выставкой совпала с драматическим моментом в жизни музея, когда распался уникальный коллектив, работавший над онегинской выставкой и каталогом. И здесь мне хочется назвать этих людей, которые были вынуждены покинуть стены Пушкинского Дома в преддверии юбилея, — это Лада Ивановна Вунч, Анна Владимировна Лебедкова и Ирина Александровна Снеговая.

В то время этот коллектив только закончил работу над изданием альбома «А. С. Пушкин и его современники в портретах», научным редактором которого была Татьяна Ивановна. Таким образом, музейную часть собрания практически не нужно было выявлять. Юбилейная дата для нас сопрягалась прежде всего с Пушкинской выставкой 1899 года, которая частично была запечатлена на фотографиях. Фрагмент этой выставки с пушкинскими портретами мы тогда попробовали повторить. Экспозицию также украсили портреты из коллекции Российской Академии наук, которые экспонировались на первой выставке Пушкинского Дома в 1913 году.

Поскольку на академической выставке были представлены материалы личных коллекций, решено было и на этот раз пойти по тому же пути. Так, в двух залах музея были показаны материалы собрания вел. кн. Константина Константиновича в обстановке вещей из Мраморного дворца; там же был уголок Пушкинского музея А. Ф. Онегина в Париже и фрагмент экспозиции Лицейского музея с подлинными витринами. Были и семейные

⁶ Краснобородько Т. И. Пушкинский Дом Александра Онегина // Наше наследие. 1997. № 41. С. 28–32.

Сотрудники Литературного музея, Рукописного отдела и Всероссийского музея А.С.Пушкина в день открытия выставки «День Пушкина меня усыновил...» Слева направо: А.Н.Иванова, О.Ю.Хохлова, А.В.Лебекова, Л.Е.Мисидица, Т.С.Бердникова, А.И.Вучч, В.С.Лошнова, Е.В.Пролет, А.Ф.Некрядова, Т.И.Краснобородавко, Л.К.Хитрово

Т. И. Краснобородко ведет экскурсию по выставке в день ее открытия. Справа — академик-секретарь Отделения литературы и языка РАН Е. П. Чельшев

Посетители на открытии выставки в экспозиции одного из залов. В центре — В. С. Логинова беседует с П. В. Бекединым

*Создатели выставки «Имя Пушкинского Дома в Академии наук...»
Л.Е. Мисайлиди, В.С. Логинова и Т.И. Краснобородяко
в день ее открытия*

*Т. И. Краснобородько и А. Н. Ашешова в день
открытия выставки в экспозиции одного из залов*

*А. Е. Мисайлиди и Т. И. Краснобородько
во время монтажа выставки*

уголки — Абамелек-Лазаревых, Карамзиных, Горчаковых, Воронцовых-Дашковых и др.

Без сомнения, центральными экспонатами выставки были метрическая книга Сретенского сорока Москвы с записью о рождении и крещении А. С. Пушкина в церкви Богоявления в Елохове и альбом заведующей библиотечным отделением Пушкинского Дома Евлалии Павловны Казанович с автографом стихотворения А. А. Блока «Пушкинскому Дому», первые строчки которого «Имя Пушкинского Дома в Академии наук...» и стали названием выставки.

Прекрасно зная пушкинские автографы и их происхождение, Татьяна Ивановна импровизировала, выстраивая витрину вокруг наиболее важного, по ее мнению, автографа. Мы же, как сотрудники музея, подстраивались под ее замысел, занимаясь больше организацией пространства и изобразительным рядом. В уголке вел. кн. Константина Константиновича среди прочих материалов можно было увидеть автографы стихотворений «Мадона» («Не множеством картин...») из альбома Юрия Никитича Бартенева и «Козлову» («Певец, когда перед тобой...») — подарок дочери поэта великому князю. Коллекция Абамелек-Лазаревых наряду с семейными портретами была представлена альбомом Анны Давыдовны Абамелек с пушкинским автографом посвященного ей стихотворения «Когда-то (помню с умилением)...». В уголке Карамзиных экспонировалось письмо 1837 года Софьи Николаевны Карамзиной брату Андрею в Париж с переписанным стихотворением «На смерть поэта» «неизвестного поручика Лермонтова». Сильнейшее впечатление на выставке производил автограф «Медного всадника», который не был пропущен в печать Николаем I, с его отчеркиваниями строчек: «Добро, строитель чудотворный! — / Шепнул он, злобно задрожав, — / Ужо тебе!...».

Особая страница моего рассказа — это выставки-миниатюры, которые Татьяна Ивановна делала к ежегодным пушкинским датам: иногда в Большом конференц-зале, а в последнее время — в зале литературы первой половины XIX века. Каждый раз придумывался новый сюжет, который выстраивался на рукописях и документах Пушкинского фонда. Музейный материал на таких мини-выставках, как правило, не использовался. Таким образом, появился совершенно новый экспозиционный жанр, где главенствовала «ее величество рукопись».

Этот опыт позволил Татьяне Ивановне разработать концепцию выставки к 180-летию со дня гибели поэта — «Пушкин. Последний год. Избранные страницы», где предполагалось отследить жизнь Пушкина день за днем, начиная с мая 1836 года до роковой

дуэли. Замысел состоял в построении экспозиции исключительно на подлинных пушкинских документах. Осуществить проект можно было только при условии специального обустройства помещения и наличия оборудования, соответствующего существующим стандартам экспонирования рукописей. К сожалению, найти деньги на этот уникальный проект тогда не удалось.

Полагаю, что онегинская выставка и каталог стали своеобразным началом обращения Татьяны Ивановны к теме истории Пушкинского Дома. Без сомнения, теперь одним из главных ее героев стал Борис Львович Модзалевский (1874—1928) — главный ученый хранитель Пушкинского Дома, исследователь, архивист, знаток пушкинской эпохи, который был (да, вероятно, и остается!) для Татьяны Ивановны профессиональным и нравственным ориентиром.

В 1999 году ею был опубликован дневник Бориса Львовича о его поездке в Париж к Онегину и в Веймар к Павлу Васильевичу Жуковскому в 1908 году.⁷ Дневник и комментарии к нему позволяют увидеть тридцатичетырехлетнего Модзалевского не только радетелем о Пушкинском Доме, тружеником, работавшим в музее по десять часов в день, но и обычным человеком: он бывает в театре, посещает музеи, покупает книги у букинистов. Иногда его сопровождает Онегин. В то же время главная его цель — описать коллекцию и расположить Онегина к себе для заключения договора с Академией. В комментариях Татьяна Ивановна цитирует письмо Модзалевского казначею и чиновнику особых поручений Академии наук В. А. Рышкову, в котором он делится своими впечатлениями: «Дело с Онегиным <...> идет благополучно вперед. Работаю ежедневно с 9 утра до 7 вечера с перерывом в 2 часа на завтрак. <...> Я уже писал, что мои симпатии на его стороне; по приезде все расскажу подробно. Конечно, надо стараться, чтобы его собрание было приобретено; если оно пропадет, будет непоправимая утрата».⁸

Образ Бориса Львовича предстает в различных публикациях Татьяны Ивановны в виде писем, дневников, записок, иногда в оценках его собеседников. В первые десятилетия существования Пушкинского Дома главной его заботой как хранителя было приобретение новых и пополнение существующих коллекций. Одну

⁷ Модзалевский Б. Л. Дневник моей поездки в Париж и Веймар в 1908 году, по делам Пушкинского Дома, к А. Ф. Онегину и П. В. Жуковскому / Публ. Т. И. Краснобородько // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 1999. Вып. 9. С. 450—465.

⁸ Там же. С. 462.

важную для хранителя черту Модзалевского приводит Татьяна Ивановна, цитируя в предисловии к письмам Модеста Людвиговича Гофмана к Модзалевскому фрагмент его более поздних воспоминаний: «Я вполне усвоил в этом отношении политику и уроки Б. А. Модзалевского: для того, чтобы ему для Пушкинского Дома наследники литературных семей пожертвовали свои литературные драгоценности, он всюду расстилался перед ними, шармовал их, они таяли и давали ему то, чего он добивался».⁹ Но настали тяжелые времена: в революционные и послереволюционные годы такая «политика» уже не действовала, Модзалевскому приходилось спасать не только архивы, но в некоторых случаях и их владельцев. Так, Татьяна Ивановна приводит следующее свидетельство Гофмана: «Модзалевский принимал также на хранение архивы и рукописи, за хранение которых их владельцы «могли бы поплатиться жизнью»».¹⁰

Личность Модзалевского в последний период его жизни раскрывается в публикации его записных книжек за 1920–1928 годы.¹¹ В предисловии Татьяна Ивановна пишет об этом так: «Изменившиеся за эти годы социальные обстоятельства, которые приобрели характер чрезвычайных, разрушали физические силы Бориса Львовича, но все же не смогли сломить его непреклонной воли, когда дело касалось его научного дитища: заботы о сохранении и развитии Пушкинского Дома по-прежнему и несмотря ни на что составляли смысл и содержание жизни Модзалевского».¹² Кроме спасения архивов и частных коллекций, руководства научной деятельностью Пушкинского Дома и собственной исследовательской работы Борис Львович был вынужден взять на себя и административную нагрузку. По словам Татьяны Ивановны, в записных книжках «зафиксирована не только хроника Пушкинского Дома, они — важнейшее документальное свидетельство личной биографии его создателя».¹³

Уникальной можно назвать комментаторскую работу Татьяны Ивановны в этой публикации, которую можно сравнить только с комментариями самого Бориса Львовича: количество имен,

⁹ Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть 1 (1904–1921) / Публ. Т. И. Краснорощко при участии В. Р. Гофмана // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 184.

¹⁰ Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть 1 (1904–1921). С. 196.

¹¹ *Модзалевский Б. А. Записные книжки 1920–1928 гг.* / Публ. Т. И. Краснорощко и Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 7–191.

¹² Там же. С. 9.

¹³ Там же.

событий, которые она прокомментировала, более чем в три раза превышает объем собственно записных книжек. Примечания — а их 520! — не только дают представление о деятельности самого Модзалевского в эти годы, но и знакомят с жизнью Пушкинского Дома и его сотрудников.

В это же время Татьяна Ивановна готовит к печати письма к Модзалевскому еще одного пушкинодомца — историка литературы, талантливого пушкиниста Модеста Людвиговича Гофмана (1887–1959) за 1904–1921 и 1922–1926 годы.¹⁴ В предисловии к публикации Татьяна Ивановна пишет о том, что «письма <...>, а также воспоминания Гофмана¹⁵ представляют собой благодарный материал к первоначальной истории Пушкинского Дома. Они возвращают к тем “летописным временам”, когда закладывался надежный, незыблемый фундамент его коллекций — рукописных, книжных, музейных — и когда вокруг Модзалевского постепенно собирались его единомышленники — пушкинодомские труженики и пушкинодомские дарители».¹⁶ Образ Бориса Львовича в этих письмах несколько притушеван. Здесь он учитель, старший товарищ, всегда готовый прийти на помощь.

Героем нового времени для Татьяны Ивановны на этот раз становится Модест Гофман, с которым Модзалевский связывал большие надежды, считая его своим «alter-ego <...> в отношении любви к Пушкину и к его Дому», — так писал Борис Львович Онегину 21 ноября 1922 года.¹⁷ Энергичный, увлеченный, талантливый, не лишенный авантюризма — таким рисуется Модест Людвигович в письмах, в обширном предисловии Татьяны Ивановны, представляющем собой, по-видимому, первую биографию исследователя, похожую на приключенческий роман.

Чудесным образом в этой публикации соединились три героя Татьяны Ивановны — Онегин, Модзалевский и Гофман. Последнему суждено было завершить историю взаимоотношений

¹⁴ Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть I. С. 180–238; Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть II (1922–1926) / Публ. Т. И. Краснобородько // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 797–943.

¹⁵ В предисловии и комментариях Татьяна Ивановна уточняет, что полноценных воспоминаний Гофман не оставил — только статьи в различных журналах мемуарного характера. К воспоминаниям она условно также относит неопубликованные письма из архива внуков Гофмана, из которых она цитирует фрагменты (см.: Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть I. С. 181, примеч. 4).

¹⁶ Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть I. С. 180–181.

¹⁷ Письма М. А. Гофмана к Б. А. Модзалевскому. Часть II. С. 803.

Онегина с Пушкинским Домом и Академией наук. Именно Гофман в 1922 году был направлен в Париж для возобновления договора с Онегиным, который был подписан и заверен нотариусом 7 декабря 1922 года. В 1924 году Гофман отказался вернуться в Россию и стал эмигрантом. Тем не менее после смерти Онегина в 1925 году он принимал участие в составлении описи музея и подготовке его к переезду в Россию. Он также составил научное описание собрания.¹⁸

Татьяной Ивановной когда-то задумывалась книга об Онегине, с которым она сроднилась во время погружения в онегинский архив и биографию коллекционера. В то время этот замысел не осуществился, но волею судьбы пророс в судьбах других героев — создателей Пушкинского Дома, продолжателем служения которому является и она сама.

Восстанавливая в своих публикациях события минувших лет жизни Пушкинского Дома, Татьяна Ивановна воссоздавала тот утраченный мир — и сама становилась на это время современницей первых пушкинодомцев, их коллегой и собеседницей.

В старинных комнатах мы шутим иногда,
Благоговенья к ним исполненные дети.
Нет ничего для нас отраднее на свете,
Как вспоминать минувшие года
Не нашей жизни, нет. — Столетьем отдаленны,
Мы возвращаемся в мечтах, как наяву,
В век Александровский, священный, просвещенный,
Судивший нам и *лиру*, и *сову*.
Иных годин настигла нас чреда.
И, современные, мы — что ж — несовременны.
Но ждут нас подвиги. И в мыслях неизменны,
В старинных комнатах мы шутим иногда.¹⁹

Л. Е. Мисайлиди

¹⁸ Гофман М. А. Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926. Опубликовав книгу под грифом «Bibliothèque de l'Institut Français de Leningrad», Гофман нарушил права литературной собственности Академии наук, навсегда порвав свои отношения с Академией и коллегами-пушкинистами.

¹⁹ Эти стихи вошли в нашу жизнь благодаря Татьяне Ивановне. Именно она предложила Ладе Ивановне Вуич, автору вступительной статьи для альбома «А. С. Пушкин и его современники в портретах» (СПб., 1999), завершить ее стихотворением ученого секретаря Пушкинского Дома Бориса Ивановича Коплана «Пушкинскому Дому» (1922). Эти стихи прекрасно передавали дух Пушкинского Дома и его обитателей 1910–1920-х годов, и как нельзя более отражали и наш общий настрой сопричастности тому времени.

P. S.

Надо сказать, что Татьяне Ивановне в Пушкинском Доме необыкновенно повезло. Вскоре после окончания Ленинградского университета она в 1984 году была зачислена в Пушкинскую группу, а всего через несколько месяцев стала хранителем Пушкинского фонда. Признаюсь, я с опаской тогда отнесся к такому назначению. И оказался неправ: сложнейший фонд был ею блистательно освоен.

Вспоминаются хлопоты хранителя в ходе подготовки факсимильного издания рабочих тетрадей А. С. Пушкина, что началось с изготовления фотографий бесценной коллекции. Королевский фотограф (издание осуществлялось в сотрудничестве с Фондом лидеров бизнеса под эгидой принца Уэльского) покорно принял руководство молодой сотрудницы, добившейся предельной бережности в обращении с рукописями. Мне довелось наблюдать и за изготовлением отпечатков с этих фотографий в издательстве «Compository» в Болонье, когда, добиваясь максимальной точности цветопередачи, Татьяна Ивановна настаивала на перепечатке уже готовых страниц будущих томов. И, конечно же, незабываемы впечатления от путешествий в редкие выходные дни пушкинодомской группы (в состав которой, помимо меня и Татьяны Ивановны, входила и Светлана Богдановна Федотова) по Италии, организованные менеджером издательского проекта Тимоти Пламриджем.

После завершения «Рабочих тетрадей» возникла идея издать пушкинские рукописи Болдинской осени 1830 года — также факсимильно. Помня свои безуспешные скитания по отечественным издательствам с предложением издать рабочие тетради

поэта — еще до того, как в Пушкинском Доме появился принц Чарльз (ныне король Карл III), профинансировавший данный проект, — я мало надеялся на отечественных издателей. А Татьяна Ивановна не прекратила поиски. В свое время к 200-летию пушкинскому юбилею ей удалось договориться с руководством петербургского издательства «Logos» об издании «Альбома Елизаветы Ушаковой», украшенного многими рисунками Пушкина. И надо же! Спустя десятилетие издательство «Альфареет» осуществило выпуск трехтомника «Болдинские рукописи Пушкина». Времена изменились. Не изменила своему призванию Татьяна Краснобородько.

Между прочим, в мире сейчас нет писателя, равного Пушкину по количеству факсимильно изданных рукописей. Может быть, стоит по этому поводу обратиться в Книгу рекордов Гиннесса?

И еще одна потрясающая история... Однажды Мстислав Леопольдович Ростропович по случаю купил (за большие деньги!) рисунок «Полицейский и дворник», якобы выполненный Пушкиным. В 1994 году он обратился в Пушкинский Дом за консультацией: действительно ли рисунок вышел из-под пушкинского пера? Татьяна Ивановна, сопоставив привезенный владельцем рисунок с лицейскими зарисовками Пушкина, убедительно доказала, что рисунок ему не принадлежит. В свою очередь маэстро осведомился, сколько он должен заплатить за авторитетное научное заключение. «Ну что вы! — возразили мы. — Нам доставило счастье уже одно общение с вами. Вы и так здорово потратились!» — «Нет! Я не привык оставаться должником!»

В ходе долгих препирательств мы вспомнили, что в свое время с благотворительными концертами в пользу возникшего Пушкинского Дома выступали Ф. И. Шаляпин и Л. В. Собинов. «Интересно, — воскликнул Ростропович, — и сохранились афиши?» Когда афиши были продемонстрированы, он воскликнул: «Черт возьми! У меня концерты расписаны по всему миру года на два вперед! Но я постараюсь!»

И постарался. Вскоре в Пушкинский Дом позвонили из канцелярии мэра: «Вы что себе позволяете? Ростропович требует на 10 февраля предоставить ему Большой зал филармонии для концерта в честь Пушкинского Дома. Но на этот день уже назначен другой концерт!»

Выступление Ростроповича все же состоялось. В рабочем кабинете Татьяны Ивановны хранится афиша с надписью:

До конца дней
буду счастлив, что
после 10 февраля был хотя бы
одной крошечкой
причастен к Пушкинскому Дому.
Всегда Ваш
М. Ростропович.
15/III 2004.

Деньги, вырученные от концерта, позволили в том числе организовать в нашем музее интереснейшую выставку «Тень Пушкина меня усыновила...», посвященную другому благотворителю — Александру Федоровичу Онегину, экспонаты парижского пушкинского музея которого по его завещанию были переданы в Пушкинский Дом, и выпустить альбом к этой выставке (СПб.; Болонья; Кембридж, 1997).

Когда я думаю о Татьяне Ивановне, мне вспоминаются самые разные сюжеты. Впрочем, все они — про самоотверженность и самоотдачу на посту хранителя, про безусловную любовь и преданность делу всей ее жизни. Право же: не место красит человека. Тут Пушкинскому Дому необыкновенно повезло.

С. А. Фомичев

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абамелек А. Д. 208
Абамелек-Лазаревы 208
Абрамович Д. И. 184, 190
Агамалян Л. Г. 81
Адрианова-Перетц В. П. 37
Азадовский К. М. 191
Азадовский М. К. 184, 187, 191
Айзеншток И. Я. 184
Айхенвальд Ю. И. 14
Аксаков С. Т. 183
Алданов М. А. 24
Александр I, император 113, 127
Алексеев Н. С. 153, 154
Алексеева О. Б. 53
Альми И. А. 156
Альтшуллер М. Г. 5, 83, 90
Альфьери В. 138 (Альфиери)
Андреев А. Н. 167
Андреев Н. П. 96
Анненков П. В. 133, 146, 150, 151
Анненский И. Ф. 15, 16, 28
Апухтин А. Н. 182, 186, 187
Аракчеев А. А. 126
Ариосто Лудовико 50, 51
Ахматова А. А. 28, 197
Ашешова А. Н. 206
Бабореко А. К. 11, 20, 21
Багно В. Е. 81, 193
Байрон Дж. Г. 132, 136,
Балакин А. Ю. 82
Баратынский Е. А. 8, 183, 187
Барзах А. Е. 81
Барсуков Н. П. 140
Бартенев П. И. 119, 120, 150
Бартенев Ю. Н. 208
Барюш (Baruch) М. 122
Басаргина Е. Ю. 61
Баскаков Н. А. 45, 52
Бахрах А. В. 7, 28
Бахрушин А. А. 45, 64, 65
Бахрушины 65
Бахтин Н. И. 91, 94
Бекедин П. В. 81, 205
Беклемишев В. А. 67
Белинский В. Г. 12, 89, 90
Белый Андрей 35
Беляев М. Д. 79, 184, 187
Бенедиктов В. Г. 26
Бенкендорф А. Х. 141, 147, 149
Бенуа А. Н. 36
Бердникова Т. С. 71, 204
Березкина С. В. 80, 81, 82
Бестужев (Марлинский) А. А. 23,
125, 127
Бетеа Д. М. 73, 101
Бильдюг А. Б. 81
Благой Д. Д. 96
Блок А. А. 15, 164, 197, 208
Блок Г. П. 184
Бобринская С. А. 114, 115
Бобринский А. А. 115
Бобров А. Г. 81
Богаевская К. П. 92, 95
Богданов А. И. 44, 48
Богомолов Н. А. 164
Бодрова А. С. 101
Бонди С. М. 102

- Бородин А. П. 182, 186
 Бочаров С. Г. 81
 Брусянин В. В. 167
 Бударагин В. П. 78
 Буланин Д. М. 74, 75, 79–81
 Булгаков А. Я. 111, 119
 Булгаков К. Я. 119
 Булгарин Ф. В. 103, 149, 185
 Бунин А. И. 9
 Бунин Д. А. 9
 Бунин Д. С. 9
 Бунин Е. А. 11
 Бунин И. А. 5, 7–33
 Бунин И. Л. 9
 Бунин Ю. А. 14
 Бунина А. П. 9, 183
 Бунина (Муромцева-Бунина) В. Н. 11,
 14 (жена), 17, 18, 21, 26
 Бунина Л. А. 9
 Бунины 9, 21, 24,
 Бурцев А. П. 84, 86
 Бутковский И. Г. 184, 185
 Бутурлин Д. П. 119
 Бюргер (Bürger) Г. 94, 100
Васильева И. В. 80
 Вадуро В. Э. 70, 81, 82
 Везенков-Косарин А. П. 64, 65
 Вейнберг П. И. 14, 185
 Венгеров С. А. 97, 153, 189
 Венивитинов Д. В. 12, 23
 Вересаев В. В. 28, 153, 154
 Верховский Ю. Н. 165
 Веселовский Александр Н. 58 (пред-
 седательствующий), 59, 67
 Веселовский Алексей Н. 58, 59
 Вестберг Ф. 47
 Виельгорский М. И. 98
 Винавер М. М. 171
 Винавер Р. Г. 171
 Виргилий 14
 Виротайнен М. Н. 5, 73, 82, 102,
 130, 181
 Вирье (Virieu) Э. де 118
 Висковатов П. А. 191
 Вовина С. Я. 164
 Водолазкин Е. Г. 72
 Воейков А. Ф. 183, 187
 Волконская З. А. 183, 185
 Волконский П. М. 125, 126
 Вольперт Л. И. 73
 Вольская Е. Я. 156
 Воронцовы-Дашковы 208
 Вревская Е. Н. 73
 Всеволод Святославич, князь 45, 55
 Вунч Л. И. 71, 78, 203, 204, 212
 Вульф Алексей Н. 20
 Вульф Анна Н. 20
 Вульф (Вревская) Е. Н. 20
 Вяземская В. Ф. 113, 120
 Вяземский П. А. 85, 92, 110, 111, 113,
 116, 119–122, 183, 187
 Вяземские, князья 110, 113, 114,
 Вяткин М. Л. 72
Гаевский В. П. 146, 186
 Гаршин В. М. 23
 Гаршин Е. М. 185
 Гаспаров М. Л. 82
 Гаффаров А. А., мирза 46, 47
 Гебель И. П. (Hebel) 94, 100
 Гейнце Н. Э. 125
 Гейро А. С. 82
 Гельд Г. Г. 185, 190
 Генералова Н. П. 71
 Герасимова Е. Ю. 81
 Герашко А. В. 81, 198
 Герцен А. И. 17
 Гессен С. Я. 76
 Гёте И. В. 94
 Гиппиус В. В. 133
 Гиренко В. 74
 Гитлер А. 31
 Глассе А. 112–115, 120, 122
 Глинка М. И. 98, 154
 Глинка С. Н. 185
 Гнедич Н. И. 95, 100, 102, 185, 186
 Гоголь (Gogol) Н. В. 23, 125, 171, 172,
 174, 175
 Голенищев-Кутузов А. А. 51, 52
 Голицын Б. Б. 44, 50, 52, 53
 Голицын Н. С. 190
 Головин (Golovin) В. В. 6, 76
 Голубева Л. Г. 16
 Гольдин С. Л. 12
 Гомер 11
 Горбунов И. Ф. 171
 Гордин Я. А. 79
 Горелов А. А. 81
 Горчаковы 208

- Горяева Т. М. 82
 Гофман А. Р. 176, 177
 Гофман В. Р. 6, 79, 158, 176—181, 210
 Гофман (Hofmann) М. А. 6, 75, 79, 80, 122, 158—181, 189, 195, 210, 211
 Гофман (Hofmann) Р. М. 6, 163—166, 168—170, 172—177
 Гофман (урожд. Голунова) Т. В. 176
 Гофманы 158
 Грачева А. М. 168
 Греч Н. И. 184, 185
 Грибоедов А. С. 23, 83, 95, 102, 109
 Григорович П. И. 129
 Грин М. 18
 Грот Я. К. 191
 Губанов Г. П. 78
 Гудович И. В. 111
 Гуль Р. Б. 163
 Гурилев А. А. 39
- Давыдов** Д. В. 84—86
 Даль В. И. 85, 197
 Дамас де, барон 115, 117
 Данилова И. Ф. 178
 Дамич А. Ф. 188
 Дантес Геккерн Ж.-Ш. 23, 70
 Даниятина Т. М. 5, 7, 12,
 Дельвиг А. А. 98, 184, 187
 Денисенко С. В. 5, 75, 77, 103, 105, 109
- Державин Г. Р. 183
 Дерман А. Б. 202
 Джонс И. 203
 Дмитриев И. И. 70
 Дмитриев Н. К. 46
 Дмитриева Н. А. 5, 112
 Добровольский А. М. 92
 Добужинский М. В. 36
 Долгоруков П. В. 126
 Долинин (Dolinin) А. А. 5, 73, 82, 122,
 Дорохов Р. И. 120
 Достоевский (Dostoevskij) Ф. М. 47, 172, 175, 179
 Дроздов Н. А. 132
 Друшаут (Droeshout) М. 105
 Дубровин Н. Ф. 50, 51
 Дубровский А. В. 71, 77, 80, 81, 122, 182, 194
- Дуров В. А. 124
 Дурова Н. А. 124, 125, 184 (Кавалерист-девица)
 Дэвис Р. Д. 10, 16
- Евгеньев-Максимов** В. Е. 185, 188
 Евдокимова Т. В. 77
 Евреиннов Н. Н. 40
 Екатерина II, императрица 109
 Елисеева О. И. 126, 127
 Емельянов А. И. 53
 Ермолов А. П. 112, 126, 128, 129
 Ефремов П. А. 133, 144
- Жеребцова** (урожд. Толстая) П. Н. 126,
 Жилиякова Э. М. 97
 Жихарев С. П. 84
 Жуйкова Р. Г. 104, 153
 Жуковский В. А. 9, 10, 12, 27, 28, 92—95, 97, 99, 100, 102, 107, 111, 141, 150, 183, 185, 191, 201
 Жуковский П. В. 78, 209
- Забелин** И. Е. 173
 Загоскин М. Н. 23, 110, 187
 Загряжская Е. И. 122
 Зайцев Б. К. 23
 Закревская (урожд. Толстая) А. Ф. 126
 Закревский А. А. 125—128
 Зародова Л. Д. 5, 68, 81
 Зверева Я. В. 81
 Здобнов Д. С. 15
 Зильберштейн И. С. 73
 Зорин А. Л. 92
 Зубков Н. 92
- Ибрагим ибн-Якуб** 47
 Иван IV Грозный, царь 173
 Иванов Вяч. И. 164, 170,
 Иванова Е. Н. 71
 Иванова А. Н. 204
 Иезунтова Р. В. 82
 Измайлов Н. В. 67, 79, 98, 101, 123, 127, 147, 188, 192
 Илличевский А. Д. 184
 Ильин Н. И. 183, 187
 Ильин П. П. 187
 Ильинский А. К. 185
 Иоанн (Шаховской), архиепископ см. Шаховской Д. А.

- Ипатова С. А. 182
Исаев В. Г. 78
- Кавелин К. Д. 185, 186, 191
Казаков Р. А. 74
Казанович Е. П. 208
Казанский Н. Н. 82
Капнист В. В. 9
Карамзин А. Н. 208
Карамзин Н. М. 87, 130, 143, 150
Карамзина С. Н. 92, 184, 190, 208
Карамзины 208
Кардаш Е. В. 75
Карпеева О. Э. 82
Карпова Е. В. 78
Кассо Л. А. 65, 66
Катенин П. А. 5, 91–102
Каченовский М. Т. 183, 185, 187
Кемецкий (Свешников) В. С. 40
Керн А. П. 186
Киреевский П. В. 150
Киров С. М. 41
Китанина Т. А. 6, 82, 120, 129
Клеман М. К. 185, 189
Клаенский М. П. 185, 189
Клопов Ю. В. 202
Кнорринг И. Н. 161
Кнорринг Н. Н. 161
Князевская Т. Б. 35
Кобяк, хан 162
Кобяков Д. Ю. 161, 162, 164
Козлов И. И. 92
Козмин Н. К. 132, 185, 189
Кокошкин Ф. Ф. 183, 187
Колобова Н. А. 164
Кольцов А. В. 23
Комарова Т. А. 71, 78
Комиссаржевская В. Ф. 166
Кони А. Ф. 59
Константин Константинович (К. Р.),
вел. князь 64 (В. К.), 65, 200,
203, 208
Коншин Н. М. 184, 185
Коплан Б. И. 185, 189, 191, 212
Корнилов А. Г. 17
Корнуэлл (Cornwall) Б. 105
Коростелев О. А. 7, 159, 162, 163
Корш Евгений В. 62
Корш Евгений Ф. 48, 64
Корш Елена Ф. 47, 56–59
Корш М. Ф. 44, 47, 55, 56
Корш Ф. Е. 5, 42–67
Костомарова И. А. 14, 16
Котляревский И. П. 185
Котляревский Н. А. 79, 185, 189, 190
Кочнева Е. В. 81
Кочубей В. В. 122
Кошелев В. А. 106, 107
Крестова Л. В. 117
Крестовский В. В. 171
Крюков С. Н. 70
Кублицкая М. А. 71
Куванова Л. К. 11
Куделин А. Б. 82
Кудряшова Е. С. 47
Кузмин М. А. 164
Кузнецов Ф. Ф. 82
Кузнецова Г. Н. 20, 26
Кузнецова О. А. 81
Кук Дж. 75
Кукольник Н. В. 187
Купер Дж. Ф. 11
Куприн А. И. 14, 167
Кюхельбекер В. К. 73, 83, 183, 187
- Лагрене Т.-Ж. 122
Лажечников И. И. 186
Ламартин (Lamartine) А. 111, 115–118
Лапин В. В. 124
Ларнонова Е. О. 6, 79, 82, 96, 140,
141, 143, 149, 150
Ларт П. 166
Ла Ферроне де 118
Лебедева Э. С. 78
Лебедкова А. В. 71, 78, 203, 204
Левкович Я. Л. 71, 77, 78, 82, 101,
134, 146, 147, 149, 151
Лекуант де Лаво (Lecointe de La-
veau) Ж. 110
Ленский Д. Т. 184, 187
Леонардо да Винчи 24
Лермонтов М. Ю. 23, 26, 88, 124,
125, 184, 190, 208
Лернер Н. О. 74, 122, 134, 151, 153,
Лесков Н. С. 172
Лифарь Л. 166
Лифарь (Lifar) С. 73, 122, 166, 172,
173
Лихачев Д. С. 5, 34–41, 70, 72, 74,
77, 78, 82

- Лобакова И. А. 5, 34,
 Лобанова А. С. 80, 153
 Лобанова Л. П. 68
 Логинова В. С. 78, 81, 204, 205, 207
 Лодовико Моро (Людовико) 24
 Лозинский Г. А. 170
 Лонгинов М. Н. 189
 Лотман Л. М. 82
 Лукина В. А. 182
 Лурье М. А. 76
 Лященко А. И. 185
 Майков А. Н. 182, 186, 189
 Майков Л. Н. 54
 Майн Рид 11
 Макаров А. Н. 185
 Макаров И. И. 39
 Макаров Н. П. 39
 Маколей Т. Б. 12
 Мамаева А. Г. 78
 Мандельштам О. Э. 77
 Манзей К. Н. 113, 114
 Мариупольская Л. Р. 35
 Маркелов Г. В. 81
 Марков А. А. 44, 50
 Мартынов Г. Г. 159, 163
 Мартынов И. И. 185
 Межуев Б. В. 191
 Мей Л. А. 182, 186
 Мельц М. Я. 96
 Меншиков А. С. 185
 Мерлина Е. И. 123, 127
 Мерлини С. Д. 6, 127, 128, 129
 Мец А. Г. 77
 Мещерский Э. П. 75
 Миллер О. В. 164
 Миловидова М. П. 14
 Милонов М. В. 183
 Мильчина В. А. 112
 Милютина Е. А. 185, 191
 Мисайлиди А. Е. 71, 78, 204, 206,
 207, 212
 Михаил Федорович, царь 137
 Михайлов О. Н. 8, 14, 16,
 Михайлова А. Н. 190
 Михайлова Н. И. 72
 Михайловский-Данилевский А. И.
 185, 186
 Мишкевич А. 23, 95
 Мнухин Л. А. 173
 Модзалевский Б. А. 75, 78—80, 97,
 143, 144, 146, 158, 159, 164, 165,
 168, 174, 182, 184—190, 192, 195,
 200, 209—211
 Модзалевский Л. Б. 70, 134, 140,
 Молев А. Е. 70
 Монахова Е. Н. 78, 81
 Монтень М. 135
 Морен (Morin) М.-Р. 118
 Морозов П. О. 132, 144
 Морозов С. Н. 7, 8, 14, 16, 21
 Мотовилова М. Н. 186
 Моцарт В. А. 83, 106
 Мочульский К. В. 170
 Муравьев М. Н. 185
 Муравьева И. А. 79
 Муравьева О. С. 82
 Муратова К. Д. 192
 Муромцева-Бунина В. Н. см. Бунин-
 на В. Н.
 Мятлев И. П. 186
 Набоков В. В. 31, 35
 Надсон С. Я. 12
 Наливкин В. П. 48
 Нарезный В. Т. 124
 Нащокин П. В. 103, 119
 Невзорова И. М. 161
 Неклюдов А. В. 21
 Некрасов Н. А. 185—189
 Некрылова А. Ф. 204
 Нелединский-Мелецкий Ю. А. 112
 Нельговская З. И. 62
 Немзер А. С. 92, 93, 95
 Нессельроде К. В. 116, 117
 Нечаева В. С. 119
 Никитенко А. В. 184, 186, 187, 189
 Николаев Д. Д. 8,
 Николай I, император 65, 91, 111, 114,
 208
 Николай II, император 65
 Никоненко Ст. С. 7
 Никус П. А. 16
 Новикова А. М. 96
 Носова А. Г. 81
 Обатнина Е. Р. 6, 158, 161, 162, 164,
 173
 Оболенская А. М. 173
 Оболенские 173
 Оболенский А. В. 173

- Оболенский В. А. 173
 Овчина Телепнев-Оболенский И. Ф. 173
 Огневич Е. В. 71
 Одоевский В. Ф. 183, 187
 Одоевцева И. В. 195
 Ознобишин Д. П. 184
 Оксман Ю. Г. 97, 133, 147,
 Олег Константинович, вел. князь 70
 Оленина А. А. 76
 Олин В. Н. 184, 186, 187
 Онегин А. Ф. 17—19, 70, 71, 73, 78,
 159, 194—197, 199—203, 209, 211,
 212, 215
 Орлеанский Н. М. 186
 Орлов А. С. 37
 Осипова П. А. 20, 141
 Осоргина (урожд. Бакунина) Т. А. 179
 Осоват А. Л. 82, 112
 Остафьев Д. А. 72
 Остерман Е. А., графиня 119
 Остолопов Н. Ф. 96
 Островский А. Н. 184—188
 Охотин Н. Г. 82
 Охотников В. П. 74
 Павлищев А. Н. 79, 98
 Павлищева О. С. (урожд. Пушкина) 28, 79, 98
 Павлова К. К. 184, 185
 Панаев И. А. 189
 Панаев И. И. 189
 Панченко А. М. 106
 Панченко Ф. В. 81
 Пастернак Б. Л. 35
 Перемиловский В. В. 165
 Переселенков С. А. 186, 188
 Перовский А. А. (псевд. Антоний Погорельский) 173, 174
 Петр I 13
 Петров Ф. А. 44
 Пирогов Н. И. 186
 Писемский А. Ф. 171, 172
 Пламридж Т. 203, 213
 Платнев П. А. 98, 136, 149, 150, 186, 189
 Погодин М. П. 95, 125, 140, 143, 186
 Погорельский Антоний см. Перовский А. А.
 Покровская Е. Б. 186
 Полонский Я. П. 185, 189
 Поляков А. С. 188
 Понзельми М. 203
 Пономарев Е. Р. 7
 Попугаев В. В. 186
 Прозорова Н. А. 5, 42, 52, 67, 81
 Прокопович-Антонский А. А. 185
 Пролет Е. В. 71, 122, 204
 Проскурин О. А. 101
 Протасова М. А. 9
 Пугачев Е. И. 99
 Пушкарева Э. В. 186
 Пушкин А. А. 20,
 Пушкин В. Л. 72, 183, 186
 Пушкин Г. Г. 131
 Пушкин А. С. 28, 79, 174
 Пушкин Николай А. 20, 21
 Пушкина Надежда А. (урожд. Петунникова) 21, 22
 Пушкина Н. Н. (урожд. Гончарова) 28
 Пушкины-Ганнибалы 79
 Пушин М. И. 124, 127
 Пыпин А. Н. 52
 Радищев А. Н. 186
 Раевские 13
 Раевский Н. Н. (младший) 24, 130—133, 136, 138, 142—144, 146—148
 Раевский Н. Н. (старший) 131
 Раевский Н. П. 123, 124
 Рак В. Д. 82
 Раменские 69
 Расин Ж.-Б. 135, 139, 142
 Рахманиновы 26
 Ремизов (Remizov) А. М. 6, 158—181
 Ремизова-Довгелло (Remizova-Dovgello) С. П. 165, 166, 170, 173
 Ремизовы 164
 Реневаль (Rayneval) М. де 115
 Ренье (Régnier) А. Ф. Ж. де 22
 Репин И. Е. 40
 Родзянко А. Г. 186
 Родюкова М. В. 81
 Розанов И. Н. 96
 Розен А. Е. 127
 Розен В. Р. 46, 47
 Розен Е. Ф. 148
 Розенмайер Е. А. 21, 22

- Роллан (Rolland) Р. 178
 Ромашков Н. О. 11
 Ростопчин Ф. В. 109
 Ростропович М. А. 193, 199, 214, 215
 Ртищев Н. Ф. 128
 Ртищев Ю. С. 9
 Рудаков С. Б. 77
 Русаков А. 40
 Руссо Ж.-Ж. 36
 Рылеев К. Ф. 19, 20, 31, 125, 127,
 Рышков Владимир А. 5, 42—67, 209
 Рышков Виктор А. 52, 58 (брат на-
 шего казначея), 59
 Рышкова К. В. 42
 Рышковы 45
 Сабуров А. И. 122, 126
 Садовский М. П. 186
 Саитов В. И. 144, 146
 Сальери А. 83, 106
 Сальма 9
 Сальха см. Турчанинова Е. Д.
 Самойлова Ю. П. 119
 Сандомирская В. Б. 98, 101
 Саути (Саувей) Р. 100
 Сафо 9
 Сверчков А. В. 116
 Свинын П. П. 186
 Святослав, князь 162
 Семенко И. М. 92
 Семенников В. П. 186
 Семенов А. 186
 Сенковский О. И. 125
 Сен-При (St.-Priest) Алексей 113
 Сен-При (St.-Priest) Ольга 113
 Сен-При (St.-Priest, урожд. Голицы-
 на) С. А. 113
 Сен-При (St.-Priest) Ш. де 113
 Сен-При (St.-Priest) Э. де 6, 112—122
 Симанович Ф. Ф. 128
 Симони П. К. 51, 52
 Синани-Маклеод (Sinany) Е. 178, 179
 Синяевский Н. А. 96, 98, 136
 Скатов Н. Н. 78, 81
 Скобелев М. И. 200
 Скотт (Scott) В. 69, 97
 Сленин И. В. 185
 Слепцов В. А. 172
 Смирдин А. Ф. 149
 Смирнов Н. М. 116, 120
 Смирнова-Россет А. О. 116, 117, 127
 Снеговая И. А. 78, 203
 Собаньская К. А. 180, 181
 Собинов А. В. 214
 Соболев А. А. 161
 Соболевский С. А. 99, 150
 Солженицын А. И. 193
 Сологуб В. А. 184, 186
 Соловьев А. Ю. 81
 Соловьев В. С. 185, 191
 Соловьев С. М. 17
 Соловьева О. С. 122
 Сологуб Ф. К. 168
 Сомов О. М. 186
 Софиев Ю. Б. 161
 Сперанский М. М. 184, 185, 187
 Сперанский М. Н. 151
 Срезневский В. И. 146
 Сталин И. В. 31
 Станкевич А. В. 48
 Старк В. П. 80
 Стасов В. В. 182, 186
 Степанов В. П. 42
 Степанов В. С. 129
 Степанова И. 71
 Стоминок В. Н. 40, 78
 Стороженко Н. И. 58, 59
 Сухарникова Т. А. 41
 Сушков Н. В. 185
 Сысоева А. В. 81
 Тарковский А. А. 35
 Тименчик Р. Д. 161
 Тимм Г. В. 10
 Тимофеева Л. А. 5, 68, 71, 80
 Титов В. П. 140
 Толь Э. В. 50
 Толстая М. А. 114
 Толстая (Крандиевская) Н. В. 18
 Толстой А. К. 18, 23
 Толстой А. Н. 17, 18
 Толстой Г. 114
 Толстой Л. Н. 20, 23,
 Толстой Т. П. 114
 Томашевский Б. В. 92, 94, 133, 134,
 140, 147, 151, 186, 188
 Трубилова Е. М. 8
 Тургенев А. И. 110, 115, 120
 Тургенев (Turgueniev) И. С. 12, 23,
 24, 175, 185, 190

- Тургенев Н. И. 115
 Турчаненко В. В. 182
 Турчанинова Е. Д. (Сальха) 9
 Тынянов Ю. Н. 91, 92, 126
- У**
 Унковский В. Н. 168
 Успенский Г. И. 189
 Успенский Н. В. 189
 Успенский Ф. И. 60
 Устимович П. М. 76, 186, 195
 Ушаков В. А. 184
 Ушаков Д. Н. 44
 Ушакова Е. Н. 78, 214
- Ф**
 Фаминцын А. С. 49, 50
 Федоров, артиллерист 123
 Федотова С. Б. 76, 80, 82, 102, 134, 213
 Филмонов В. С. 185
 Филипсон Г. И. 123
 Фишер С. Н. 46, 47
 Флоринский Т. Д. 46, 47
 Фомин И. А. 200
 Фомичев С. А. 6, 70, 71, 75, 77, 78, 80, 82, 102, 103, 105, 108, 134, 151, 157, 199, 215
- Х**
 Хвостов Д. И. 185, 186
 Хитрова Д. М. 73
 Хитрово Е. М. 141
 Хитрово А. К. 71, 79, 81, 182, 195, 204, 210
 Ходасевич В. Ф. 8, 20
 Холл Э. 70, 77
 Хомяцкий Г. см. Чижев Г. В.
 Хохлова О. Ю. 204
- Ц**
 Царькова Т. С. 6, 81, 182
 Цветаева М. И. 34
 Цетлин М. О. 24
 Цетлина М. С. 24
 Цыганов Н. Г. 153
 Цявловская Т. Г. 102, 104, 112, 120, 122, 134
 Цявловский М. А. 96, 98, 120, 136, 140, 150, 151
- Ч**
 Чарльз, принц Уэльский, ныне король Карл III 70, 74, 77, 193, 197, 214
 Чельшев Е. П. 82, 205
 Черейский Л. А. 127
 Черемнов А. С. 14,
 Чернов А. Ю. 122
 Чернова (урожд. Федорова; в замуж. Резникова) Н. В. 173
 Чернова Н. М. 161
 Чернова О. Н. (урожд. Федорова; в замуж. Андреева) 173
 Чернышев В. И. 151, 186
 Черчилль У. 24
 Чехов А. П. 23, 167, 185, 187, 189
 Чижев Г. В. (псевд. Г. Хомяцкий) 173
 Чубаров И. А. 9
 Чубаровы 9
 Чулков М. Д. 154
- Ш**
 Шаликов П. И. 185
 Шалапин Ф. И. 214
 Шан-Гирей Э. А. 124
 Шаталина Н. Н. 71
 Шахматов А. А. 60, 61, 64
 Шахматова С. А. 186
 Шаховская З. А. 31
 Шаховской А. А. 115
 Шаховской Д. А. (Иоанн (Шаховской), архиепископ) 159–164, 167
 Шевырев С. П. 95, 143, 148, 184
 Шевченко Т. Г. 184
 Шекспир (Shakespear) В. 12, 104, 105, 130, 135, 137, 139, 142, 149, 187, 188
 Шереметев Н. В. 118
 Шестов Л. И. 171
 Шилов К. В. 112, 114, 120, 122
 Шишков А. С. 187
 Шлегель А. В. 132
 Шамакова Т. Л. 78
 Шруба М. 159, 163
 Шумихин С. В. 164
- Щ**
 Щербина Н. Ф. 182, 185, 186
 Щукин П. И. 64
 Щукина Е. С. 71
- Э**
 Эйхфельдт М. Е. 153, 154
 Энгельгардт Б. М. 186, 187
 Эфрос А. М. 103–105, 109
- Ю**
 Юзефович М. В. 133, 136, 137
 Юшкова (урожд. Бунина) В. А. 9
- Я**
 Языков Н. М. 92
 Яковлев Н. В. 187–189
 Яковлева Е. П. 81

Якубович А. И. 113, 114, 118, 122

Якубович Д. П. 147

Якушкин В. Е. 54, 152

Янжул И. В. 60

Andr V. 179

Bethea D. M. *см.* Бетеа Д. М.

Bowles W. 105

Dolinin A. *см.* Долинин А.

Fleishman L. 73

Golovin V. *см.* Головин В. В.

Guignard E. L. M. 114

Kwill, M-me 166

Livak L. 73

Lope de Vega 139

Lozinski G. *см.* Лозинский Г. А.

Ossorguine T. *см.* Осоргина (урожд.
Бакунина) Т. А.

Milman H. 105

Motchoulski C. *см.* Мочульский К. В.

Ruzhinskaite K. 171

Sinany H. *см.* Синани-Маклеод Е.

Vivier Z. 178

Vivier R. 178

Wilson J. 105

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА

Андрей Шенье 131

Барышня-крестьянка 89, 90

Бахчисарайский фонтан 13

Бесы 101

Борис Годунов 6, 31 (монолог Пимена), 75, 130–150

Буря 13

<Возражение на статьи Кюхельбекера в «Мнемозине»> 73

<Возражение на статью «Атеней»> 141

«Волненьем жизни утомленный...» 73

«Ворон к ворону летит...» 97, 98

«В твою светлицу, друг мой нежный...» 152, 154

Выстрел 85, 88, 89, 90

Гавриилиада 141

Князю А. М. Горчакову 31

19 октября («Роняет лес багряный свой убор...») 11

Делибаш 134

«Для берегов отчизны дальней...» 28

Домик в Коломне 102

Евгений Онегин 11, 12, 24, 57, 75, 108, 112, 116, 135, 140, 149, 155, 156, 157

«Если жизнь тебя обманет...» 74

Жених 92, 96

«Зима. Что делать нам в деревне?..» 10

Зимнее утро 10

История села Горюхина 103, 108, 109, 151

К вельможе 108

К Делии 10

К Морфею 10

К Щербинину 31

Кавказ 108, 134

Кавказский пленник 131

- Каменный гость 31, 103, 107
 Капитанская дочка 16, 17, 99
 «Когда в объятия мои...» 136
 «Когда Потемкину в потемках...» 187
 «Когда-то (помню с умилением)...» 208
 Козлову 208
 Куплеты на слова «С позволения сказать» 84
Мадона 208
 Маленькие трагедии 83, 84, 88, 90, 102
 Медный всадник 208
 <Медок> 145
 Метель 86, 89, 90
 Моцарт и Сальери 83, 103
 <Наброски предисловия к «Борису Годунову»> 130–150
 На выздоровление Лукулла 99
 «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» 6, 72, 180, 181
 «Ненастный день потух; ненастной ночи мгла...» 11
 «Не пой, красавица, при мне...» 154
 Нереида 13
 «О бедность! Затвердил я наконец...» 201
 <О Гавриле Григорьевиче Пушкине> 131
 <О драмах Байрона> 132
 <О поэтическом слоге> 100
 <О трагедии> 132
 <О трагедии Олина «Корсер»> 132, 140, 141
 <Опровержение на критики> 75, 78, 130, 131
 Опыт отражения некоторых не-литературных обвинений 78
 Опытность 31
 Ответ Катенину 91
 «От меня вечер Леила...» 26
 Отрывок из поэмы Мицкевича: Конрад Валленрод см. «Сто лет минуло, как тевтон...»
Певец 10
 Песни западных славян 151
 Песнь о вещем Олеге 92, 93, 96
 Пир во время чумы 103
 Письмо к издателю 26
 <Письмо к издателю «Московского вестника»> 137, 138, 140, 145
 Повести Белкина 5, 7, 83–85, 90, 102, 103, 107
 <Повесть из римской жизни> 76
 Полтава 98, 101, 135, 136, 141–143
 Поэт и толпа 101, 136
 «Пред испанкой благородной...» 107, 108
 <Проект предисловия к VIII и IX главам «Евгения Онегина»> 78, 79
 Путешествие в Арзрум 26
 <Роман в письмах> 137
 <Роман на Кавказских водах> 6, 123–129
 Русалка 31, 165

- Сказка о золотом петушке 108
Сказка о попе и о работнике его Балде 102
Скупой рыцарь 103, 104, 106, 107
Собрание насекомых 187
Стансы 91, 143
Станционный смотритель 87, 89, 90
«Сто лет минуло, как тевтон...» 95
<Тазит> 145
Талисман («Там, где море вечно плещет...») 30
Труд 134
Утопленник 92—99, 101
Цветок («Цветок засохший, безуханный...») 9, 101
Цыганы 90
«Что с тобой, скажи мне, братец?» 76
«Я здесь, Инезилья...» 107

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. В. В. Головин.....	5
---------------------------------	---

I. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Т. М. Двинятина. Пушкин на страницах дневников и записных книжек Бунина	7
И. А. Лобак ова. «Воспоминания» Д. С. Лихачева: о поисках автором названия для книги (по материалам архива).....	34
«Я Вам пишу — чего ж Вам боле?»: письма-стихи Ф. Е. Корша Вл. А. Рышкову. <i>Вступительная заметка, подготовка текста и комментарии Н. А. Прозоровой.</i>	42

II. ОБЗОРЫ

Библиография публикаций Т. И. Краснобородько. <i>Составила Л. Д. Зародова под редакцией Л. А. Тимофеевой</i>	68
---	----

III. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

М. Г. Альтшуллер. Гусары в «Повестях Белкина».....	83
М. Н. Виролайнен. Пушкинские баллады в «катенинском» контексте (1828 год).....	91
С. В. Денисенко. Обложка к рукописям «маленьких трагедий». <i>Опыт графических изучений «опыта драматических изучений»</i>	102
Н. Л. Дмитриева. «А всё Кузнецкий мост и вечные французы...». <i>Об одном московском топониме.</i>	109
А. А. Долинин. Новое о Сен-При.....	112
Т. А. Китанина. К вопросу о низвержении одной запятой и восстановлении одной репутации	123
Е. О. Ларионова. О так называемых «набросках предисловия» Пушкина к «Борису Годунову».....	130
С. А. Фомичев. «Что-то слышится родное...». <i>О пушкинских стилизациях народных песен.</i>	150

IV. ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ

Русская гофманиана	
I. Е. Р. Обатнина. Ремизов и Гофманы	158
II. В. Р. Гофман. Приветствие.....	180
Т. С. Царькова. Альманах «26 мая»	182

V. ХРОНИКА

Татьянин мир. В. Е. Багно.....	193
К портрету хранителя. Рукописный отдел ИРЛИ.....	194
Пушкинодомка. Л. Е. Мисайлиди	199
Р. С. С. А. Фомичев.....	213
Указатель имен. Составила А. К. Михайлова	216
Указатель произведений Пушкина. Составила А. К. Михайлова ...	224

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию»,
«книга предназначена для детей старше 14 лет»

Научное издание

ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ
Специальный выпуск в честь
Татьяны Ивановны Краснобородько
Сборник научных трудов

Утверждено к печати
Пушкинской комиссией
при Отделении историко-филологических наук
Российской Академии наук

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-64948 от 24 февраля 2016 г.

Редактор издательства *О. Э. Карпеева*
Корректор *А. С. Лобанова*
Компьютерная верстка *А. Д. Положенцева*

Сдано в набор 23.01.2023. Подписано к печати 28.02.2023.
Формат 60×90^{1/16}. Гарнитура Академическая.
Усл. печ. л. 14,38. Тираж 300 экз.

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostokbooks@yandex.ru
URL: <http://www.rostokbooks.ru>
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: (812) 937–98–70

ИП «Варваркин А. И.»
199155, Санкт-Петербург, ул. Уральская, д. 17, корп. 3, оф. 4